

ISSN 2079-1003 2500-2902

URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1 (48) 2023

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (48) 2023

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (48) 2023

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

CONTENTS

No 1 (48) 2023

Maria P. Bezenova. “Primer book for Votyak children of the Sarapul district”: morphological features	7
Pavel V. Grashchenkov, Ulyana V. Isaeva. Adjectival ordering on the data of Turkic texts	22
Vadim V. Dyachkov. Event structure of Hill Mari denominal verbs	33
Marina V. Kutsaeva. Linguistic biographies of Moscow region Maris — natives of Hill Mari district of the Republic of Mari El	53
Natalia N. Logvinova. Relativization in the Maloe Karachkino dialect of Chuvash. On the typology of general noun-modifying clause constructions	70

REVIEWS

Nadezhda I. Danilova. <i>Alexei A. Burykin, Sardana I. Sharina.</i> Even. Phonetics. Graphics and orthography. Morphology	91
Style sheet	98

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (48) 2023

М. П. Безенова. «Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда»: морфологические особенности.....	7
П. В. Гращенков, У. В. Исаева. Взаимное расположение атрибутивных прилагательных по данным тюркских текстов.....	22
В. В. Дьячков. Событийная структура отыменных глаголов в горномарийском языке.....	33
М. В. Куцаева. Лингвистические биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев Горномарийского района Республики Марий Эл).....	53
Н. Н. Логвинова. Релятивизация в малокарачкнском говоре чувашского языка. К типологии обобщенных приименных клаузалных конструкций.....	70

РЕЦЕНЗИИ

Н. И. Данилова. А. А. Бурыкин, С. И. Шарина. Эвенский язык. Фонетика. Графика и орфография. Морфология.....	91
Требования к оформлению статей.....	98

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН, Институт системного программирования РАН)

Ответственный секретарь

Н. А. Кошелюк

(к.ф.н., Институт системного программирования РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН, Гамбургский университет), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Гамбургский университет)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Executive secretary

Natalia Koshelyuk

(Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; University of Hamburg), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbееv (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (University of Hamburg), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmás Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepšov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

«Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда»: морфологические особенности

Безенова Мария Петровна, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

В статье рассматриваются морфологические особенности «Букваря для вотяцких детей Сарапульского уезда» (1882). Актуальность исследования обусловлена тем, что письменные памятники являются одним из основных источников изучения истории языка, однако большинство памятников удмуртской письменности на данный момент еще не рассмотрено.

В работе описываются основные грамматические категории имени существительного (число, притяжательность, падеж) и глагола (залог, наклонение, время), а также неспрягаемые формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие). Анализ морфологических особенностей проводится на основе выявленных ранее графических и фонетических особенностей письменного источника. При этом задействован метод сопоставления языкового материала памятника с данными литературного языка и современных удмуртских диалектов. По возможности также затрагиваются вопросы происхождения морфологических маркеров с целью выявления инновационного либо архаичного характера особенностей, отраженных в исследуемом памятнике на морфологическом уровне.

В результате анализа нам удалось выявить ряд особенностей в образовании форм множественного числа имен существительных, исходного падежа, возвратного залога от глаголов I спряжения и деепричастий, посредством которых язык памятника отличается от современного литературного удмуртского языка и некоторых его диалектов. При этом, как показал анализ, все выявленные особенности представлены в современных говорах южной диалектной зоны удмуртского языка, что подтверждает предположение, выдвинутое ранее на основе анализа фонетической системы этого памятника, согласно которому в основе букваря может лежать говор, расположенный на современной территории северной части Малопургинского района Удмуртской Республики.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектология, сарапульское наречие, памятники письменности, морфологические особенности

“PRIMER BOOK FOR VOTYAK CHILDREN OF THE SARAPUL DISTRICT”: MORPHOLOGICAL FEATURES

Maria P. Bezenova,
Udmurt Institute of History, Language and Literature Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk),
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); mary_kaj@mail.ru

The article examines the morphological features of the “Primer book for Votyak children of the Sarapul district” (1882). The significance of the study lies in the fact that although written records are one of the main sources for studying language history, most of Udmurt written records have not been examined yet.

The paper describes the main grammatical categories of the noun (number, possession, case) and the verb (voice, mood, tense), as well as those of the non-conjugated verb forms (infinitive, participle, adverbial participle). The analysis of morphological characteristics is based on the previously identified graphic and phonetic features of the written source and employs a comparative method: the linguistic data were compared with the data from the literary language and modern Udmurt dialects. Furthermore, whenever possible, the issues of the origin of morphological markers are raised in order to identify the innovative or archaic nature of the characteristics which are reflected in the written record at the morphological level.

As a result, the analysis has revealed a number of features in the formation of the plural forms of nouns, the elative case, the reflexive voice from the verbs of the first conjugation and adverbial participles. At the same time, as the analysis shows, all these features are still present in the modern dialects of the Southern Udmurt dialect zone. This confirms the assumption put forward earlier and based on the analysis of the phonetic system of the written record that the primer may have been based on a dialect located in the modern territory of the northern part of Malopurginsky district of the Udmurt Republic.

Keywords: the Udmurt language, dialectology, Sarapul dialect, written records, morphological features

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных».

1. Введение

Статья посвящена анализу морфологических особенностей «Букваря для вотяцких детей Сарапульского уезда»¹ (1882). В состав Сарапульского уезда в конце XIX в.² входила территория современной Удмуртской Республики, на которой сегодня распространены южные кырыкмасские, срединные верхнеижские и средневосточные, а также частично северные верхнечепецкие говоры удмуртского языка. Анализ графико-орфографических и фонетических особенностей источника, представленный в работе [Безенова 2022a], позволил предположить, что в основе памятника, скорее всего, лежит один из говоров южной диалектной зоны, расположенный на границе срединных и центрально-южных говоров удмуртского языка, т. е. на данный момент это говор северной части Малопургинского района Удмуртской Республики. В статье, с целью подтверждения выдвинутой ранее гипотезы относительно диалектной принадлежности источника, мы рассмотрели особенности памятника на уровне морфологии. Для этого в работе описаны основные грамматические категории имени существительного (число, притяжательность, падеж) и глагола (залог, наклонение, время), а также неспрягаемые формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие), характерные для удмуртского литературного языка и его диалектов.

Анализ морфологических особенностей проведен путем сопоставления языкового материала памятника с данными литературного языка и современных удмуртских диалектов. При описании морфологических явлений букваря мы старались классифицировать, какие из них — инновации, а какие — архаизмы, сохранившиеся от праудмуртского языка, поскольку принадлежность письменных источников к тому или иному диалекту определяется набором общих инноваций, а не сохранившихся архаизмов.

2. Именная морфология

2.1. Число

Морфологическая категория числа имен существительных в современном удмуртском языке базируется на оппозиции форм единственного и множественного числа. Формы единственного числа характеризуются отсутствием формальных показателей (*гурезь* ‘гора’, *ки* ‘рука’, *писпу* ‘дерево’). Множественное число образуется путем присоединения суффикса *-ос* к основам на гласные (*губиос* ‘грибы’, *коркаос* ‘дома’, *пырыос* ‘крошки’) и маркера *-йос* (графически *-ёс*) к основам на согласные (*бамъёс* ‘щеки’, *кидысьёс* ‘семена’, *пыдъёс* ‘ноги’) [УКК 2011: 27].

В «Букваре для вотяцких детей Сарапульского уезда» множественное число имен существительных образуется с помощью суффикса *-йос*, который присоединяется не только к основам, оканчивающимся на согласный, но и к основам с финальным гласным³:

дышецкисийосыз ‘его ученики’⁴ PL-POSS.3SG — литер. *дышеткисьёсыз*, *кылйос* ‘слова’ PL — литер. *кыльёс*, *муртйос* ‘люди’ PL — литер. *муртъёс*, *перешйослы* ‘старикам’ PL-DAT — литер. *пересьёслы*, *ужйоссы* ‘их дела’ PL-POSS.3PL — литер. *ужъёссы* и др.;

нылтийослен ‘у детей’ PL-GEN — литер. *нылтиослэн*, *покицийослы* ‘младшим’ PL-DAT — литер. *покчиослы*, *потемтейослы* ‘не желающим’ PL-DAT — литер. *потымтэослы*.

Формы множественного числа, образующиеся посредством присоединения маркера *-йос* к основам с конечной гласной, характерны и для отдельных диалектов современного удмуртского языка. Подобные формы встречаются в некоторых северноудмуртских [Карпова 2018: 169] и центрально-южных говорах [Кельмаков 1977: 41; Атаманов 1981: 52; Загуляева 1982: 6]. Однако более системно это явление представлено в закамском и татышлинском периферийно-южных говорах [Кельмаков 2006: 116], а также в косинском говоре нижнечепецкого диалекта удмуртского языка [Карпова 2018: 168].

¹ Конкорданс к данному памятнику можно найти на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru>.

² Согласно карте Сарапульского уезда 1892 г. http://www.etomesto.ru/map-udmurtiya_sarapulskiy-uezd-1892/.

³ Аналогичное явление было зафиксировано нами также в книгах «Угет. Святой Тихон дышетэм жеч кыльёс. Наставление христианское св. Тихона» (1878), «Жеч кыльёс. Святой Тихонлэн жечлы дышетэм кыльёсыз. Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) и «Святой Феодорлэн улэмез. Житие св. Феодора. На вотском языке елабужского наречия» (1913) [Безенова 2022b: 69, 226, 334]. Единичные примеры встречаются и в «Закон Божий: Книжка с картинками для маленьких детей на вотском языке глазовского наречия» (1912), однако в данном памятнике в абсолютном большинстве примеров к именным основам на гласные присоединяется аффикс *-ос* [там же: 166].

⁴ В примерах сохранена графика и орфография источников. Переводы с русского на удмуртский язык даются по электронному словарю <http://udmcorpus.udman.ru/dictionary> с учетом контекстов.

Что касается происхождения данного маркера, на сегодняшний день существуют различные гипотезы [Лыткин 1931: 108; Uotila 1933: 182—183; Kövesi 1965: 152; Кондратьева 2011б: 36 и др.], согласно которым в составе морфологического показателя множественного числа имен существительных изначально был согласный *й*, который «в словах с основами на финальный гласный в результате ослабления позиции *й* в интервокальном положении преобразовался в *-ос*» [Карпова 2018: 169—170]. Исходя из этого, можно предположить, что формы множественного числа, образованные в букваре с помощью маркера *-йос* от основ с конечной гласной, представляют собой более архаичные варианты по сравнению с их современными литературными соответствиями.

2.2. Притяжательность

Морфологически категория посессивности в современном удмуртском языке выражается различными лично-притяжательными суффиксами (см. таблицу 1)⁵.

Таблица 1. Лично-притяжательные суффиксы [ГСУЯ 1962: 82]

Один обладатель		
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	-э (-е), -ы 'мой, моя, мое'	-ы 'мои'
2-е лицо	-эд (-ед), -ыд 'твой, твоя, твое'	-ыд 'твой'
3-е лицо	-эз (-ез), -ыз 'его, ее'	-ыз 'его, ее'
Много обладателей		
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	-мы 'наш, наша, наше'	-мы 'наши'
2-е лицо	-ды, -ты 'ваш, ваша, ваше'	-ты 'ваши'
3-е лицо	-зы, -сы 'их'	-сы 'их'

Как видим, в случае единственного числа обладателя и обладаемого в удмуртском языке функционируют два варианта огласовок посессивных показателей. При этом подавляющее большинство существительных оформляется э-овыми притяжательными суффиксами. Наличие *ы*-овых вариантов одни ученые связывают с семантическими признаками имен существительных [ГСУЯ 1962: 82—83], другие — с исторической фонетикой [Fokos 1963: 217; Лыткин 1970: 231—233]. По мнению третьих, современная система притяжательных суффиксов в удмуртском языке сложилась в результате прохождения нескольких этапов: фонетического, семантического и морфологического [Кельмаков 1993: 25—27]. Третий этап, для которого характерно «постепенное поглощение небольшой *ы*-группы имен существительных э-группой через промежуточную ступень варьирования у них форм на *-ы* и *-э*» [там же: 27], можно заметить сегодня как в удмуртском литературном языке (ср. *кузпалы* ~ *кузпалэ* 'мой супруг / моя супруга', *йырыд* ~ *йыред* 'твоя голова', *нуналыз* ~ *нуналэз* 'его день'), так и в отдельных диалектах (юж. *вил'ыз* // сред. *вил'эз* 'новое', кукм. *чужмортъд* // сред. *чужмортэд* 'твой дядя (по матери)' [там же]). При этом сопоставление данных памятников письменности конца XIX — начала XX в. и современных диалектных материалов также свидетельствует о значительной утрате *ы*-овых огласовок в удмуртском языке за последние 100—120 лет [Норманская, Безенова 2018: 86].

В «Букваре для вотяцких детей Сарапульского уезда» категория посессивности имен существительных выражена суффиксами, идентичными литературным (см. таблицы 2, 3).

В памятнике мы зафиксировали лишь один пример с отклонением от литературной нормы: *киед* 'твоя рука' POSS.2SG — литер. *кыыд*. Данные удмуртского литературного корпуса⁶ также подтверждают, что притяжательные формы единственного числа обладателя и обладаемого от существительного *ки* 'рука' в современных печатных текстах образованы с помощью маркеров с *ы*-овой огласовкой⁷.

⁵ В ряде косвенных падежей удмуртского языка (аккузатив, инструменталь, инессив, иллатив, элатив, эгрессив, пролатив, терминатив) в случае единственного и множественного числа обладаемых и единственного числа обладателей функционируют посессивные маркеры *-м(-)*, *-д(-)/-т(-)*, *-з(-)/-с(-)* без препозитивных огласовок (подробнее см. [УКК 2011: 36—37]).

⁶ <http://udmcorpus.udman.ru/>

⁷ Единичные случаи употребления формы *киед* встречаются в корпусе <http://udmurt.web-corpora.net/> (в материалах соцсетей и блогов) и в корпусах <http://multimedia-corpora.beserman.ru/search>, <http://beserman.ru/corpus/search/>, содержащих современные бесермянские данные.

Однако в связи с постепенным процессом замены *ы-* на *э-*огласовку, о котором мы говорили выше, на наш взгляд, все же не стоит исключать вероятность функционирования форм типа *кие* ‘моя рука’, *киед* ‘твоя рука’, *киез* ‘его рука’ в отдельных удмуртских говорах как на современном этапе, так и в конце XIX в.

Таблица 2. Выражение категории посессивности в букваре (формы индивидуального обладателя)

Лицо	Одно обладаемое	Много обладаемых
1	<i>тие</i> ‘мой сын’ POSS.1SG — литер. <i>тие</i>	не зафиксировано
2	<i>анайед</i> ‘твоя мать’ POSS.2SG — литер. <i>анаед</i> <i>атайед</i> ‘твой отец’ POSS.2SG — литер. <i>атаед</i> <i>ужамед</i> ‘твоя работа’ POSS.2SG — литер. <i>ужамед</i>	<i>дышмонйосыд</i> диал. ‘твои враги’ PL-POSS.2SG <i>эийосыд</i> ‘твои друзья’ PL-POSS.2SG — литер. <i>эшьёсыд</i>
3	<i>аресез</i> ‘его возраст’ POSS.3SG — литер. <i>аресэз</i> <i>тиез</i> ‘его сын’ POSS.3SG — литер. <i>тиез</i> <i>ужез</i> ‘его дело’ POSS.3SG — литер. <i>ужез</i> <i>кылыз</i> ‘его слово’ POSS.3SG — литер. <i>кылыз</i> <i>мылыз кыдыз</i> ‘его настроение’ POSS.3SG — литер. <i>мылыз-кыдыз</i> <i>пуныз</i> ‘его конец’ POSS.3SG — литер. <i>пуныз</i>	<i>дышецкйосыз</i> ‘его ученики’ PL-POSS.3SG — литер. <i>дышеткисъёсыз</i> <i>муртйосызлы</i> ‘его людям’ PL-POSS.3SG-DAT — литер. <i>муртъёсызлы</i> <i>ужйосызлы</i> ‘его делам’ PL-POSS.3SG-DAT — литер. <i>ужъёсызлы</i>

Таблица 3. Выражение категории посессивности в букваре (формы коллективного обладателя)

Лицо	Одно обладаемое	Много обладаемых
1	не зафиксировано	не зафиксировано
2	<i>анайдылещ</i> ‘от вашей матери’ POSS.2PL-ABL — литер. <i>анайдылэсь</i> <i>атайды</i> ‘ваш отец’ POSS.2PL — литер. <i>атайды</i> <i>шекты</i> ‘ваш порок’ POSS.2PL — литер. <i>шекты</i>	<i>дышмонйостес</i> диал. ‘ваших врагов’ PL-POSS.2PL-ACC <i>сьблыкйостес</i> ‘ваши грехи’ PL-POSS.2PL-ACC — литер. <i>сьблыкъёстэс</i>
3	<i>налпамзы</i> ‘их мысль’ POSS.3PL — литер. <i>малпамзы</i>	<i>кылйоссы</i> ‘их слова’ PL-POSS.3PL — литер. <i>кыльёссы</i> <i>ужйоссы</i> ‘их дела’ PL-POSS.3PL — литер. <i>ужъёссы</i>

2.3. Падеж

Система склонения литературного удмуртского языка включает 15 падежей: именительный (номинатив), винительный (аккузатив), родительный (генитив), разделительный (аблатив), дательный (датив), творительный (инструменталь), лишительный (абессив), соответственный (адвербиаль), местный (инессив), входный (иллатив), исходный (элатив), отдалительный (эгрессив), переходный (пролатив), предельный (терминатив), направительный (аппроксиматив). Из них в букваре встречаются только десять (см. таблицу 4). Адвербиальные, эгрессивные, пролативные, терминативные и аппроксимативные формы имен существительных в памятнике отсутствуют. Вероятно, главным образом это связано с небольшим объемом текстового материала букваря, который составляет лишь 11 страниц⁸, скорее всего, поэтому менее частотных падежных форм в источнике нет. В то же время отсутствие адвербиальных, аппроксимативных и терминативных форм в отдельных говорах южной диалектной зоны лингвисты объясняют и тем, что функционально они могут замещаться послеложными конструкциями (например, кркм. *ад’амийос с’аин* ‘по-людски’ — литер. *адямиосъя, адямиос сямен*; кркм. *гурт пала* ‘в сторону деревни, по направлению к деревне’ — литер. *гуртлань, гурт пала*; бтБК. *вал дыроз’* ‘до лошади’ — литер. *валозь, вал дорозь* и др. [Кельмаков 2006: 117—118]). Однако в тексте букваря не представлены не только морфологически маркированные падежные формы, но и послеложные конструкции, которые могли бы их замещать, т. е. в памятнике в целом отсутствуют семантически подходящие контексты.

⁸ К сожалению, другой памятник на сарапульском наречии этого же периода нам пока обнаружить не удалось, поэтому, несмотря на небольшой объем материала, мы были вынуждены взяться за описание именно этого источника.

Таблица 4. Падежные маркеры имен существительных

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	[Букварь 1882]	литер.	[Букварь 1882]	литер.
номинатив	<i>∅</i> (52) ⁹	<i>∅</i>	<i>∅</i> (9)	<i>∅</i>
аккузатив	<i>-ез/-йез</i> (13)	<i>-эз/-ез</i>		
	<i>∅</i> (13)	<i>∅</i>	<i>-ыз</i> (5)	<i>-ты/-ыз</i>
	<i>-е</i> (41)	<i>-э/-е</i>		
генитив	<i>-ес</i> (11)	<i>-эс/-ес</i>		
	<i>-лен</i> (5)	<i>-лэн</i>	<i>-лен</i> (2)	<i>-лэн</i>
аблатив	<i>-леç</i> (14)	<i>-лэсь</i>	<i>-леç</i> (2)	<i>-лэсь</i>
датив	<i>-лы</i> (25)	<i>-лы</i>	<i>-лы</i> (11)	<i>-лы</i>
инструменталь	<i>-ен</i> (7)	<i>-эн/-ен</i>		
	<i>-ын</i> (1)	<i>-ын</i>	<i>-ын</i> (1)	<i>-ын</i>
	<i>-ыны-</i> (2)	<i>-ыны-</i>		
абессив	<i>-тек</i> (1)	<i>-тэк</i>	не зафиксировано	<i>-тэк</i>
адвербиаль	не зафиксировано	<i>-я</i>	не зафиксировано	<i>-я</i>
инессив	<i>-ын</i> (5)	<i>-ын</i>	не зафиксировано	<i>-ын</i>
	<i>-а-</i> (7)	<i>-а-/-я-</i>		
иллатив	<i>∅</i> (1)	<i>∅</i>	не зафиксировано	<i>-ы</i>
	<i>-а-</i> (11)	<i>-а-/-я-</i>		
элатив	<i>-иç</i> (5)	<i>-ысь</i>	не зафиксировано	<i>-ысь</i>
	<i>-иçкы-</i> (3)	<i>-ысьты-</i>		
эгрессив	не зафиксировано	<i>-ысен</i>	не зафиксировано	<i>-ысен</i>
пролатив	не зафиксировано	<i>-тй</i>	не зафиксировано	<i>-тй</i>
терминатив	не зафиксировано	<i>-озь</i>	не зафиксировано	<i>-озь</i>
аппроксиматив	не зафиксировано	<i>-лань</i>	не зафиксировано	<i>-лань</i>

Сопоставление падежных показателей памятника с литературными маркерами позволяет выделить три основные особенности, свойственные для текста букваря.

2.3.1. Множественное число имен существительных в **винительном падеже** образуется с помощью суффикса **-ыз**:

жырйосыз 'глав' PL-ACC — литер. *йыржэсты / йыржэсыз*;
калыкйосыз 'людей' PL-ACC — литер. *калыкжэсты / калыкжэсыз*;
кылйосыз 'слова' PL-ACC — литер. *кыльжэсты / кыльжэсыз*;
муртйосыз 'людей' PL-ACC — литер. *муртжэсты / муртжэсыз*;
ужаçйосыз 'работников' PL-ACC — литер. *ужаçжэсты / ужаçжэсыз*.

Как видим, в литературном удмуртском языке accusativ во множественном числе образуется с помощью маркеров *-ыз* либо *-ты*, при этом данные формы «используются на равноправных началах. Это удобно стилистически и для выражения существительных двух прямых дополнений в одном предложении» [ГСУЯ 1962: 93]. Однако на уровне диалектов наблюдается противопоставление: маркер *-ты* употребляется в говорах северной диалектной зоны, к которой относятся северное и бесермянское наречия, а также часть срединных говоров, а показатель *-ыз* функционирует в говорах южной диалектной зоны, которая включает в себя южное наречие и южную часть срединных говоров [Тепляшина 1975: 180—181]. Оба показателя, по мнению большинства ученых, восходят к прапермскому периоду [Кондратьева 2011в: 117—118].

2.3.2. Показатель **исходного падежа** в букваре функционирует в *и*-овой огласовке, ср.:

азьиç 'с места' ELA — литер. *азьысь*;
доскаиç 'с доски' ELA — литер. *доскаысь*;
дуньжеиç 'из мира' ELA — литер. *дуннеысь*;
иһмиç 'с неба' ELA — литер. *иһмысь*;
кһигаиç 'из книги' ELA — литер. *кһигаысь*.

Элативные маркеры с *и*-овой инициальной в целом характерны для говоров южной диалектной зоны, в то время как *ы*-овые варианты, представленные в удмуртском литературном языке, функционируют

⁹ Здесь и далее в скобках указано количество словоформ с тем или иным падежным показателем, которое нам удалось выявить в памятнике.

в говорах северной диалектной зоны [Кондратьева 2011а: 178]. Данная особенность, на наш взгляд, имеет инновационный характер, поскольку, как отмечают диалектологи, «южноудмуртские формы на *-и* имеют вторичное происхождение из более ранних форм на *-ы* под влиянием последующего палатально-го согласного *с'*» [Кельмаков 2006: 122].

2.3.3. Суффикс **исходного падежа в притяжательном склонении** отличается от литературного маркера не только вокалической огласовкой, но и инлаутным согласным: *т* замещается согласным *к*, ср.:

киицкыд ‘из твоей руки’ ELA-POSS.2SG — литер. *кыицкытдыд*;

мылкыдицкыд ‘из твоей мысли’ ELA-POSS.2SG — литер. *мылкыдыцкытдыд*;

ымыцкыд ‘из твоего рта’ ELA-POSS.2SG — литер. *ымыцкытдыд*.

Аналогичные формы с инлаутным *к*, по данным диалектологов, сегодня встречаются в бесермянском наречии (спорадически), а также в отдельных южных и периферийно-южных говорах (грах., кукм., шошм., бавл. и др.) [там же]. Переход *т* > *к* здесь, вероятно, является инновационным, поскольку в случае притяжательного склонения в составе маркера исходного падежа большинством ученых восстанавливается древний показатель аблатива на **-i(V)* [Серебрянников 1963: 62; Rédei 1981: 283; Csúcs 2005: 205; Кондратьева 2011в: 90 и др.], т. е. *т*-овый элативный вариант суффикса посессивного склонения, идентичный современному литературному маркеру, имеет более архаичное происхождение.

3. Глагольная морфология

3.1. Залоги глагола

В современном удмуртском языке традиционно выделяют две группы залогов: понудительный и непонудительный, возвратный и невозвратный [УКК 2011: 197—220].

3.1.1. **Понудительный залог** в литературном языке, как и в абсолютном большинстве удмуртских диалектов, образуется от основы непонудительного залога присоединением маркера *-т(ы)-*: *вераськыны* ‘говорить’ — *вераськытыны* ‘заставить говорить’, *лыдзыны* ‘читать’ — *лыдзытыны* ‘заставить читать’, *ужаны* ‘работать’ — *ужатыны* ‘заставить работать’ и др. К сожалению, в букваре формы понудительного залога нам зафиксировать не удалось. Вероятно, это связано с небольшим объемом текстового материала памятника, о чем ранее мы уже упоминали.

3.1.2. **Возвратный залог**, противопоставленный невозвратному (с нулевым показателем), в современном удмуртском языке образуется с помощью маркеров *-иськ(ы)-/-йськ(ы)-*, *-ск(ы)-* (I спряжение) и *-ськ(ы)-* (II спряжение)¹⁰. В букваре формы возвратного залога от глаголов I спряжения образуются с помощью суффиксов:

1) *-ицк(ы)-*:

вордицки ‘я родился’ REFL-1PST.1SG — литер. *вордйськи* / *вордски*;

кецицкем ‘порванный’ REFL-PTCP — литер. *кесиськем*;

кылзицкыса ‘слушая’ REFL-CONV — литер. *кылзйськыса*, *эн кылзицкы* ‘не слушай’ NEG.IMP.2SG-REFL — литер. *эн кылзйськы*;

çотицкыса ‘отдаваясь’ REFL-CONV — литер. *сётйськыса* / *сётскыса*;

возьо карицкы диал. ‘приветствуй’ REFL.IMP.2SG;

2) *-цк(ы)-*:

дышецкомы ‘мы будем учиться’ REFL-FUT-1-PL — литер. *дышетйськом(ы)* / *дышетском(ы)*;

куцкы ‘начни’ REFL.IMP.2SG — литер. *кутйськы* / *кутскы*, *эн куцкы* ‘не начинай’ NEG.IMP.2SG-REFL — литер. *эн кутйськы* / *эн кутскы*, *куцкем* ‘он, оказывается, начал’ REFL-2PST.3SG — литер. *кутйськем(ез)* / *кутскем(ез)*;

журицкы ‘помоги’ REFL.IMP.2SG — литер. *юртйськы*.

Возвратный залог от глаголов II спряжения образуется присоединением маркера *-ськ(ы)-*:

восяскомы ‘мы будем молиться’ REFL-FUT-1-PL — литер. *восьяськом(ы)*, *восяскы* ‘молись’ REFL.IMP.2SG — литер. *восьяськы*, *восяскыкыз* ‘во время его моления’ REFL-CONV-3SG — литер. *восьяськыкуз*;

эн лучкаскы ‘не воруй’ NEG.IMP.2SG-REFL — литер. *эн лушкаськы*;

нумаскозы ‘будут называться’ REFL-FUT-3-PL — литер. *нимаськозы*.

¹⁰ Глаголы I и II спряжения отличаются друг от друга финальной гласной основы, стоящей перед инфинитивным показателем *-ны*: глагольные основы с конечной *-ы*- относятся к I спряжению (*мыныны* ‘идти’, *пырыны* ‘заходить’, *учкыны* ‘смотреть’ и др.), а с *-а-* (*-я-*) — ко II спряжению (*бичаны* ‘собирать’, *дасяны* ‘готовить’, *ужаны* ‘работать’ и др.) [УКК 2011: 148].

Показатель возвратного залога *-ис'к(ы)-* в сочетании с глагольными основами на *-ты-* в современных диалектах удмуртского языка может видоизменяться [Кельмаков 2006: 140]. Это наблюдается и в памятнике. Как видим, формы возвратного залога от глаголов I спряжения здесь образуются с помощью двух маркеров — *-ис'к(ы)-* и *-чк(ы)-* (графически *-ицк(ы)-* и *-цк(ы)-*¹¹ соответственно)¹². При этом *-чк(ы)-* представляет собой модификацию основного суффикса *-ис'к(ы)-* и возник в результате сочетания корневого элемента *t* с суффиксальным *c'* [там же: 141]. На данный момент вариант *-чк(ы)-*, как отмечают лингвисты, функционирует в отдельных южноудмуртских говорах (в кырыкмасских [там же], граховских [Атаманов 1981: 69] и др.), а также зафиксирован в верхнечепецких северноудмуртских говорах [Алашеева 1982: 92] и в бесермянском наречии¹³.

3.2. Категория наклонения и временные формы

В литературном языке и большинстве удмуртских диалектов представлены следующие наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное. Все они встречаются и в тексте букваря.

3.2.1. Основным отличительным признаком глагольных форм в **изъявительном наклонении** является их способность изменяться по временам. В удмуртском языке выделяют восемь временных форм: четыре простых (настоящее, будущее, первое прошедшее (очевидное), второе прошедшее (неочевидное)) и четыре сложных формы прошедшего времени (I плюсквамперфект, II плюсквамперфект, прошедшее длительное, прошедшее многократное) [УКК 2011: 170].

В образовании простых временных форм никаких отклонений от литературных норм в памятнике не наблюдается, ср.:

јаратицко ‘люблю’ PRS.1SG — литер. *јартицько*, *уле* ‘живет’ PRS.3SG — литер. *улэ*, *јаратицкоды* ‘любите’ PRS-2-PL — литер. *јартицькоды*, *тырто* ‘стараются’ PRS.3PL — литер. *туртто*, *уз јыромы* ‘не блуждает’ NEG.PRS.3SG — литер. *уз јыромы* и др.;

јото ‘отдам’ FUT.1SG — литер. *сјото*, *берыктод* ‘вернешь’ FUT-2SG — литер. *берыктод*, *улоз* ‘будет жить’ FUT-3SG — литер. *улоз*, *дышецкомы* ‘мы будем учиться’ FUT-1-PL — литер. *дышетіськом(ы)* / *дышетском(ы)*, *јаратозы* ‘полюбят’ FUT-3-PL — литер. *јаратозы*, *уз јараты* ‘не будет любить’ NEG.FUT.3SG — литер. *уз јараты*, *уз кареле* ‘не сделают’ NEG.FUT.3-PL — литер. *уз каре(лэ)* и др.;

вордицки ‘я родился’ 1PST.1SG — литер. *вордїськи/вордски*, *адзид* ‘ты увидел’ 1PST-2SG — литер. *адзид*, *лыктиз* ‘он пришел’ 1PST-3SG — литер. *лыктїз*, *улимы* ‘мы жили’ 1PST-1-PL — литер. *улім(ы)*, *ужады* ‘вы работали’ 1PST-2-PL — литер. *ужады*, *јуазы* ‘они спросили’ 1PST-3-PL — литер. *јуазы*, *одке кушты* ‘если ты не выбросил’ NEG.1PST.2SG — литер. *од ке кушты*, *озке јараты* ‘если он не любил’ NEG.1PST.3SG — литер. *оз ке јараты* и др.;

каремед ‘ты, оказывается, сделал’ 2PST-2SG — литер. *каремед*, *куцкем* ‘он, оказывается, начал’ 2PST.3SG — литер. *кутскем(ез)*, *веральзам* ‘они, оказывается, сказали’ 2PST.3PL — литер. *вераллям(зы)*, *лыктильзам* ‘они, оказывается, пришли’ 2PST.3PL — литер. *лыктїллям(зы)*.

Сложные формы прошедшего времени в букваре не встречаются.

3.2.2. В памятнике утвердительные формы **повелительного наклонения** единственного числа, как и в современном удмуртском языке, не имеют морфологического маркера, т. е. совпадают с основой глагола¹⁴: *ветлы* ‘сходи’ IMP.2SG — литер. *ветлы*, *лэсты* ‘сделай’ IMP.2SG — литер. *лэсты*, *мицкы* ‘вымой’ IMP.2SG — литер. *мицкы*, *курда* ‘бойся’ IMP.2SG — литер. *курда*, *кышйа* ‘заштопай’ IMP.2SG — литер. *кышья*, *сына* ‘расчеши’ IMP.2SG — литер. *сына* и др. При этом в литературном языке происходит выпадение конечной гласной основы *-ы* глаголов I спряжения при отсутствии сочетания согласных в корне слова: *мын* ‘иди’, *си* ‘ешь’, *ю* ‘пей’ и т. д. [УКК 2011: 164]. В букваре, напротив, в целом наблюдается тенденция употребления полных императивных форм: при наличии указанного выше условия в 16 случаях конечная гласная основы глаголов I спряжения сохраняется (*вуры* ‘зашей’ IMP.2SG — литер. *вур*,

¹¹ Буква *ц* в памятнике выражает фонему /č/ [Безенова 2022а: 9].

¹² Стоит отметить, что в структуре двух отглагольных существительных присутствует еще и вариант *-с'к(ы)-* (графически *-ск-*): *дышецкиційослы* ‘ученикам’ PL-DAT — литер. *дишетскисьёслы* (ср. *дышецкиційосыз* ‘его ученики’ PL-POSS.3SG — литер. *дишетскисьёсыз*), *куцкем* ‘начало’ — литер. *кутскем*, — хотя в самих глагольных формах, от которых они образованы, как видно из приведенных выше примеров, употребляется суффикс *-чк(ы)-*.

¹³ Подобные формы представлены в бесермянском корпусе на сайте beserman.ru (ср. *ten' so äžät kwaš'mānā kad' kič'ke, sre soje tupat't'anā d'eš' n'i* ‘Вот они вроде как начнут подсыхать, тогда их поправлять уже легко’; *zäkez vnike d'ev'atuj klassān dāšeč'ke n'i* ‘Мой старший внук учится уже в девятом классе’ и др.).

¹⁴ Ударение при этом переходит на первый слог слова: *вётлы* ‘сходи’, *дўгды* ‘остановись’, *ўжа* ‘работай’ и др. [УКК 2011: 164].

куры 'попроси' IMP.2SG — литер. *кур, нуку* 'сиди' IMP.2SG — литер. *нук* и др.), в трех случаях употребляется усеченный вариант (*буре вай* 'вспомни добрым словом' IMP.2SG — литер. *буре вай, возь* 'держи' IMP.2SG — литер. *возь, шу* 'скажи' IMP.2SG — литер. *шу*), а в двух наблюдается параллельное употребление форм с финальной гласной *-ы* и без нее (*кар* ~ *кары* 'сделай' IMP.2SG — литер. *кар, лу* ~ *луы* 'будь' IMP.2SG — литер. *лу*). По мнению исследователей, формы повелительного наклонения единственного числа с конечной гласной основы *-ы* по своему происхождению являются более архаичными [Lakó 1973: 114; Тараканов 1984: 28].

Утвердительные императивные формы множественного числа в памятнике образуются с помощью суффиксов *-еле* (I спряжение) и *-ле* (II спряжение):

бастеле 'возьмите' IMP.2PL — литер. *бастэ(лэ), кылзэле* 'слушайте' IMP.2PL — литер. *кылзэ(лэ), улеле* 'живите' IMP.2PL — литер. *улэ(лэ)* и др.;

верале 'скажите' IMP.2PL — литер. *вералэ, даçале* 'приготовьте' IMP.2PL — литер. *дасялэ, курдале* 'бойтесь' IMP.2PL — литер. *курдалэ* и др.

Как видим, утвердительные формы повелительного наклонения множественного числа от глаголов I спряжения в литературном языке, в отличие от текста букваря, могут употребляться с дополнительным компонентом *-лэ* либо без него. На уровне диалектов каких-то конкретных различий в зависимости от употребления этих форм не прослеживается. По мнению И. В. Тараканова, императивный маркер множественного числа *-э(-)* генетически восходит к форманту глаголов 3-го лица единственного числа изъявительного наклонения, а элемент *-л-*, возможно, представляет собой исчезнувший согласный *л* основы глаголов II спряжения [Тараканов 1984: 26].

Отрицательные формы повелительного наклонения как в памятнике, так и в удмуртском литературном языке и его диалектах образуются путем сочетания препозитивного глагола *эн* 'не', который не изменяется по лицам и числам, с соответствующими утвердительными формами:

эн ветлы 'не ходи' NEG.IMP.2SG — литер. *эн ветлы, эн сұлмасы* 'не беспокойся' NEG.IMP.2SG — литер. *эн сұлмасыкы, эн уцкы* 'не смотри' NEG.IMP.2SG — литер. *эн учкы, эн вера* 'не говори' NEG.IMP.2SG — литер. *эн вера, эн кеça* 'не рви' NEG.IMP.2SG — литер. *эн кеся, эн курла* 'не осуждай' NEG.IMP.2SG — литер. *эн курла* и др.;

эн кеçaçкеле 'не кричите' NEG.IMP.2PL — литер. *эн кесяське(лэ), эн кеçале* 'не рвите' NEG.IMP.2PL — литер. *эн кесялэ, эн саптале* 'не пачкайте' NEG.IMP.2PL — литер. *эн сапталэ*.

В удмуртском литературном языке, помимо синтетического, выделяется также аналитический способ образования форм повелительного наклонения, при котором глагол сочетается с препозитивными неизменяемыми частицами *мед* и *медам* (*медад, медаз*) [УКК 2011: 168]. Подобные утвердительные и отрицательные императивные формы 3-го лица встречаются и в тексте памятника:

мед быроз 'пусть исчезнет' IMP.3SG — литер. *мед быроз, мед быдмоз* диал. 'пусть исчезнет' IMP.3SG, *мед улоз* 'пусть будет жить' IMP.3SG — литер. *мед улоз, мед уçоз* 'пусть упадет' IMP.3SG — литер. *мед усёз;*

мидаз куцкы 'пусть не прилипнет' NEG.IMP.3SG — литер. *медаз кутйськы / медаз кутскы, мидаз поты* 'пусть не выйдет' NEG.IMP.3SG — литер. *медаз поты, вожед мидаз поты* 'пусть ты не рассердишься (досл. пусть твой гнев не выйдет)' NEG.IMP.3SG — литер. *вожед медаз поты*.

3.2.3. Сослагательное наклонение в удмуртском литературном языке образуется с помощью суффикса *-сал*, присоединяемого к глагольной основе. При этом формы единственного числа 1-го лица употребляются без личных показателей, 2-го и 3-го лица могут выступать как с личными маркерами, так и без них, а во множественном числе показатели лица и числа присоединяются во всех трех лицах: *мон ветлысал* 'я бы ходил', *тон ветлысал(ыд)* 'ты бы ходил', *со ветлысал(ыз)* 'он бы ходил', *ми ветлысалмы* 'мы бы ходили', *тй ветлысалды* 'вы бы ходили', *соос ветлысалзы* 'они бы ходили'. Отрицательные формы сослагательного наклонения образуются путем сочетания соответствующих утвердительных форм с неизменяемым по лицам и числам препозитивным глаголом *ой*: *мон ой ветлысал* 'я бы не ходил', *тон ой ветлысал(ыд)* 'ты бы не ходил', *со ой ветлысал(ыз)* 'он бы не ходил', *ми ой ветлысалмы* 'мы бы не ходили', *тй ой ветлысалды* 'вы бы не ходили', *соос ой ветлысалзы* 'они бы не ходили' [ГСУЯ 1962: 211—212]. К сожалению, в букваре нам не удалось выявить ни одной формы сослагательного наклонения, поэтому сопоставление данных памятника с литературными не представляется возможным.

3.2.4. В отдельных диалектах удмуртского языка, кроме трех основных, исследователи отмечают наличие четвертого — **желательного наклонения**. Полные парадигмы спряжения зафиксированы в говоре д. Муважи Алнашского района Удмуртской Республики, кукморском, кырыкмасских и некоторых других южноудмуртских говорах [Кельмаков 2006: 145—146]. В тексте букваря мы выявили лишь одну подобную форму (*мед луоз вал* 'пусть бы стало' — литер. *мед луоз вал*), поэтому из-за ограниченности фактического материала в данном случае мы не можем утверждать, что в анализируемом памятнике действительно представлено желательное наклонение.

3.3. Неспрягаемые формы глагола

К неспрягаемым формам глагола в удмуртском языке относятся инфинитив, причастие и деепричастие.

3.3.1. Показателем **инфинитива** в удмуртском литературном языке и в абсолютном большинстве современных диалектов является аффикс *-ны*. Идентичный морфологический маркер представлен и в тексте «Букваря для вотяцких детей Сарапульского уезда»: *ви́быны* ‘ждать’ — литер. *витьыны*, *лэстыны* ‘делать; сотворить’ — литер. *лэстыны*, *кутыны* ‘брать; принять’ — литер. *кутыны*; *возьманы* ‘охранять’ — литер. *возьманы*, *кецаны* ‘рвать’ — литер. *кесяны*, *ужаны* ‘работать’ — литер. *ужаны* и др.

3.3.2. **Причастия** в букваре имеют следующие морфологические показатели:

1) **-иц** (от глаголов I спряжения), **-ц** (от глаголов II спряжения):

куруц ‘просящий’ — литер. *курусь*, *мыниц* ‘идуший’ — литер. *мынйсь*, *улиц* ‘живущий’ — литер. *улийсь* и др.;

жаляц ‘жалующий’ — литер. *жалясь*;

2) **-ем** (от глаголов I спряжения), **-м** (от глаголов II спряжения):

адзем ‘увиденный’ — литер. *адзем*, *лэстем* ‘сделанный’ — литер. *лэстэм*, *сетем* ‘отданный’ — литер. *сетэм* и др.;

верам ‘сказанный’ — литер. *верам*;

3) **-оно** (от глаголов I спряжения), **-но** (от глаголов II спряжения):

жетоно ‘которое должно достаться’ — литер. *йөтоно*, *сүзөно* ‘которое предстоит достать’ — литер. *сүзөно*;

верано ‘которое предстоит сказать’ — литер. *верано*, *ужано* ‘которое предстоит выполнить’ — литер. *ужано*;

4) **-он**:

дышетон ‘предназначенный для обучения’ — литер. *дышетон*;

5) **-мте**:

уфалтемте ‘не сбереженный’ — литер. *уфалтымтэ*.

В целом морфологические показатели, выявленные в памятнике, внешне соответствуют литературным, никаких отклонений не наблюдается. Однако в случае образования причастия с помощью суффикса *-мте*, который представлен лишь одной лексемой, стоит обратить внимание на конечную гласную основы, к которой присоединяется указанный маркер. Как видим, здесь финальная гласная *-ы* переходит в *-е* (*уфалтемте* ‘не сбереженный’ — литер. *уфалтымтэ*). Эта особенность прослеживается и в субстантивированных причастиях, ср.:

луемте ‘отсутствие’ — литер. *луымтэ*;

потемтейослы ‘не желающим’ PL-DAT — литер. *потымтэослы*;

тодемтейез ‘незнание’ ACC — литер. *тодымтэез*, *тодемтеде* ‘твое незнание’ POSS.2SG-ACC — литер. *тодымтэдэ*.

Объяснить однозначно причины возникновения такого перехода, к сожалению, мы пока не можем. Ранее аналогичные формы были отмечены нами в памятнике «Угет. Святой Тихон дышетэм зеч кылъёс. Наставление христианское св. Тихона» (1878), ср.: *адземте* ‘не увиденный’ — литер. *адзымтэ*, *ветлэмтэ* ‘не ходивший’ — литер. *ветлымтэ*, *тупатемте* ~ *тупатэмтэ* ‘не исправленный’ — литер. *тупатымтэ* [Безенова 2022б: 348], — однако в современных диалектах удмуртского языка и в научной литературе упоминаний о подобных формах мы пока не встречали. Возможно, здесь представлена регрессивная ассимиляция либо вообще стоит выделять не суффикс *-мте*, а маркер *-емте* с вокалической инициалью, поскольку эта особенность может быть обусловлена связью маркера *-мте* с показателем *-ем*, которые по своему значению противопоставлены друг другу: с помощью *-ем* образуются утвердительные формы, а с *-мте* — отрицательные, т. е., вероятно, в памятнике изначально от основы глагола образуется утвердительная форма (в нашем случае *уфалтем* ‘сбереженный’), а уже от него — отрицательная (*уфалтем+те* > *уфалтемте* ‘не сбереженный’). В любом случае мы надеемся, что дальнейшее изучение памятников письменности и современных удмуртских диалектов прольет свет на происхождение данного явления.

3.3.3. Морфологические показатели **деепричастий** в букваре представлены следующими маркерами:

1) **-са**:

басътыса ‘взяв’ — литер. *басътыса*, *лэстыса* ‘делая’ — литер. *лэстыса*, *потыса* ‘выйдя’ — литер. *потыса* и др.;

валаса ‘поняв’ — литер. *валаса*, *жуаса* ‘спросив’ — литер. *юаса*, *лукаса* ‘собрав’ — литер. *лукаса* и др.;

2) **-тек:**

вунитек ‘не забывая’ — литер. *вунитэк*, *дугдытек* ‘не переставая’ — литер. *дугдытэк*, *лезыитек* ‘не отпуская’ — литер. *лезыитэк* и др.;

налпате́к ‘не обдумав’ — литер. *малпате́к*, *ужатек* ‘не работая’ — литер. *ужатэк*;

3) **-кы(-):**

вõса́скыкыз ‘когда он молится’ 3SG — литер. *вõсяськыкуз*, *пырыкыды* ‘когда вы входите’ 2-PL — литер. *пырыкуды*;

4) **-тоç:**

карытоç ‘вместо того, чтобы сделать’ — литер. *карытозь*, *шуытоç* ‘вместо того, чтобы сказать’ — литер. *шуытозь*, *шыдытоç* ‘вместо того, чтобы играть’ — литер. *шудытозь*.

Итак, в данном случае можно выделить две особенности. Первая заключается в употреблении суффикса *-кы(-)* в соответствии с литературным *-ку(-)*. Показатель *-кы(-)* представлен и в современных удмуртских диалектах: он встречается в говорах южной диалектной зоны [Кельмаков 1978: 31, 44; 2006: 159; Атаманов 1981: 55; 2005: 188], в отдельных срединных говорах [Бушмакин 1971: 311; Тепляшина 1973: 208; Загуляева 1980: 15] и в нижнечепецком диалекте северного наречия [Карпова 2018: 357]. По своему происхождению *-кы(-)* считается более архаичным, а показатель *-ку*, характерный для литературного языка и ряда удмуртских диалектов, вероятно, возник из формы на *-кы* по аналогии с вопросительным местоименным наречием *ку?* ‘когда’ [Бубрих 1948: 70; Перевошиков 1959: 70; Серебренников 1963: 302]. Отметим также: несмотря на то, что деепричастия относятся к неспрягаемым формам глагола, деепричастия с маркером *-ку* в удмуртском языке могут изменяться по лицам и числам, подобно финитным формам, что наглядно демонстрируют приведенные выше примеры.

Другая особенность представлена употреблением в памятнике маркера *-тоç* в соответствии с литературным *-тозь*. При этом объяснить глухой ауслат показателя в букваре лишь фонетическими причинами, на наш взгляд, сложно, поскольку для графической системы источника в целом не характерна запись конечных звонких согласных буквами для глухих. Кроме того, аналогичный маркер зафиксирован в кукморском, шошминском и бавлинском говорах периферийно-южного диалекта удмуртского языка [Кельмаков 2006: 157]. Возможно, этот алломорф встречается и в других говорах южной диалектной зоны, но из-за низкого уровня изученности данного ареала они пока не выявлены.

4. Выводы

Итак, в тексте «Букваря для вотяцких детей Сарапульского уезда» на морфологическом уровне можно выделить ряд особенностей архаичного и инновационного характера, посредством которых язык памятника отличается от литературного удмуртского языка и отдельных его диалектов. Архаичными по своему происхождению, по всей вероятности, являются две особенности:

- 1) образование форм множественного числа имен существительных от основ с финальной гласной с помощью суффикса *-йос*;
- 2) образование деепричастий, обозначающих дополнительное действие, протекающее одновременно с основным, с помощью маркера *-кы(-)*.

К явлениям инновационного характера, по нашему мнению, можно отнести:

- 1) функционирование показателя исходного падежа в *и*-овой огласовке;
- 2) употребление в притяжательном склонении исходного падежа маркера *-искы-* в соответствии с литературным *-ысьты-*;
- 3) образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения с помощью суффикса *-цк(ы)-*, представляющего собой модификацию маркера *-цк(ы)-* в сочетании с глагольными основами на *-ты-*;
- 4) функционирование деепричастий с показателем *-тоç* в соответствии с литературным *-тозь*.

Все выявленные особенности как архаичного, так и инновационного характера, как было показано выше, представлены в современных говорах южной диалектной зоны, в первую очередь в центрально-южном диалекте. Данные таблицы 5, в которой отображено распределение морфологических особенностей в четырех рассмотренных памятниках: «Наставлении христианском святителя Тихона» (1891), «Законе Божиим» (1912), «Житии св. Феодора» (1913), «Букваре для вотяцких детей Сарапульского уезда» (1882), — также показывают, что букварь имеет общие черты с памятниками на южном наречии, однако не идентичен им. К аналогичному выводу мы пришли и в процессе рассмотрения фонетических особенностей источника [Безенова 2022а: 28—29]. Таким образом, как видим, результаты проведенного анализа не противоречат выдвинутой нами ранее гипотезе относительно диалектной принадлежности текста «Букваря для вотяцких детей Сарапульского уезда» (1882).

Таблица 5. Распределение основных морфологических особенностей в рассмотренных памятниках на четырех наречиях удмуртского языка

№ п/п	Морфологическая особенность	Наставление (каз.)	Житие (елаб.)	Букварь (сар.)	Закон Божий (глаз.)
<i>архаичные явления</i>					
1	Образование форм множественного числа имен существительных от основ с конечной гласной с помощью суффикса <i>-йос</i>	+	+	+	
2	Образование деепричастий с помощью маркера <i>-кы</i>	+	+	+	
3	Употребление в формах разделительного падежа параллельно с аффиксом <i>-лэс'</i> маркера <i>-лис'</i>	+	+		
4	Отсутствие в отрицательных формах прошедшего неочевидного времени 3-го лица множественного числа элемента <i>-л'л'а-</i>		+		
5	Употребление маркеров возвратного залога, настоящего времени 1-го и 2-го лица, 3-го лица множественного числа прошедшего неочевидного времени, причастий настоящего времени, образованных от глаголов I спряжения, в <i>ы</i> -овой огласовке				+
<i>инновационные явления</i>					
6	Функционирование деепричастий с показателем <i>-мос'</i> в соответствии с литературным <i>-тоз'</i>	+	+	+	
7	Употребление в притяжательном склонении исходного падежа маркера <i>-ис'кы-</i> в соответствии с литературным <i>-ыс'ты-</i>	+		+	
8	Функционирование элативных и эгрессивных показателей в <i>и</i> -овой огласовке		+	+	
9	Образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения с помощью маркера <i>-чк(ы)-</i>	+	+	+	
10	Функционирование маркеров деепричастий <i>-эмн'а</i> (I спряжение), <i>-мн'а</i> (II спряжение) в соответствии с литературными <i>-эмйа</i> (I спряжение), <i>-мйа</i> (II спряжение)	+			
11	Образование терминатива с помощью суффикса <i>-ос'</i>		+		
12	Образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения с помощью маркера <i>-к(ы)-</i>		+		
13	Употребление лично-притяжательных маркеров с <i>и</i> -овой огласовкой в словах, обозначающих термины ближайшего родства				+
14	Функционирование форм приблизительного иллатива с аффиксом <i>-н'э</i>				+
15	Оформление имен существительных в форме переходного падежа маркерами <i>-эт'и-</i> и <i>-ыт'и-</i> в соответствии с литературными <i>-эти, -ыти, -ти</i>				+
16	Образование деепричастий с помощью маркера <i>-чоз'</i> в соответствии с литературным <i>-тоз'</i>				+

Сокращения

Языки и диалекты

бавл. — бавлинский говор

бтБК. — буйско-таньпский говор деревни Большой

Качак (Калтасинский район Башкортостана)

глаз. — глазовское наречие

грах. — граховские говоры

елаб. — елабужское наречие

каз. — казанское наречие

кркм. — кырыкмасские говоры

кукм. — кукморский говор

сар. — сарапульское наречие

сред. — срединные говоры

шошм. — шошминский говор

юж. — центрально-южный диалект

Г л о с с ы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	GEN — генитив
1PST — первое (очевидное) прошедшее время	IMP — повелительное наклонение
2PST — второе (неочевидное) прошедшее время	NEG — отрицательный глагол
ABL — аблатив	PL — множественное число
ACC — аккузатив	POSS — посессивный показатель
CONV — деепричастие	PRS — настоящее время
DAT — датив	PTCP — причастие
ELA — элатив	REFL — рефлексив
FUT — будущее время	SG — единственное число

О б щ и е

диал. — диалект, диалектный	литер. — литературная форма, литературный язык
досл. — дословно; дословный перевод	

Л и т е р а т у р а

- Алашеева 1982 — *А. А. Алашеева*. Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 91—105.
- Атаманов 1981 — *М. Г. Атаманов*. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии. Ижевск, 1981. С. 45—96.
- Атаманов 2005 — *М. Г. Атаманов*. От Дондыкара до Урсугурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск, 2005.
- Безенова 2022a — *М. П. Безенова*. «Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда»: графико-орфографические и фонетические особенности // Урало-алтайские исследования. 2022, 2 (45). С. 7—33.
- Безенова 2022b — *М. П. Безенова*. Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Т. III. Памятники письменности на пяти диалектах удмуртского языка конца XIX — начала XX в. М.: Издательская группа «Альма Матер», 2022.
- Бубрих 1948 — *Д. В. Бубрих*. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). Ижевск, 1948.
- Букварь 1882 — Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда. Издание Православного Миссионерского Общества. Казань: Типо-литография В. М. Ключникова, 1882. 22 с.
- Бушмакин 1971 — *С. К. Бушмакин*. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971.
- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология Ижевск, 1962.
- Загуляева 1980 — *Б. Ш. Загуляева*. Прикильмезские говоры удмуртского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980.
- Загуляева 1982 — *Б. Ш. Загуляева*. Говоры удмуртов Кизнерского района // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 5—27.
- Карпова 2018 — *Л. Л. Карпова*. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Дис. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2018.
- Кельмаков 1977 — *В. К. Кельмаков*. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 26—61.
- Кельмаков 1978 — *В. К. Кельмаков*. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия II // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сборник статей и материалов. Ижевск, 1978. С. 65—85.
- Кельмаков 1993 — *В. К. Кельмаков*. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск, 1993.
- Кельмаков 2006 — *В. К. Кельмаков*. Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006.
- Кондратьева 2011a — *Н. В. Кондратьева*. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск, 2011.
- Кондратьева 2011b — *Н. В. Кондратьева*. Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2011.
- Кондратьева 2011в — *Н. В. Кондратьева*. Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск, 2011.
- Лыткин 1931 — *В. И. Лыткин*. К происхождению суффикса множественного числа *jos* в удмуртском языке // На удмуртские темы: Сборник статей. Вып. II. М., 1931. С. 101—111.

- Лыткин 1970 — В. И. Лыткин. О вокализме непервого слога финно-угорских языков // СФУ. 1970. Т. VI. Вып. 3. С. 221—238.
- Норманская, Безенова 2018 — Ю. В. Норманская, М. П. Безенова. О важности первых миссионерских книг для изучения истории удмуртского языка. Дискуссионная заметка к статье В. В. Понарядова «О двойных огласовках удмуртских суффиксов» // Урало-алтайские исследования. 2018, 1 (28). С. 79—89.
- Перевощиков 1959 — П. Н. Перевощиков. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959.
- Серебренников 1963 — Б. А. Серебренников. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Тараканов 1984 — И. В. Тараканов. Повелительное наклонение, формы его выражения и их значения в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка: Сборник статей. Ижевск, 1984. С. 25—37.
- Тепляшина 1970 — Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М., 1970.
- Тепляшина 1973 — Т. И. Тепляшина. Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания: Сборник статей и материалов. Вып. 2. Ижевск, 1973. С. 196—223.
- Тепляшина 1975 — Т. И. Тепляшина. Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах // СФУ. 1975, XI. С. 179—185.
- УКК 2011 — Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): Тодослыко-дышетскон издание (Морфология удмуртского языка: Научно-учебное издание) / Отв. ред. Н. Н. Тимерханова. Ижевск, 2011.
- Csúcs 2005 — Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.
- Fokos 1963 — D. Fokos. [рец.] Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962 // Nyelvtudományi Közlemények. 1963, 1 (66). 215—218 old.
- Kövesi 1965 — M. Kövesi. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.
- Lakó 1973 — G. Lakó. Die Form des Imperativs in den permischen Sprachen // FUF. Helsinki, 1973. Bd. 40, H. 1—3. S. 107—116.
- Rédei 1981 — Rédei K. Über die Herkunft des permischen Elativsuffixes // СФУ. 1981, XVII. S. 279—284.
- Uotila 1933 — T. E. Uotila. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.

References

- Alasheeva 1982 — A. A. Alasheeva. Verkhnechepetskie govory I. In: Obraztsy rechi udmurtskogo yazyka. Izhevsk, 1982. S. 91—105. {A. A. Alasheeva. Upper-Chepts dialects I. In: Speech samples of the Udmurt language. Izhevsk, 1982. P. 91—105.}
- Atamanov 1981 — M. G. Atamanov. Grakhovskie govory yuzhnoudmurtского narechiya. In: Materialy po udmurtskoi dialektologii. Izhevsk, 1981. S. 45—96. {G. A. Arkhipov. Grakhov dialects of the South Udmurt dialect. In: Materials on Udmurt dialectology. Izhevsk, 1981. P. 45—96.}
- Atamanov 2005 — M. G. Atamanov. Ot Dondykara do Ursyurta. Iz istorii udmurtskikh regionov. Izhevsk, 2005. {M. G. Atamanov. From Dondykar to Ursyurt. From the history of the Udmurt regions. Izhevsk, 2005.}
- Bezenova 2022a — M. P. Bezenova. “Bukvar' dlya votyatskikh detei Sarapul'skogo uezda”: grafikо-орфографические i foneticheskie osobennosti. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2022, 2 (45). S. 7—33. {M. P. Bezenova. “Primer book for Votyak children of the Sarapul district”: graphic, spelling, and phonetic features. In: Ural-Altai Studies. 2022, 2 (45). P. 7—33.}
- Bezenova 2022b — M. P. Bezenova. Kirillicheskie pamjatniki na ural'skih i altajskih jazykah. Tom III. Pamjatniki pis'mennosti na pjati dialektah udmurtskogo jazyka konca XIX — nachala XX v. Moskva, 2022. {M. P. Bezenova. Cyrillic monuments in the Uralic and Altaic languages. Vol. III. Monuments of writing in five dialects of the Udmurt language of the late 19th — early 20th centuries. Moscow, 2022.}
- Bubrih 1948 — D. V. Bubrih. Istoricheskaja fonetika udmurtskogo jazyka (sravnitel'no s komi jazykom). Izhevsk, 1948. {D. V. Bubrih. Historical phonetics of the Udmurt language (comparison with the Komi language). Izhevsk, 1948.}
- Bukvar' 1882 — Bukvar' dlya votyatskikh detei Sarapul'skago uezda. Izdanie Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva. Kazan': Tipo-litografiya V. M. Klyuchnikova, 1882. 22 s. {Primer book for Votyak children of the Sarapul district. Publication of the Orthodox Missionary Society. Kazan: Type-lithography by V. M. Klyuchnikov, 1882. 22 p.}
- Bushmakin 1971 — S. K. Bushmakin. Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka. Dis. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1971. {S. K. Bushmakin. Phonetic and morphological features of the Middle Eastern dialects of the Udmurt language. PhD thesis. Tartu, 1971.}
- Csúcs 2005 — S. Csúcs Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.
- Fokos 1963 — D. Fokos. [rets.] Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: Fonetika i morfologiya. Izhevsk, 1962. In: Nyelvtudományi Közlemények. 1963, 1 (66). 215—218 old. {D. Fokos. [rev.] Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology. Izhevsk, 1962. In: Nyelvtudományi Közlemények. 1963, 1 (66). P. 215—218.}

GSUYa 1962 — Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: Fonetika i morfologiya. Izhevsk, 1962. {Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology. Izhevsk, 1962.}

Karpova 2018 — L. L. Karpova. Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie. Dis. ... dokt. filol. nauk. Izhevsk, 2018. {L. L. Karpova. Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language: formation and current status. Doctoral thesis. Izhevsk, 2018.}

Kel'makov 1977 — V. K. Kel'makov. Kratkaya kharakteristika kyrykmasskikh govorov yuzhnoudmurtskogo narechiya I. In: Voprosy udmurtskoi dialektologii. Izhevsk, 1977. S. 26—61. {V. K. Kelmakov. Brief description of the Kyrykmas dialects of the Southern Udmurt dialect I. In: Questions of the Udmurt dialectology: Collection of papers and materials. Izhevsk, 1977. P. 26—61.}

Kel'makov 1978 — V. K. Kel'makov. Kratkaya kharakteristika kyrykmasskikh govorov yuzhnoudmurtskogo narechiya II. In: O dialektakh i govorakh yuzhnoudmurtskogo narechiya: Sbornik statei i materialov. Izhevsk, 1978. S. 65—85. {V. K. Kelmakov. Brief description of the Kyrykmas dialects of the Southern Udmurt dialect II. In: On dialects and subdialects of the South Udmurt dialect: Collection of papers and materials. Izhevsk, 1978. P. 65—85.}

Kel'makov 1993 — V. K. Kel'makov. Formirovanie i razvitie fonetiki udmurtskikh dialektov. Izhevsk, 1993. {V. K. Kelmakov. Formation and Development of Phonetics of the Udmurt Dialects. Izhevsk, 1993.}

Kel'makov 2006 — V. K. Kel'makov. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. 2-e izd. Izhevsk, 2006. {V. K. Kelmakov. Short course of Udmurt dialectology: Textbook for higher educational institutions. 2nd ed. Izhevsk, 2006.}

Kondrat'eva 2011a — N. V. Kondrat'eva. Kategoriya padezha imeni sushchestvitel'nogo v udmurtskom yazyke. Izhevsk, 2011. {N. V. Kondratyeva. Category of the nominative case in the Udmurt language. Izhevsk, 2011.}

Kondrat'eva 2011b — N. V. Kondrat'eva. Slovoizmenenie imeni sushchestvitel'nogo v udmurtskom yazyke (grammaticheskie kategorii padezha i chisla). Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Izhevsk, 2011. {N. V. Kondratyeva. Variation of nouns in the Udmurt language (grammatical categories of case and number). Summary of the Doctoral thesis. Izhevsk, 2011.}

Kondrat'eva 2011v — N. V. Kondrat'eva. Formirovanie padezhnoi sistemy v udmurtskom yazyke. Izhevsk, 2011. {N. V. Kondratyeva. The formation of the case system in the Udmurt language. Izhevsk, 2011.}

Kövesi 1965 — M. Kövesi. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.

Lakó 1973 — G. Lakó. Die Form des Imperativs in den permischen Sprachen. In: FUF. Helsinki, 1973. Bd. 40, H. 1—3. S. 107—116.

Lytkin 1931 — V. I. Lytkin. K proiskhozhdeniyu suffiksa mnozhestvennogo chisla *jos* v udmurtskom yazyke. In: Na udmurtskie teme: Sbornik statei. Vyp. II. Moskva, 1931. S. 101—111. {V. I. Lytkin. On the origin of the plural suffix *jos* in the Udmurt language. In: Udmurt topics: Collection of papers. Issue II. Moscow, 1931. P. 101—111.}

Lytkin 1970 — V. I. Lytkin. O vokalizme nepervogo sloga finno-ugorskikh yazykov. In: SFU. 1970. T. VI. Vyp. 3. S. 221—238. {V. I. Lytkin. On the vocalism of the non-first syllable of the Finno-Ugric languages. In: Soviet Finno-Ugric Studies. 1970. Vol. VI. Issue 3. P. 221—238.}

Normanskaya, Bezenova 2018 — Yu. V. Normanskaya, M. P. Bezenova. O vazhnosti pervykh missionerskikh knig dlya izucheniya istorii udmurtskogo yazyka. Diskussionnaya zametka k stat'e V. V. Ponaryadova "O dvoynykh oglasovkakh udmurtskikh suffiksov". In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2018, 1 (28). S. 79—89. {Yu. V. Normanskaya, M. P. Bezenova. On the importance of the first missionary books for the study of the history of the Udmurt language. Discussion note to the article by V. V. Ponaryadov "On double vowels of Udmurt suffixes". In: Ural-Altaic Studies. 2018, 1 (28). P. 79—89.}

Perevoshnikov 1959 — P. N. Perevoshnikov. Deeprichastija i deeprichastnye konstrukcii v udmurtskom jazyke. Izhevsk, 1959. {P. N. Perevoshnikov. Germs and participle constructions in the Udmurt language. Izhevsk, 1959.}

Rédei 1981 — K. Rédei. Über die Herkunft des permischen Elativsuffixes // SFU. 1981, XVII. S. 279—284.

Serebrennikov 1963 — B. A. Serebrennikov. Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov. Moskva, 1963. {B. A. Serebrennikov. Historical morphology of Perm languages. Moscow, 1963.}

Tarakanov 1984 — I. V. Tarakanov. Povelitel'noe naklonenie, formy ego vyrazheniya i ikh znacheniya v udmurtskom yazyke. In: Voprosy grammatiki udmurtskogo yazyka: Sbornik statei. Izhevsk, 1984. S. 25—37. {I. V. Tarakanov. The imperative mood, forms of its expression and their meanings in the Udmurt language. In: Questions of grammar of the Udmurt language: Collection of papers. Izhevsk, 1984. P. 25—37.}

Teplyashina 1970 — T. I. Teplyashina. Yazyk besermyan. Moskva, 1970. {T. I. Teplyashina. Beserman language. Moscow, 1970.}

Teplyashina 1973 — T. I. Teplyashina. Zametki po verkhneizhskim udmurtskim govoram. In: Voprosy udmurtskogo yazykoznanija: Sbornik statei i materialov. Vyp. 2. Izhevsk, 1973. S. 196—223. {T. I. Teplyashina. Notes on the Upper-Izh Udmurt dialects. In: Questions of Udmurt linguistics: Collection of papers and materials. Issue 2. Izhevsk, 1973. P. 196—223.}

Teplyashina 1975 — T. I. Teplyashina. Upotreblenie formantov akkuzativa mnozhestvennogo chisla v udmurtskikh dialektakh. In: SFU. 1975, XI. S. 179—185. {T. I. Teplyashina. The use of plural accusative formants in the Udmurt dialects. In: Soviet Finno-Ugric Studies. 1975, XI. P. 179—185.}

UKK 2011 — Udmurt kyllehn kylkabtodosehz (morfologiez): Todoslyko-dyshetskön izdanie (Morfologiya udmurtskogo yazyka: Nauchno-uchebnoe izdanie) / Otv. red. N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011. {Morphology of the Udmurt language: Scientific and educational publication / Ed. N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011.}

Uotila 1933 — T. E. Uotila. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.

Zagulyaeva 1980 — B. Sh. Zagulyaeva. Prikil'mezskie govory udmurtskogo yazyka. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1980. {B. Sh. Zagulyaeva. Kilmez dialects of the Udmurt language. Summary of the PhD thesis. Tartu, 1980.}

Zagulyaeva 1982 — B. Sh. Zagulyaeva. Govory udmurtov Kiznerskogo raiona. In: Obraztsy rechi udmurtskogo yazyka. Izhevsk, 1982. S. 5—27. {B. Sh. Zagulyaeva. Dialects of the Kizner district Udmurts. In: Speech samples of the Udmurt language. Izhevsk, 1982. P. 5—27.}

Взаимное расположение атрибутивных прилагательных по данным тюркских текстов

Гращенко Павел Валерьевич, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Институт востоковедения РАН (Москва); pavel_gra@gmail.com
Исаева Ульяна Владимировна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
СберДевайсы (Москва); ulyana.isaeva20@gmail.com

В работе обсуждается проблема моделирования порядка расположения прилагательных разных семантических классов в теоретической и типологической перспективе. Один из существующих в формальной лингвистике подходов предполагает универсальность расположения прилагательных разных семантических классов. Альтернативно ему как в формальной, так и в функциональной лингвистике выдвигается предположение о том, что прилагательные в именной группе не образуют строгой иерархии. В статье описано корпусное исследование башкирского, татарского, турецкого, казахского и киргизского текстовых массивов. В работе предпринимается попытка ответить на вопрос, какая из моделей именной группы лучше предсказывает тюркские данные. Результатом исследования становится утверждение о том, что прилагательным соответствует не строгая иерархия функциональных проекций, где у каждого класса есть своя позиция, а адъюнктивная структура.

Ключевые слова: Тюркские языки, синтаксическая типология, структура именной группы, атрибутивные прилагательные, семантические классы

ADJECTIVAL ORDERING ON THE DATA OF TURKIC TEXTS

Pavel V. Grashchenkov, Lomonosov Moscow State University,
Institute of Oriental Studies, RAS (Moscow); pavel_gra@gmail.com
Ulyana V. Isaeva, Lomonosov Moscow State University,
SberDevices (Moscow); ulyana.isaeva20@gmail.com

The paper aims at modelling of the ordering of adjectives from different semantic classes in a noun phrase from theoretical, typological and experimental perspectives. This phenomenon, being an issue with narrow theoretic scope, had been one of the starting points that gave rise to the cartographic syntax approach. The cartographic syntax approach, proposed and elaborated in formal linguistics, postulates a universal arrangement of adjectives from different semantic classes. Alternatively, in both formal and functional linguistics, it is sometimes suggested that adjectives inside a noun phrase do not create a strong hierarchy and the order of particular adjectives might be influenced by their lexical meaning. This paper discusses the results of the corpus study of Bashkir, Tatar, Turkish, Kazakh and Kyrgyz texts. The goal is to answer the question: Which of the noun phrase models suits the Turkic data better? For this study, we analyse the distribution of noun phrases with different orderings of multiple attributive adjectives belonging to 4 semantic classes: EVAL[uation], SIZE, AGE and COLOR. The data has been collected from the Wikipedia texts for the target languages (approx. 146M words). We came to the conclusion that adjectives do not form a strict hierarchy of functional projections, where each semantic class has its own position. The data from the selected Turkic languages show some patterns of adjectival ordering (such as SIZE-COLOR or AGE-SIZE). At the same time no strict ordering restrictions have been observed. We conclude that treating adjectives as adjuncts in the noun phrase structure is a more suitable approach.

Keywords: Turkic, syntactic typology, noun phrase structure, attributive adjectives, semantic classes

1. Исследования иерархии атрибутивных прилагательных в синтаксической теории¹

Основной целью исследования будет поиск корректного расположения двух (и более) прилагательных в именной группе: каз. *улкен қара көз*; кирг. *чоң кара көз* ‘большие черные глаза’. Вопрос о взаимном расположении прилагательных в именной группе кажется достаточно частным, однако имеет долгую и интересную историю изучения, см. [Dixon 1977; Cinque 1993; 2010; Scott 2002; Laenzlinger 2005; Pereltsvaig 2007; Valois 2011; Pereltsvaig, Kagan 2018 и др.].

Одним из первых взаимное расположение прилагательных исследовал Р. Диксон в статье [Dixon 1977]. Главной целью работы стало исследование типологической (не)универсальности прилагательных как отдельной части речи. Р. Диксон выделил основные семантические классы прилагательных, регулярно встречающиеся в разных языках мира. Параллельно с этим для выделенных классов был установлен их взаимный порядок расположения в английском языке, результаты были сформулированы также в терминах семантических классов:

- (1) Расположение классов прилагательных в английском языке [Dixon 1977]
 ОЦЕНКА $\Leftarrow$ РАЗМЕР $\Leftarrow$ ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА $\Leftarrow$ СКОРОСТЬ
 $\Leftarrow$ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА $\Leftarrow$ СРОК $\Leftarrow$ ЦВЕТ $\Leftarrow$ **Head Noun**

В теоретических работах, выполненных в парадигме порождающей грамматики, исследование порядка расположения прилагательных относительно друг друга и относительно вершинного имени имело принципиальное значение, т. к. любые обнаруживаемые ограничения на линейный порядок, скорее всего, связаны с глубинными ограничениями на синтаксическую структуру. Одним из важных вопросов, которые требовалось прояснить, было различие в порядке расположения прилагательных, например в романских и германских языках.

В романских языках часть прилагательных располагается в постпозиции к имени N(oun)A(djective). Г. Чинкве в [Cinque 1993] сравнивает постпозицию прилагательных в романских и их левостороннее расположение (AN) в английском и других языках. Постпозицию прилагательных в романских языках Чинкве объясняет как результат передвижения именной вершины вверх по структуре именной группы.

(2) ANA order		Оценка	Размер	N	Цвет	N
французский	<i>un</i>	<i>joli</i>	<i>gros</i>	<i>ballon</i>	<i>rouge</i>	
итальянский	<i>una</i>	<i>bella</i>	<i>grande</i>	<i>palla</i>	<i>rossa</i>	
английский	<i>a</i>	<i>nice</i>	<i>big</i>		<i>red</i>	<i>balloon</i>
русский		<i>красивый</i>	<i>большой</i>		<i>красный</i>	<i>шар</i>

Согласно идее Чинкве, исходный порядок прилагательных относительно друг друга одинаков в любых AN и NA языках. В случае ANA порядков в романских языках происходит подъем именной вершины над прилагательными некоторых классов (ЦВЕТ, НАЦИОНАЛЬНОСТЬ). На основании исследования такой, казалось бы, частной проблемы была сформулирована и впоследствии развита так называемая картографическая гипотеза о синтаксической структуре, согласно которой все функциональные проекции в различных языках имеют универсальный порядок расположения.

Дополнительные подтверждения возможности передвижения именных вершин были получены в статье [Longobardi 1994] при анализе поведения собственных имен в итальянском языке. С работ Г. Чинкве и Дж. Лонгобарди началась интересная дискуссия, ставящая проблему универсальности DP как структуры именной группы, см. здесь прежде всего [Лютикова 2017], валидность картографического (= универсально единого для всех языков мира) подхода к грамматике в целом, см. [Cinque 2004] и др.

Исследования с привлечением методов компьютерной лингвистики доказывают факт существования универсальной упорядоченности. Так, в [Jun et al. 2020] была построена мультиязыковая модель, подтвердившая иерархию Чинкве. К сожалению, ни один из тюркских языков не попал в число 24 языков, на данных которых основывались авторы.

Альтернативный взгляд на правила, которым подчиняется расположение прилагательных, состоит в поиске семантических причин отдельных порядков. Р. Диксон в работе [Dixon 1977] предлагает считать, что, например, прилагательные ОЦЕНКИ относятся не к последующей именной группе, а к непосредственно следующему прилагательному. Особые отношения, вытекающие из лексических свойств атрибутов, также устанавливаются в парах *медленный старый* и *быстрый новый*, располагающихся, согласно данным [ibid.], именно в таком порядке.

¹ Авторы признательны И. Н. Козиеву, оказывавшему помощь и поддержку на начальных этапах работы над статьей.

В [Valois 2011] приводится аргументация возможных семантических причин упорядоченности в именных группах с более чем одним прилагательным. Прилагательные разбиваются на «явные» (apparent) и все остальные. «Явные» прилагательные (например, цветковые) описывают объект исходя из его собственных характеристик, в то время как другие прилагательные (например, размера) характеризуют степень проявления свойства относительно некоторых стандартов. Согласно такой точке зрения оценочные прилагательные должны предшествовать «явным».

Таким образом, как и в системе Р. Диксона, де-факто утверждается, что оценочные прилагательные должны предшествовать остальным классам. Данная аргументация кажется неполной: неочевидно, что оценка в парах прилагательных действительно относится ко второму свойству, ср. *хорошая (старая) песня*; непонятно, как упорядочены различные градуальные прилагательные (ОЦЕНКИ, РАЗМЕРА, СРОКА) между собой, и т. д.

Как мы видим, важным представляется само получение эмпирических языковых данных, подтверждающих, что прилагательные одного семантического класса проявляют последовательное поведение относительно другого. Альтернативными результатами исследования могут быть заключения: 1) порядком расположения управляет лексическое значение отдельных прилагательных либо 2) упорядоченность отсутствует.

2. Методы исследования расположения прилагательных

Два основных метода, которые использовались при исследовании порядка прилагательных, — это проведение лингвистического эксперимента с носителями и обработка больших массивов текстов.

В качестве примера лингвистического экспериментального исследования можно привести работу [Pereltsvaig 2007], посвященную проблеме порядка прилагательных в русском и английском языках. А. Перельцвайг использовала опрос носителей, как и многие другие лингвисты, изучавшие прежде расположение прилагательных в европейских языках (аналогичным образом были получены данные о порядке английских прилагательных в [Dixon 1977] и других работах). Испытуемым было представлено 30 пар прилагательных с «прямым» и «обратным» порядком и предлагалось оценить приемлемость каждого варианта. Случаи, при которых порядок не соответствовал исследуемой иерархии, расценивались как отклонения. Отклонений обнаружилось немного (11,5%), но в некоторых парах отмечаются регулярные «биения»: носители затрудняются с выбором одного из вариантов.

При объяснении результатов А. Перельцвайг принимает за основу иерархию прилагательных, полученную для ряда языков в «картографической» работе [Scott 2002], см. также [Laenzlinger 2005] и приведенные там ссылки:

(3) Иерархия расположения прилагательных по [Scott 2002: 102]

[_{DP} the/this [_{Subj.CommentP} nasty/magnificent [_{SizeP} big/small [_{LengthP} long/short [_{HeightP} tall/high [_{SpeedP} fast/slow [_{WidthP} fat/thick/thin [_{WeightP} light/heavy [_{TemperatureP} hot/cold [_{AgeP} Edwardian/modern [_{ShapeP} round/triangular [_{ColourP} dark brown/white [_{Nationality/OriginP} German/Parisian [_{MaterialP} rosewood/brass [_{NP} ...

Перельцвайг подтверждает данную иерархию для английского и русского языков.

В ряде исследований, проведенных на материале русского языка, использовалась альтернативная методика. Такой альтернативный подход предполагает поиск по большим текстовым массивам, см. [Голдова, Муханова 2017; Pereltsvaig, Kagan 2018; Гращенко 2018].

Опишем исследование, проведенное в последней из упомянутых работ. Материалом для него послужил корпус прозы и публицистики конца XX в., содержащий около 12 млн словоупотреблений.

Анализировались следующие семантические классы прилагательных: РАЗМЕР (*большой, узкий, ...*); ОЦЕНКА (*прекрасный, плохой, ...*); СРОК (*новый, старый*); ЦВЕТ (*черный, красный, ...*); МАТЕРИАЛ (*деревянный, кирпичный, ...*); НАЦИОНАЛЬНОСТЬ (*немецкий, китайский, ...*); МЕСТО (*российский, новгородский, ...*).

Было извлечено около 80 тысяч примеров с разного типа именными зависимыми, из которых около 2,5 тысяч — лексемы исследуемых классов. Далее были исключены случаи метафорических употреблений, идиоматика и терминология. В итоге получено около 1,5 тысяч уникальных примеров, содержащих пары прилагательных вида:

(4) русский [Гращенко 2018: 84]

- a. *В доме, кроме него, оставался лишь Пуршикевич, который поднялся в кабинет и набрасывал что-то в [большом черном блокноте], возможно, свою заграничную речь в Думе.*
- b. *Та сидела деловитая, в [сером английском костюме], вела разговор с клиентом, увидела Шеврику, вскочила.*

- с. ...они преодолели расстояние в 6700 км и достигли Купанги, [небольшой голландской фактории] на острове Тимор...
- д. Именно она своим вердиктом вынесла недавно обвинительный приговор [плохим российским дорогам] и нерадивым строителям этих самых дорог.
- е. Позвонил [старый белый телефон] с гербом СССР.

В результате были сформированы следующие пары классов, которые непротиворечиво выстраиваются в следующую последовательность (классы на одном вертикальном уровне не демонстрируют взаимного приоритета):

- (5) Иерархия прилагательных в русском согласно [Гращенко 2018]
РАЗМЕР	ОЦЕНКА	ЦВЕТ	МАТЕРИАЛ	NOUN
	СРОК		НАЦИОНАЛЬНОСТЬ	
			МЕСТО	

Как можно видеть, «дальше всего» от существительного располагаются прилагательные семантического класса РАЗМЕР, а «ближе» к вершинному имени находятся прилагательные классов МАТЕРИАЛ, НАЦИОНАЛЬНОСТЬ, МЕСТО. Классы ОЦЕНКА и СРОК располагаются после РАЗМЕРА, после них располагается ЦВЕТ, а затем следуют три конечных класса.

Результаты работы [Гращенко 2018] в основном согласуются со [Scott 2002; Pereltsvaig 2007] и др. Основное расхождение состоит в том, что прилагательные класса РАЗМЕР располагаются до прилагательных класса ОЦЕНКА.

Надо отметить, что в самих методиках исследования порядка слов заложено ожидание вариативности, ср. с примерами на (не)грамматичные порядки составляющих типа **John often kisses Mary* 'Джон часто целует Мэри' и проч. Также возможно, что в случае методики, применявшейся в [Pereltsvaig 2007], сам факт постановки перед носителем задачи выбора одного «правильного» порядка сужает пространство возможностей. Так или иначе, вариативность порядка прилагательных в именных группах различных языков существенна: при наличии строгих тенденций наблюдается относительная свобода расположения.

3. Исследование расположения прилагательных в текстах на тюркских языках: постановка задачи

В работах Чинкве, см. также [Pereltsvaig 2007] и др., утверждается, что порядок прилагательных в именной группе фиксирован и универсален. Он определяется иерархией функциональных проекций, соответствующих разным семантическим классам прилагательных. Разберем анализ, приводимый Чинкве для романских и германских языков.

Чинкве [Cinque 2010: 39] приводит следующие ограничения на порядок прилагательных в языках мира:

- (6) а. английский, китайский
 $A_{\text{size}} > A_{\text{color}} > A_{\text{nationality}} > N$
- б. —
 $*A_{\text{nationality}} > A_{\text{color}} > A_{\text{size}} > N$
- с. валлийский, ирландский
 $N > A_{\text{size}} > A_{\text{color}} > A_{\text{nationality}}$
- д. индонезийский, йоруба
 $N > A_{\text{nationality}} > A_{\text{color}} > A_{\text{size}}$

В языках типа английского или русского все элементы получают поверхностное выражение в своих базовых позициях. В языках с препозицией имени возможен один из двух сценариев. С одной стороны, ядерная именная группа (имя и некоторая его минимальная проекция) могут последовательно подниматься в спецификатор некоторой верхней функциональной проекции — так получается порядок типа с. Другой сценарий — передвижение в духе «эффекта Крысолова» (pied-piping), см. [Тестелец 2001: 140—141]. В этом случае передвижение происходит по принципу снежного кома: ядерная именная группа перемещается в непосредственно доминирующий над ней узел ($AP_{\text{nationality}}$), затем весь комплекс ($NP-AP_{\text{nationality}}$) поднимается в непосредственно доминирующий над ним спецификатор (AP_{color}) и т. д. — таким образом деривируется структура, соответствующая d.

Как указано в [Гращенко 2018], гипотезе строгой иерархизации (функциональных проекций) противоречит относительно свободное расположение русских лексем разных классов:

(7) русский [там же: 89]

- a. *Резко повернувшись на винте табурета, ко мне обратился небольшого роста человек с [французской черной бородкой]...*
- b. *Как на [японском мелком календаре], при смещении его, возникает новая картинка...*
- c. *...горбун, оказывается, пристально смотрит на меня, а на [красных длинных губах] его блуждает улыбка...*

В (7a) прилагательное со значением национальности предшествует цветообозначению, а в (7b) — прилагательному размеру. Оба порядка в (7) противоречат «универсальной» иерархии. Такие вариации, согласно предлагаемому Чинкве механизму, должны быть невозможны в языках с препозицией прилагательного, т. к. группа прилагательного не может передвигаться сама по себе — только с ядром именной группы.

Результаты, полученные для русского, итальянского, английского и других языков, похожи скорее не на строгое упорядочивание проекций различных типов, а на некоторое предпочтение определенного расположения. Закономерности подобного рода с точки зрения организации структуры более соответствуют адьюнкция, чем иерархия функциональных проекций.

Как уже упоминалось выше, в работах Чинкве и других генеративистов, исследовавших расположение прилагательных, делались утверждения, что прилагательные являются спецификаторами либо вершинами функциональных проекций. Функциональные вершины при этом строго упорядочены, а следовательно, и взаимное расположение прилагательных в разных языках детерминировано. Другой возможный подход к прилагательным в структуре именной группы заключается в том, чтобы считать их адьюнктами. В отличие от спецификаторов, адьюнкты факультативны. В одной и той же фразе может быть неограниченное количество адьюнктов. Порядок расположения множественных адьюнктов относительно друг друга определяется семантикой (а не синтаксической иерархией).

В пользу адьюнкции прилагательных говорят следующие факты: i) произвольное количество прилагательных в именной группе; ii) относительно свободный порядок их расположения; iii) отсутствие у отдельных классов прилагательных характерных для них грамматических признаков, которые проверялись бы в процессе деривации в данной функциональной проекции (грамматический признак {+ colog} и т. п.).

Действительно, все спецификаторы участвуют в проверке признаков со своими вершинами. Так, подлежащие проверяют признаки лица, числа и времени вершины простой предикации T и т. д. Если бы мы считали прилагательные спецификаторами, они также должны были бы участвовать в проверке некоторых специфических признаков, причем каждый семантический класс — своих. Очевидно, что различия между семантическими классами прилагательных лежат не в области грамматических категорий.

Итого мы упомянули следующие не до конца проясненные вопросы:

- (8) Вопросы, ответы на которые планируется получить при исследовании тюркских данных:
  - a) есть ли в принципе упорядоченность расположения между семантическими классами (альтернативно: упорядочены отдельные лексем; порядок отсутствует);
  - b) какого рода упорядоченность (строгая/слабая иерархичность) существует внутри цепочек прилагательных;
  - c) как именно расположены относительно друг друга отдельные семантические классы (в частности, классы РАЗМЕРА и ОЦЕНКИ).

Поскольку и иерархия прилагательных, и в целом картографическая теория, по мнению авторов, носят универсальный характер, установленные типологические и синтаксические закономерности должны выполняться и для тюркских языков. Следовательно, исследование относительного расположения прилагательных в языках тюркской семьи должно помочь ответить на вопросы выше.

4. Данные тюркских языков кыпчакской группы

Чтобы ответить на поставленные выше вопросы, мы начали с исследования башкирского, татарского, казахского и киргизского языков. Исходя из того, что синтаксис тюркских языков в значительной степени похож, а также из того, что все указанные языки являются представителями кыпчакской группы внутри тюркских, для порядка расположения прилагательных в данных четырех языках можно ожидать относительно схожих результатов.

Предварительное изучение грамматик исследуемых кыпчакских языков не дало результата. В грамматиках обычно указывается на относительное расположение в именной группе прилагательных и единиц других лексических классов. Так, в [Рорре 1961: 114] говорится, что прилагательные в татарском идут после числительных и указательных местоимений. В грамматике татарского языка под редакцией М. З. Закиева детально описаны разные типы именных групп и упоминается возможность отдельного

употребления с именем разных типов прилагательных, однако их порядок никак не описан, см. [Закиев (ред.) 1992: 77, 130—132]. В монографии по сравнительно-историческому синтаксису тюркских языков также упоминается лишь возможность образовывать сочетания «имя прилагательное + имя прилагательное + имя существительное», но про порядок элементов внутри него ничего не говорится [Гаджиева, Серебренников 1986: 29, 38—45].

В башкирской грамматике Н. К. Дмитриева указывается на связь между степенью «органичности» признака и его расположением: «Если при одном определяемом имеется несколько определений, то ближе к определяемому обычно ставятся те, которые выражают более постоянные и органические признаки, а дальше от него — те, которые выражают более или менее случайные признаки» [Дмитриев 1948: 216]. Наблюдение Н. К. Дмитриева в целом похоже на упомянутые выше идеи Р. Диксона и Д. Валуа: ближе к имени располагаются наиболее «объективные» признаки, дальше от имени — оценочные: «Таким образом, *бер матур сәскә* переводится по-русски: ‘какой-то красивый цветок’, а *матур бер сәскә* — как ‘кра-а-сивый цветок’» [там же: 217].

Похожие идеи высказываются в грамматике турецкого языка А. Н. Кононова: «В словосочетании, в котором представлено несколько определений, последние располагаются таким образом, что определения, выражающие постоянные признаки, стоят ближе к определяемому; определения, выражающие переходные² признаки, располагаются перед постоянными признаками» [Кононов 1956: 408]. Естественно, что авторы грамматик отдельных (тюркских) языков опираются в данном случае либо на интуицию носителей, либо на имеющиеся немногочисленные примеры.

Специальных работ, посвященных порядку прилагательных в тюркских языках на убедительном эмпирическом материале, нам обнаружить не удалось. Единственным исключением является работа [Bağırlı 2018]. По мнению автора, в турецком языке прилагательные могут располагаться в любом порядке. В статье утверждается, что ограничения на порядок прилагательных могут быть обнаружены, если принимать во внимание их расположение относительно неопределенного артикля (*bir* ‘один’). Прилагательные, предшествующие неопределенному артиклю, должны быть выше в универсальной адъективной иерархии, чем прилагательные, которые могут за ним следовать.

Однако даже в упомянутой статье [ibid.] автор оставил за скобками способ сбора и анализа языкового материала. Таким образом, мы полагаем, что исследование, где предпринималась бы попытка максимально объективного извлечения информации о порядке тюркских прилагательных, все еще актуально.

Подобное исследование предполагало бы сбор и статистический анализ осязаемого количества примеров. Оно могло бы проходить по одному из сценариев, описанных выше: i) анкетирование некоторого количества носителей на достаточном объеме примеров или ii) извлечение данных о расположении прилагательных из имеющихся текстов. Мы избрали второй путь и предприняли анализ языковых данных текстов Википедии на целевых тюркских языках³. Ниже представлены количественные данные об анализируемых текстах.

(9) Статистика по текстам Википедии для пяти тюркских языков

Язык	Количество текстов	Размер корпуса (количество словоупотреблений, округленно)	Количество извлеченных целевых конструкций (существительное с более чем двумя прилагательными в препозиции)
башкирский	81,6 тыс.	14,3 млн	90
казахский	280,4 тыс.	24,9 млн	109
киргизский	93,4 тыс.	9 млн	18
татарский	487,1 тыс.	18,7 млн	59
турецкий	818,5 тыс.	79,7 млн	220

Для киргизского языка, который дал наименьшее количество примеров, данные были также дополнены киргизскими текстами из Интернета⁴.

Методом исследования стал сбор статистики по парам прилагательных в собранных коллекциях текстов. Для изучения упорядоченности прилагательных в данных языках тюркской семьи мы выбрали прилагательные классы ОЦЕНКА, РАЗМЕР, СРОК и ЦВЕТ, т. к. значения, соответствующие классам

² Мы благодарим анонимного рецензента за указание на данную работу.

³ <https://dumps.wikimedia.org/backup-index.html>

⁴ Что дало, впрочем, не такой существенный прирост количества примеров: 4 дополнительных именных группы к имевшимся 28.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ, МАТЕРИАЛ и некоторым другим, передаются в тюркских языках при помощи конструкций с существительными (так называемые изафетные конструкции).

Для проведения эксперимента был составлен список наиболее частотных прилагательных — представителей данных классов⁵. Далее программными средствами были проанализированы составленные текстовые массивы и получены списки примеров для каждого из языков (учитывались только уникальные предложения). После этого все примеры были переведены и рассмотрены, с тем чтобы убедиться в отсутствии субстантивации, случаев принадлежности к разным проекциям, идиоматики, устойчивых терминов и т. п. Например, были удалены из рассмотрения татарская именная группа *кечкенә кара тишеклар* ‘малые черные дыры’, киргизская ИГ *кызыл зор жылдыздарга* ‘красным гигантам’, где *зор жыл* переводится как ‘большая звезда, гигант’ и также является термином, и т. д. Не учитывались употребления прилагательных, разделенных запятой. Если в разных примерах все три компонента именных групп полностью совпадали, такие случаи считались как одно употребление.

Продемонстрируем некоторые из примеров, составивших итоговые данные:

- (10) татарский
 а. *кечкенә кызыл нокталар*
 ‘маленькие красные точки’
 б. *яңа зур мәчет*
 ‘новая большая мечеть’
- (11) казахский
 а. *жақсы зор сыйлық*
 ‘хороший большой подарок’
 б. *жаңа жақсы жұмыстар*
 ‘новые хорошие работы’
- (12) башкирский
 а. *якшы тәрән гавань*
 ‘хорошая глубокая гавань’
 б. *зур матур королма*
 ‘большое красивое строение’
- (13) киргизский
 а. *кыска кара көрпөдөн*
 ‘короткая черная мерлушка’
 б. *боз тар чепкен*
 ‘серый узкий чепкен’.

5. Обсуждение полученных для языков кыпчакской группы результатов

В таблице ниже показано распределение количества порядков для четырех исследованных языков. В каждой строке таблицы для каждого языка указано, сколько раз прилагательные располагались в данном порядке и сколько — в обратном (например, в казахском порядок СРОК—ЦВЕТ встретился четырежды, а обратное расположение — ни разу):

(14) Данные по расположению прилагательных в четырех языках кыпчакской группы

С11	С12	казахский	татарский	башкирский	киргизский	всего
AGE	COLOR	4	2	1	3	10
COLOR	AGE	0	0	0	0	0
AGE	EVAL	1	1	1	0	3
EVAL	AGE	5	2	6	0	13
AGE	SIZE	14	14	23	0	51
SIZE	AGE	10	6	6	1	23

⁵ ОЦЕНКА: *хороший, плохой, красивый;*

СРОК: *новый, старый;*

РАЗМЕР: *большой, маленький, высокий, низкий, широкий, узкий, глубокий, мелкий;*

ЦВЕТ: *черный, белый, красный, желтый, зеленый, бурый, серый.*

CI1	CI2	казахский	татарский	башкирский	киргизский	всего
COLOR	EVAL	0	0	0	0	0
EVAL	COLOR	1	1	7	0	9
COLOR	SIZE	10	6	2	1	19
SIZE	COLOR	57	26	36	12	131
EVAL	SIZE	3	0	2	1	6
SIZE	EVAL	4	1	6	0	11

Серым подсвечены строки, где количество и характер данных позволяют говорить об иерархичности в расположении двух семантических классов⁶. Как видим, для отдельных языков можно уверенно говорить лишь о двух закономерностях: а) порядке СРОК—РАЗМЕР (для башкирского) и б) порядке РАЗМЕР—ЦВЕТ (для всех четырех языков). Согласно данным таблицы, порядок СРОК—РАЗМЕР в целом преобладает и за пределами башкирского, однако количественного «перевеса» недостаточно для того, чтобы говорить об этом уверенно. Но если основываться на совокупных данных всех языков, можно утверждать, что, кроме указанных закономерностей расположения (СРОК—РАЗМЕР, РАЗМЕР—ЦВЕТ), выполняются также две другие: СРОК—ЦВЕТ, ОЦЕНКА—ЦВЕТ.

(15) Иерархия прилагательных в языках кыпчакской группы

СРОК — РАЗМЕР — ЦВЕТ — **ВЕРШИНА-СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ** — ?ОЦЕНКА?

Все классы, кроме класса ОЦЕНКА, непротиворечиво располагаются на полученной иерархии. Для того чтобы локализовать класс ОЦЕНКА, кыпчакские языки не дают достаточно данных.

Отметим, что расположение СРОК—РАЗМЕР противоречит и иерархии, полученной в [Scott 2002] для разных языков, и иерархии [Гращенков 2018] для русского. Кыпчакские языки, таким образом, демонстрируют упорядоченность семантических классов, однако она лишь отчасти совпадает с порядком, полученным для других языков. Расположение цветowych прилагательных после размерных, оценочных и временных является общим для тюркских и романских, германских, славянских языков, в то время как взаимное расположение классов РАЗМЕР, ОЦЕНКА, СРОК, возможно, варьирует по языкам.

Что касается строгости расположения прилагательных относительно друг друга, то очевидно, что здесь ограничения не носят обязательного характера. Кроме вариативности, демонстрируемой приведенной выше таблицей, среди примеров встречаются именные группы с одним и тем же лексическим наполнением, но различным порядком, см. также (12)—(13):

(16) казахский

a. *кішкене қара нүкте-лер-і*

маленький черный точка-PL-3

b. *қара кішкене нүкте-лер-і*

черный маленький точка-PL-3

‘маленькие черные точки’.

Для того чтобы пролить свет на расположение классов РАЗМЕР, ОЦЕНКА и СРОК, мы предприняли также исследование порядка прилагательных в турецком языке.

6. Результаты для турецкого языка и общие итоги для тюркских языков

Источники и правила извлечения данных для турецкого были теми же. Результаты приведены в следующей таблице⁷:

(17) Данные по расположению прилагательных в турецком языке

CI1	AGE	COLOR	AGE	EVAL	AGE	SIZE	COLOR	EVAL	COLOR	SIZE	EVAL	SIZE
CI2	COLOR	AGE	EVAL	AGE	SIZE	AGE	EVAL	COLOR	SIZE	COLOR	SIZE	EVAL
турецкий	11	3	5	36	43	13	1	4	11	84	5	4

⁶ Использовался критерий χ^2 , вероятность принятия нулевой гипотезы $< 0,05$.

⁷ Статистически достоверные клетки выделены серым, использовался критерий χ^2 , вероятность принятия нулевой гипотезы $< 0,05$.

На основании тех данных, которые дают возможность надежно упорядочить пары семантических классов, можно выстроить следующую непротиворечивую иерархию:

(18) Иерархия прилагательных в турецком языке

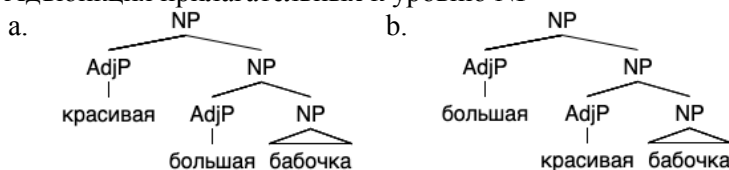
ОЦЕНКА — СРОК — РАЗМЕР — ЦВЕТ — **ВЕРШИНА-СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ**

Сравнивая полученные результаты для турецкого и кыпчакских языков с предполагаемой универсальной иерархией в [Scott 2002], можно заметить обратное расположение классов СРОК и РАЗМЕР. Если сравнить результаты для турецкого с результатами для русского языка, можно заметить расхождение в расположении класса ОЦЕНКА, который в русском следует за классом РАЗМЕР. Последний результат отличается также от наблюдений, сделанных для польского языка согласно [Valois 2011], который оказывается в этом отношении похожим на русский.

Основываясь на данных тюркских и некоторых славянских языков⁸, можно заключить, таким образом, что расположение прилагательных в тексте не следует в точности иерархии в [Scott 2002]. На основании имеющихся данных можно наиболее уверенно утверждать лишь о склонности прилагательных класса ЦВЕТ к позиции в конце цепочек атрибутов. Это может говорить в пользу подхода, противопоставляющего оценочные и неоценочные прилагательные. Цветовые прилагательные универсально неоценочны, а классы РАЗМЕР и СРОК могут обладать различной предрасположенностью к употреблению в оценочных контекстах в разных языках.

В терминах порождающей грамматики подобные закономерности могут описываться как свидетельство того, что прилагательные располагаются на разных уровнях адьюнкции к проекции NP. Более «левое» прилагательное имеет сферу действия над всей составляющей, оказывающейся «внутри»:

(19) Адьюнкция прилагательных к уровню NP

В примере (19а) оценка («красивый») может основываться в том числе и на размере («красивая, потому что большая»). В (19б) «большой» может также относиться ко всей именной группе *красивая бабочка*, учитывая, например, то, что «большой» менее характерно для бабочек, чем «красивый». Денотаты «красивый» и «бабочка» формируют объект внеязыковой действительности, который затем модифицируется (оценочным) прилагательным *большой*. Оценочные прилагательные (в том числе и классов РАЗМЕР, СРОК) при таком подходе оказываются всегда «снаружи», т. к. имеют сферу действия над атрибутами, модифицирующими денотацию именной группы.

7. Заключение

Проблема относительного расположения прилагательных в именной группе, несмотря на ее частный характер, является достаточно интересной и исторически послужила одной из отправных точек для создания так называемой картографической теории в формальной лингвистике. Согласно картографическому подходу, прилагательные в языках мира должны располагаться, подчиняясь единой иерархии, которая строгим образом упорядочивает доступные в данном языке адъективные классы.

Мы исследовали классы прилагательных ОЦЕНКА, РАЗМЕР, СРОК и ЦВЕТ в башкирском, татарском, турецком, казахском и киргизском языках. Результаты показали, что класс ЦВЕТ регулярно следует за всеми остальными. Что касается упорядоченности других классов, то для тюркских языков можно достаточно уверенно говорить о расположении СРОК—РАЗМЕР и чуть менее надежно (основываясь только на турецких данных) — о расположении ОЦЕНКА—СРОК. В целом сделать вывод о строгом следовании прилагательных не представляется возможным: все рассмотренные тюркские языки, равно как и русский, демонстрируют относительную свободу взаимной позиции прилагательных в именной группе. Расположение разных классов прилагательных относительно друг друга управляется семантическими и прагматическими факторами, как это и свойственно адьюнктам одного уровня проекции.

⁸ Так, например, для русского, см. [Толдова, Муханова 2017; Гращенко 2018], и польского, см. [Valois 2011], постулируется возможность «обратного» с точки зрения [Scott 2002] порядка РАЗМЕР—ОЦЕНКА.

Литература

- Гаджиева, Серебренников 1986 — *Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников*. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М.: Наука, 1986.
- Гращенко 2018 — *П. В. Гращенко*. Грамматика прилагательного. Типология адъективности и атрибутивности. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.
- Дмитриев 1948 — *Н. К. Дмитриев*. Грамматика башкирского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
- Закиев (ред.) 1992 — *М. З. Закиев* (отв. ред.), *Ф. А. Ганиев* (отв. ред.). Татарская грамматика: В 3 т. Т. 3: Синтаксис. Казань, 1992.
- Кононов 1956 — *А. Н. Кононов*. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Лютикова 2017 — *Е. А. Лютикова*. Синтаксис именной группы в безартиклевом языке. Дис. ... докт. филол. наук. МГУ, 2017.
- Тестелец 2001 — *Я. Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Толдова, Муханова 2017 — *С. Ю. Толдова, Р. В. Муханова*. Порядок следования прилагательных разных семантических классов в русском языке в свете корпусных данных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог-2017». М.: РГГУ, 2017. С. 429—440.
- Bayırlı 2018 — *İ. K. Bayırlı*. Does Turkish have adjective ordering restrictions? // Thematic Volume: Papers in Turkish and Turkic Linguistics. 2018. Vol. 18, № 2. P. 1—26.
- Cinque 1993 — *G. Cinque*. On the evidence for partial N-movement in the Romance DP // Venice Working Papers in Linguistics. 1993, 3 (2). P. 21—40.
- Cinque 2004 — *G. Cinque*. Restructuring and functional structure. Structures and beyond: The cartography of syntactic structures. 2004, 3. P. 132—191.
- Cinque 2010 — *G. Cinque*. The syntax of adjectives: A comparative study (Vol. 57). MIT press, 2010.
- Dixon 1977 — *R. M. Dixon*. Where have all the adjectives gone? // Studies in Language. International Journal sponsored by the Foundation "Foundations of Language". 1977, 1 (1). P. 19—80.
- Jun et al. 2020 — *Y. Jun, G. Leung, R. Emerson*. Investigating cross-linguistic adjective ordering tendencies with a latent-variable model. Proceedings of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, Association for Computational Linguistics, 2020. P. 4016—4028, <https://aclanthology.org/2020.emnlp-main.329.pdf>
- Laenzlinger 2005 — *C. Laenzlinger*. French adjective ordering: Perspectives on DP-internal movement types // Lingua. 2005, 115 (5). P. 645—689.
- Longobardi 1994 — *G. Longobardi*. Reference and proper names: A theory of N-movement in syntax and logical form // Linguistic inquiry. 1994. Vol. 2, № 4. P. 609—665.
- Pereltsvaig 2007 — *A. Pereltsvaig*. The universality of DP: A view from Russian // Studia linguistica. 2007, 61 (1). P. 59—94.
- Pereltsvaig, Kagan 2018 — *A. Pereltsvaig, O. Kagan*. Adjectives in layers // Rhema. 2018, 4. P. 125—165.
- Poppe 1961 — *N. Poppe*. Tatar manual: Descriptive grammar and texts with a Tatar-English glossary (Indiana University Publications. Uralic and Altaic series). Indiana University, Bloomington, 1961.
- Scott 2002 — *G. J. Scott*. Stacked adjectival modification and the structure of nominal phrases. Functional structure in DP and IP: The cartography of syntactic structures. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 91—120.
- Valois 2011 — *D. Valois*. Adjective order within DP. Ms, University of Montreal, 2011.

References

- Bayırlı 2018 — *İ. K. Bayırlı*. Does Turkish have adjective ordering restrictions? In: Thematic Volume: Papers in Turkish and Turkic Linguistics. 2018. Vol. 18, № 2. P. 1—26.
- Cinque 1993 — *G. Cinque*. On the evidence for partial N-movement in the Romance DP. In: Venice Working Papers in Linguistics. 1993, 3 (2). P. 21—40.
- Cinque 2004 — *G. Cinque*. Restructuring and functional structure. Structures and beyond: The cartography of syntactic structures. 2004, 3. P. 132—191.
- Cinque 2010 — *G. Cinque*. The syntax of adjectives: A comparative study (Vol. 57). MIT press, 2010.
- Gadzhieva, Serebrennikov 1986 — *N. Z. Gadzhieva, B. A. Serebrennikov*. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Sintaksis. Moskva: Nauka, 1986. {N. Z. Gadzhieva, B. A. Serebrennikov. Comparative-historical grammar of Turkic languages. Syntax. Moscow: Nauka, 1986.}
- Grashchenkov 2018 — *P. V. Grashchenkov*. Grammatika prilagatel'nogo. Tipologiya ad'ektivnosti i atributivnosti. Moskva: Izdatel'skii dom YASK, 2018. {P. V. Grashchenkov. Grammar of adjective. Typology of adjectivity and attributivity. Moscow: Publishing House YASK, 2018.}

- Dixon 1977 — R. M. Dixon. Where have all the adjectives gone? In: *Studies in Language*. International Journal sponsored by the Foundation “Foundations of Language”. 1977, 1 (1). P. 19—80.
- Dmitriev 1948 — N. K. Dmitriev. *Grammatika bashkirskogo yazyka*. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1948. {N. K. Dmitriev. *Grammar of the Bashkir language*. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1948.}
- Jun et al. 2020 — Y. Jun, G. Leung, R. Emerson. Investigating cross-linguistic adjective ordering tendencies with a latent-variable model. *Proceedings of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, Association for Computational Linguistics*, 2020. P. 4016—4028, <https://aclanthology.org/2020.emnlp-main.329.pdf>
- Kononov 1956 — A. N. Kononov. *Grammatika sovremennogo turetskogo literaturnogo yazyka*. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956. {A. N. Kononov. *Grammar of modern Turkish literary language*. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1956.}
- Laenzlinger 2005 — C. Laenzlinger. French adjective ordering: Perspectives on DP-internal movement types. In: *Lingua*. 2005, 115 (5). P. 645—689.
- Longobardi 1994 — G. Longobardi. Reference and proper names: A theory of N-movement in syntax and logical form. In: *Linguistic inquiry*. 1994. Vol. 25, № 4. P. 609—665.
- Lyutikova 2017 — E. A. Lyutikova. *Sintaksis imennoi gruppy v bezartikleovom yazyke*. Dis. ... dokt. filol. nauk. MGU, 2017. {E. A. Lyutikova. *Syntax of a noun phrase in an articleless language*. PhD dissertation. Moscow State University, 2017.}
- Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. The universality of DP: A view from Russian. In: *Studia linguistica*. 2007, 61 (1). P. 59—94.
- Pereltsvaig, Kagan 2018 — A. Pereltsvaig, O. Kagan. Adjectives in layers. In: *Rhema*. 2018, 4. P. 125—165.
- Poppe 1961 — N. Poppe. *Tatar manual: Descriptive grammar and texts with a Tatar-English glossary* (Indiana University Publications. Uralic and Altaic series). Indiana University, Bloomington, 1961.
- Scott 2002 — G. J. Scott. Stacked adjectival modification and the structure of nominal phrases. *Functional structure in DP and IP: The cartography of syntactic structures*. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 91—120.
- Testelets 2001 — Ya. G. Testelets. *Vvedenie v obshchii sintaksis*. Moskva: RGGU, 2001. {Ya. G. Testelets. *Introduction to general syntax*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2001.}
- Toldova, Mukhanova 2017 — S. Yu. Toldova, R. V. Mukhanova. Poryadok sledovaniya prilagatel'nykh raznykh semanticheskikh klassov v russkom yazyke v svete korpusnykh dannykh. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferencii “Dialog-2017”*. Moskva: RGGU, 2017. S. 429—440. {S. Yu. Toldova, R. V. Mukhanova. *The order of adjectives of different semantic classes in Russian in the light of corpus data*. In: *Computational linguistics and intellectual technologies: based on the materials of the annual international conference “Dialogue-2017”*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2017. P. 429—440.}
- Valois 2011 — D. Valois. *Adjective order within DP*. Ms, University of Montreal, 2011.
- Zakiev (red.) 1992 — M. Z. Zakiev (otv. red.), F. A. Ganiev (otv. red.). *Tatarskaya grammatika: V 3 t. T. 3: Sintaksis*. Kazan', 1992. {M. Z. Zakiev (ed.), F. A. Ganiev (ed.). *Grammar of the Tatar language: In 3 vol. Vol. 3: Syntax*. Kazan, 1992.}

Event structure of Hill Mari denominal verbs

Vadim V. Dyachkov, Institute of Linguistics, Russian Academy of Science (Moscow),
Lomonosov Moscow State University; hypocentaurus@mail.ru

The paper deals with the event structure of denominal verbs in Hill Mari, a Finno-Ugric language. In Hill Mari, denominal (as well as some deadjectival) verbs are derived using the same suffix giving rise to several different structural types of predicates. The paper focuses on the properties of denominal predicates that are of interest to the theory and typology of the phenomenon and that are not predicted by the existing theories of denominal derivation. Some influential theories assume that there is one-to-one correspondence between the semantic properties of the base stems and those of their denominal/deadjectival counterparts. Namely, quantized nouns and closed-scale adjectives should give rise to telic verbs, whereas cumulative nouns and open-scaled adjectives should derive atelic ones. However, in many cases, this prediction is not confirmed by the Hill Mari data. Namely, I present the data showing that the semantic properties of base adjectives are not transferred to the derived predicate and consider some other cases of denominal derivation challenging the existing theories. I also suggest that these facts can be accounted for if one assumes that the derivational suffix encodes the process component (equivalent to DO or BECOME operator in various theories of predicate decomposition) determining distributional properties of the predicate. I present the language-specific tests sensitive to the event structure of the predicate that allow us to confirm this hypothesis. Finally, I show how the Hill Mari data contribute to our understanding of the phenomenon under study and present a tentative typology of denominal derivational affixes.

Keywords: Hill Mari, denominal verbs, deadjectival verbs, degree modification, event structure, unergativity

СОБЫТИЙНАЯ СТРУКТУРА ОТЫМЕННЫХ ГЛАГОЛОВ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Дьячков Вадим Викторович, Институт языкознания РАН (Москва),
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; hypocentaurus@mail.ru

В статье рассматривается событийная структура отыменных глаголов в горномарийском языке. В горномарийском языке отыменные (а также некоторые деадъективные) глаголы разных структурных типов образуются с использованием одного и того же суффикса. Основное внимание уделяется свойствам отыменных глаголов, которые представляют интерес для теории и типологии явления и не предсказываются существующими теориями отыменной деривации. Некоторые влиятельные теории предполагают, что существует взаимно-однозначное соответствие между семантическими свойствами исходной основы и свойствами глаголов, деривированных от нее. В частности, квантованные существительные и прилагательные с закрытой шкалой образуют предельные глаголы, тогда как кумулятивные существительные и прилагательные с открытой шкалой образуют непредельные глаголы. Данные горномарийского языка не всегда подтверждают это предположение. В статье рассматриваются данные, показывающие, что семантические свойства исходных прилагательных не передаются производным глаголам, а также другие данные, проблематичные для существующих теорий. Предполагается, что их можно объяснить, если предположить, что деривационный суффикс кодирует процессуальный компонент (эквивалентный оператору DO или BECOME в различных теориях предикатной декомпозиции), определяющий дистрибутивные свойства предиката. Это доказывается с помощью применения конкретно-языковых тестов, чувствительных к событийной структуре предиката. В статье обсуждается также вклад данных горномарийского языка в типологию изучаемого явления и предлагается типология деривационных отыменных аффиксов.

Ключевые слова: горномарийский язык, отыменные глаголы, деадъективные глаголы, степенная модификация, событийная структура, неэргативность

Исследование поддержано грантом РФФИ № 22-18-00285. Автор выражает благодарность всем своим консультантам — носителям горномарийского языка, без которых данная работа была бы невозможна, в особенности Ольге Сильвестровне Микряковой и Ларисе Михайловне Изичиной, оказавшим автору неоценимую помощь в проверке и уточнении материалов при подготовке статьи. Автор также благодарит анонимных рецензентов статьи, которые указали на неточности и дали много ценных комментариев, позволивших улучшить окончательный текст.

1. Introduction

From a typological and theoretical perspective, denominal verbs are of great interest to linguistic theory due to non-trivial semantic relations between the base stem and the derived verb. These effects were investigated in detail in a bunch of works, cf. [Hale, Keyser 2002; Harley 2005; Haugen 2009; Tatevosov 2017; Bleotu 2019], among many others. At the same time, it is obvious that the languages of the world differ in what types of nominal derivation they allow. In English, denominal derivation is productive and a large number of semantic types has been attested, see [Hale, Keyser 2002]. Some examples are given below.

- (1) *John enveloped the letter.*
- (2) *John shelved the books.*
- (3) *John saddled a horse.*
- (4) *Sue hammered the metal.*

However, in many other languages denominal verb derivation is not as productive as in English or is represented by a limited number of structural types. A complete understanding of the mechanisms regulating denominal derivation and the parameters of typological variation has not yet been achieved. This paper contributes to our understanding of the phenomenon bringing to light the data from Hill Mari (< Finno-Ugric). In this language, denominal verbs are derived using several suffixes, cf. [Savatkova 2002: 216–221]. Among them, the suffixes *-lan* (and its front-voweled counterpart *-län*) and *-l* are productive¹, being Turkic loans [Galkin 1966: 84, 131–132]; see also [Lytkin et al. 1974: 367] on the proto-Finno-Ugric *l*-suffix.

The properties and structural types of Mari denominal verbs were described in detail in [Pengitov et al. 1961; Galkin 1966], see also [Laakso 1997: 283–286] for overview. [Galkin 1966] provides a detailed classification of structural types of these verbs. According to him, the *l*-suffix derives verbs from nouns, adjectives, some adverbs and ideophones as well as from some verbs [ibid.: 129–130]. He also notes that the suffix is widespread in Meadow Mari and can be even used to verbalize Russian loanwords. However, a detailed semantic analysis of these verbs is not provided in this work, and only four general meanings of denominal verbs are distinguished². A more detailed classification is given in [Pengitov et al. 1961: 229–231], where seven different meanings of the *l*-suffix are highlighted: (1) ‘produce X’, (2) ‘provide with X’, (3) ‘transform into X’, (4) ‘produce with X’, (5) ‘deprive from X’, (6) ‘do something repeatedly so that it is associated with X’, (7) ‘perform activity associated with X’. However, as I will show, this classification can be enlarged by additional meanings associated with the suffix. The *lan*-suffix was described as the affix with translative (‘become X’), reflexive and essive meanings [Pengitov et al. 1961: 233–234; Galkin 1966: 83]. It is obvious that the meanings of both affixes vary depending on the semantics of the stem, so revealing the core semantic component of all their uses is not an easy task.

This paper explores in detail the problems of: 1) how the existing theories of denominal derivation can(not) be applied to the Hill Mari data; 2) to what extent the semantic properties of the nominal base determine the semantic properties of the derived verbs. So far, these problems were not discussed elsewhere. Although a full account for these data cannot be provided within a single paper, I will highlight the most important issues and show how Hill Mari contributes to the theory of the phenomenon under study.

The data discussed in this paper are based on two sources. First, the list of denominal verbs used in my investigation was extracted from [Savatkova 2008]. Second, the acceptability judgments were obtained during my fieldwork in 2018–2019 with the native speakers. The variety discussed here is the dialect spoken in the village of Kuznetsovo and neighboring villages, Mari El Republic. In some cases, the judgments were verified using the corpus of Hill Mari representing the same variety³; the corpus examples are marked throughout the paper. The paper is organized as follows. In section 2, I provide the basic information on the Hill Mari denominal affixes.

¹ The suffix *-ešt* was reported to be “relatively productive” as well but is not considered in the present paper. Many items containing this suffix were not recognized by my consultants.

² «По значению корневого слова распределяются и значения глаголов: 1) производить то, что обозначает корневое слово, например: *кышыллаш* “сгрудить” от *кышыл* “груда”, *ослаш* “разрезать на доли” от *ос* “доля”; 2) снабдить тем, что обозначает корневое слово, например: *саварлаш* “загородить” от *савар* “изгородь из досок”, *кўварлаш* “мостить” от *кўвар* “мост”; 3) действовать тем, что обозначает корневое слово, например: *пудалаш* “вбить гвоздь” от *пуда* “гвоздь”, *эмлаш* “лечить” от *эм* “лекарство” (...); 4) становиться таким, что обозначает корневое слово, например: *игылаш* “куститься” от *иге* “детеныш”, *йўшитылаш* “купаться” от *йўшитö* “холод, холодный”, *вўрлаш* “упасть в обморок” от *вўр* “кровь”» [Galkin 1966: 130].

³ The corpus was collected and transcribed by the team of the Hill Mari project (Moscow State University) and is available at: <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>.

In section 3, I discuss the most influential theories aimed to account for the correlation between the semantic properties of the nominal base and the derived verb. Section 4 explores the syntax and the event structure of some verbs presenting challenges for the existing theories. In section 5, I discuss the implications of the Hill Mari data for the typology of the phenomenon. Section 6 concludes the paper.

2. Denominal derivation in Hill Mari

2.1. *l*-suffix

For the purposes of the present study, all the denominal verbs with the suffixes *-l* and *-lan* mentioned in [Savatkova 2008] were used. However, not all of these items were recognized by my consultants, and some denominal verbs underwent semantic shift, that is, their meaning was different from the one cited by Savatkova. Thus, the final sample comprised 47 items. Below, I will present a tentative semantic classification of these verbs.

Verbs containing the *l*-suffix can be subdivided into several classes depending on the semantic relationship between the original stem and the derived verb. Each of the meanings distinguished below has two components, which I call lexical and structural. One can say that each semantic type of denominal verbs has the same structural component, and verbs of the same semantic type differ in lexical components. For instance, the meaning ‘create an entity denoted by N’ is common for the lexemes as ‘gather (hay) in a pile’ and ‘bring cubs’. This component is the structural one. In its turn, the lexical component is introduced by the roots *ara* ‘heap’ and *igä* ‘baby’, respectively.

Below are examples of verbs belonging to different semantic classes, derived from both adjectives and nouns. The list is not exhaustive and may be enlarged by other lexemes.

RESULT VERBS

‘create an entity denoted by N’

(5)	<i>ara</i>	‘pile (of hay)’	<i>ara-l-aš</i>	‘pile hay’
	<i>kävän</i>	‘stack’	<i>kävän-l-äš</i>	‘make a (hay)stack’
	<i>kapna</i>	‘mop’	<i>kapna-l-aš</i>	‘make a mop’
	<i>laštâk</i>	‘slice’	<i>laštâk-l-aš</i>	‘cut in slices’
	<i>igä</i>	‘cub’	<i>igä-l-äš</i>	‘bring cubs’

INCHOATIVES

‘become A’

(6)	<i>arê</i>	‘sober’	<i>ar-l-aš</i>	‘get sober’
	<i>târ</i>	‘quiet’	<i>târ-l-aš</i>	‘get quiet’

CAUSATIVE

‘cause a state denoted by A’

(7)	<i>jämdä</i>	‘ready’	<i>jämdä-l-äš</i>	‘cook, prepare’
	<i>tör</i>	‘plain, flat’	<i>tör-l-äš</i>	‘align, make smth. plain’

MANNER VERBS

‘perform an action in a manner associated with A/N’

(8)	<i>akšak</i>	‘lame’	<i>akšak-l-aš</i>	‘limp’
	<i>lasko</i>	‘tender’	<i>lasko-l-aš</i>	‘caress’

UNERGATIVE VERBS

‘behave in a way associated with N’

(9)	<i>xêna</i>	‘guest’	<i>xêna-l-aš</i>	‘be on a visit’
	<i>äpšät</i>	‘smith’	<i>äpšät-l-äš</i>	‘do smith’s job’
	<i>äl’äk</i>	‘sneak’	<i>äl’äk-l-äš</i>	‘sneak (verb)’

INSTRUMENTAL VERBS

‘perform an action with N’

(10)	<i>vint</i>	‘screw’	<i>vintê-l-aš</i>	‘screw up’
	<i>paškar</i>	‘bolt’	<i>paškar-l-aš</i>	‘bolt (sth.)’
	<i>pêda</i>	‘nail’	<i>pêda-l-aš</i>	‘nail down’
	<i>krük</i>	‘hook’	<i>krük-l-äš</i>	‘hook up’
	<i>rexen’</i>	‘moss’	<i>rexen’-l-äš</i>	‘cover with moss’
	<i>kârtni</i>	‘iron’	<i>kârtn’i-l-äš</i>	‘cover with iron’

<i>vărăn</i>	‘rope’	<i>vărăn-l-äš</i>	‘tie, attach with a rope’
<i>kol’ca</i>	‘ring’	<i>kol’ca-l-aš</i>	‘attach a ring’
<i>plombâ</i>	‘seal’	<i>plombâ-l-aš</i>	‘put a seal’
<i>pâro</i>	‘drill’	<i>pâro-l-aš</i>	‘drill (<i>verb</i>)’

UNCLASSIFIED

(11) <i>mardež</i>	‘wind’	<i>mardež-l-äš</i>	‘be windy’
<i>päšä</i>	‘work’	<i>päšä-l-äš</i>	‘work (<i>verb</i>)’
<i>sam</i>	‘weed’	<i>sam-l-aš</i>	‘deprive from weeds’
<i>sük</i>	‘trash’	<i>sük-l-äš</i>	‘litter, throw trash’

The division of denominal verbs into several classes is quite arbitrary. For instance, a common semantic component ‘enter the state denoted by the original stem’ can be found, for example, for classes (5) and (7). Despite the fact that the model is represented by a large number of verbs, its productivity is quite limited. I am not aware of any new Hill Mari verbs which are derived using the *l*-suffix. (However, the suffix was claimed to be quite productive in [Pengitov 1961: 229–231; Galkin 1966: 129–133], where the data of both Hill Mari and Meadow Mari were considered.) Nevertheless, I assume that the set of verbs derived with the *l*-suffix is quite representative, since, in general, the relations between the nominal base and its verbal counterpart are regular and transparent. In other words, if, for instance, a verb is derived from the name of the tool, one would expect that this verb would mean ‘do V with a tool’ and not ‘produce a tool’. Taking this into consideration, I claim that the semantic and syntactic relations between the verb and its base can be analyzed as reflecting general tendencies of denominal derivation.

2.2. *lan*-suffix

Verbs containing the *lan*-suffix can also be divided into several semantic classes which are listed below.

INCHOATIVES

‘become A’

(12) <i>jažo</i>	‘good, nice’	<i>jažo-lan-aš</i>	‘become nice’
<i>toša</i>	‘thin’	<i>toša-lan-aš</i>	‘get thin’
<i>svezä</i>	‘fresh’	<i>svezä-län-äš</i>	‘become fresh’

BEHAVIOR-RELATED VERBS

‘behave in X way’

(13) <i>vujstâk</i>	‘conversely’	<i>vujstâk-lan-aš</i>	‘behave in an inappropriate way’
<i>joj</i>	‘cunning’	<i>joj-lan-aš</i>	‘be cunning’
<i>äptän</i>	‘rooster’	<i>äptän-län-äš</i>	‘fuss, behave like a rooster’

ACTIVITY VERBS

‘undergo process, associated with X’

(14) <i>jasâ</i>	‘ill, illness’	<i>jasâ-lan-aš</i>	‘be ill’
<i>mokmâr</i>	‘hangover’	<i>mokmâr-lan-aš</i>	‘suffer from hangover’
<i>šek</i>	‘incommodity’	<i>šek-län-äš</i>	‘be shy’

EMISSION VERBS

(15) <i>juk</i>	‘sound, noise’	<i>juk-lan-aš</i>	‘make noise’
<i>ala</i>	‘motley’	<i>ala-lan-aš</i>	‘change colour, become varicoloured’

As can be seen in (12)–(15), it is quite difficult to single out a semantic invariant for the *lan*-suffix. At the same time, not all these meanings are widely represented in the variety of Hill Mari under study. Inchoative verbs with *-lan* include several items, whereas the model presented in (13) is more productive. Native speakers could interpret verbs with the *lan*-suffix in a very specific way. Sentence (16) is interpreted as denoting some property attributed to the individual, which is designated by the base stem ‘Yeltsin [an ex-president of Russia]’:

(16) *vas'a jel'cin-län-ä.*

V. Yeltsin-MAN-NPST.3SG

‘Vasya looks like Yeltsin / pretends to be Yeltsin / drinks like Yeltsin’.

In the dialects under study, different suffixes can be attached to the same stem. Some verbs with the *l*-suffix listed in [Savatkova 2008] were attested in my data with the *lan*-suffix, and vice versa. These include the verbs

masak-l(an)-aš ‘to joke’ (< *masak* ‘joke’) and *mardež-l(än)-äš* ‘to be windy (about the weather)’ (< *mardež* ‘wind’). However, some verbs with the *l*-suffix which are transitive have intransitive counterparts with the *lan*-suffix: *tör-l-äš* ‘make smth. plain’ — *tör-län-äš* ‘get well’.

- (17) *pogodä mardež-län-ä* / *mardež-l-ä*.
 weather wind-MAN-NPST.3SG wind-DENOM-NPST.3SG
 ‘It is windy’.
- (18) *masak-lan-aš* / *masak-l-aš cac-a*.
 joke-MAN-INF joke-DENOM-INF try-NPST.3SG
 ‘(Somebody) is trying to joke’.

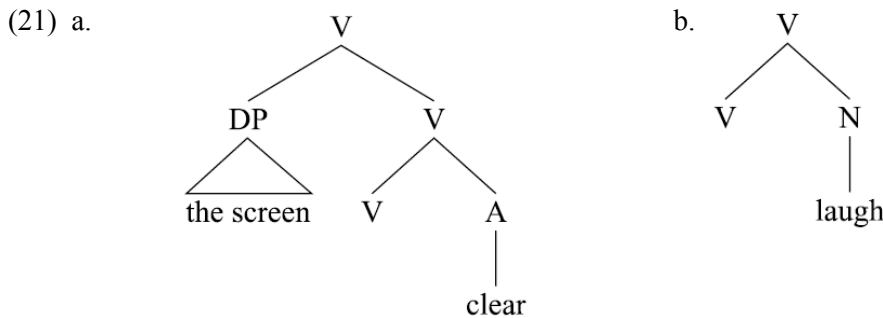
3. Theories of denominal derivation: an overview

In this section, I will consider the most influential theories which are aimed to account for the properties of denominal verbs. Then, in the following sections, I will describe the challenges that the Hill Mari data present for these theories.

One of the most influential theories formalizing the properties of denominal verbs is the one presented in [Hale, Keyser 2002]. To this theory, crucial is the question of how the properties of the derivational base determine the syntactic distribution of the derived verb. In English, there is a significant contrast between deadjectival (19) and denominal (20) verbs. Only the former, but not the latter, can appear both in transitive and intransitive configurations. In contrast, denominal verbs can be only intransitive.

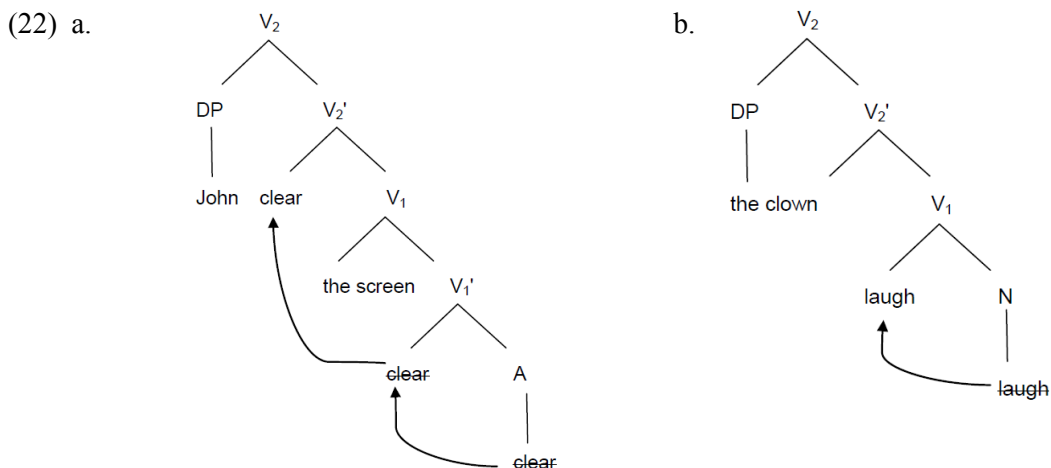
- (19) *The screen is clear.*
The screen cleared.
John cleared the screen.
- (20) *The children laughed.*
 **The clown laughed the children.*

According to Hale and Keyser, such asymmetry arises from significant differences in the syntactic structure between nouns and adjectives. They assume that the base syntactic structure of deadjectival verbs can be represented as follows in (21a). The structure includes the V head, its complement (adjective) and the specifier (denoting the holder of the property encoded by the adjective). In its turn, the syntactic structure of denominal verbs lacks a specifier (21b).

The first step of the derivation that forms a deadjectival or a denominal verb is the movement of the complement to the V head. Hale and Keyser assume that, in such cases, the V head is somehow defective — for instance, one can assume that it is expressed by a null affix. In order to be spelled-out in an appropriate way, such a null head requires its complement to be conflated with it. (Here, I omit the details of how such a process is implemented formally, which is not relevant for the further discussion.) Thus, the first step of the derivation forms intransitive verbs *clear* and *laugh*, respectively.

The second step of the derivation produces a transitive verb. This is carried out by adding the lower VP as a complement to a higher VP, as schematized in (22a). At this step of derivation, the asymmetry between the structures depicted in (21a) and (21b) is manifested. The intransitive verb (= V_1) is moved to the V_2 head. In such a configuration, the specifier (= ‘the screen’), which needs to be assigned a case, can receive it from the higher V_2 head, which also needs to assign case to a c-commanded NP. This results in a transitive configuration. However, if a denominal verb is transitivized, the initial structure does not have a specifier, so in a transitive structure there is no NP to which the transitive verb can assign a case. This is schematized in (22b).

The postulated differences in the two structures lead to a non-trivial consequence — verbs like *laugh* cannot be labile, but verbs like *clear* can.

Important observations on how the semantics of nominal and adjectival stems and the semantics of verbs derived from them are related were made in [Harley 2005]. She notes that in constructions with resultative semantics (‘become A’), not all adjectives behave in the same way. The difference between various types boils down to the difference between the scales associated with the adjectival base. According to [Kennedy, McNally 2005], adjectives can have 1) open scales, if the properties associated with them do not have minimal and maximal values (*long*, *short*, *beautiful*), 2) closed scales, if the properties associated with them have a minimal or a maximal value (or both; *full*, *bent*). Harley notes that closed-scale adjectives (*clean*) derive telic verbs (23), which can be proven by the fact that it combines with *in*-adverbials and not *for*-adverbials. At the same time, a verb derived from the open scale adjective (*long*) can be combined with a *for*-adverbial (24), suggesting that it is telic.

(23) *Jill cleaned the dish in / *for five minutes.*
= (35c) in [Harley 2005: 56].

(24) *Bill lengthened the rope for five minutes.*
= (33a) in [ibid.: 55].

The same tests show that, in English, different denominal verbs exhibit different telic properties. Some denominal verbs are telic (25), and some are atelic (26)–(27).

(25) *The mare foaled in 2 hours / *for 2 hours.*
= (9a) in [Harley 2005: 46].

(26) *The baby drooled for 2 hours / *in 2 hours.*
= (13a) in [ibid.: 47].

(27) *The athlete sweated for 2 hours / *in 2 minutes.*
= (13b) in [ibid.].

According to [Harley 2005], the account for these differences is attributed to the core semantic properties of the base nouns. Those may denote either countable (25) or uncountable, (26)–(27), entities. This concept is isomorphic to the concept of cumulative and quantized predicates, see [Krifka 1992; 1998], which formalizes the observed differences as follows: if any part of X is X, then the predicate is cumulative, otherwise it is quantized. Returning to examples (25)–(27), one can say that any part of ‘sweat’ is sweat, but it is not true that any part of a ‘foal’ is a foal.

In order to formalize the observed contrasts, Harley uses the notion of (un)boundedness. Roots like *foal* and closed-scale adjectives are labeled as [+bounded], and roots like *sweat* as well as open-scale adjectives are labeled as [–bounded]. [+bounded] roots give rise to telic verbs. Namely, the upper value of the property denoted by the adjective (like the absolute degree of being ‘clean’ in (23)) provides the telos of the corresponding deadjectival verb. In contrast, [–bounded] roots do not provide such a telos. Thus, a uniform explanation is given for the semantic properties of the two types of verbs.

Serious counterarguments to the theories considered in this section were provided by some researchers, see [Kiparsky 1997; Bleotu 2019], focusing both on theory-internal and empirical challenges they face. In the following sections, I will discuss the semantics and syntax of denominal verbs and show that, indeed, the predictions of the theories in question are not fully supported by the Hill Mari data.

4. Denominal derivation in Hill Mari

4.1. Denominal derivation is a regular process

In this section, I will refer to the question of whether denominal derivation in Hill Mari is a regular process and can be modeled in terms of conflation [Hale, Keyser 2002]. We have already seen that conflating the base stem results (in English) in a transitive structure: *The clown laughed* (**a laugh*), where the noun presumably leaves a trace. Thus, transitive structures are of special interest to my investigation, since Hale and Keyser's model predicts that if some initial structure is postulated, one would expect that there are some restrictions with respect to (in)transitivity of the derived structure⁴. Denominal verbs, primarily those that were arbitrarily labeled as "result verbs" (*aralaš* 'make a heap', *laštāklaš* 'cut into pieces'), can have direct objects. In such cases, using the verb with its cognate direct object is recognized as a tautology (28). However, cognate objects are much more acceptable, when used with modifiers (29).

- (28) **vas'a ara-m ara-l-en.*
 V. heap-ACC heap-DENOM-PRET
 Int.: 'Vasya made a heap'.

- (29) *vas'a kok ara-m ara-l-en.*
 V. two heap-ACC heap-DENOM-PRET
 'Vasya made two heaps'.

However, there are cases where the direct object and the denominal verb do not have the same stem, as in (30). Moreover, if the base noun is repeated not in the direct object but, for example, in adjuncts, this is judged as a perfectly acceptable combination.

- (30) *vas'a šudā-m (ara-škā) ara-l-en.*
 V. hay-ACC heap-ILL heap-DENOM-PRET
 'Vasya gathered hay (in a heap)'.

Some other verbs can be used either with a direct object or without it. In (31), the verb *igäläš* 'bring cubs' can take a direct object if the number of kittens which were born is clarified. In (32), the direct object is not required.

- (31) *kot'i šām kot'i igä-m igä-l-en.*
 cat seven cat cub-ACC cub-DENOM-PRET
 'The cat brought seven kittens'.

- (32) *kot'i-em oš kot'i dono igä-l-en.*
 cat-POSS.1SG white cat with cub-DENOM-PRET
 'My cat brought [kittens] from the white [male] cat'.

The acceptability of direct objects receives a straightforward explanation in some theories. For instance, [Haugen 2009] proposes that the head noun in structures giving rise to denominal verbs can be spelled-out two times in some (pragmatically conditioned) contexts. Another possible solution is phrasal derivation proposed in [Tatevosov 2017] for Mishar Tatar. Under his approach, the initial structure from which denominal verbs emerge is a construction in which the noun and its possessor are juxtaposed to each other (33). In such a construction, the head is conflated with the verbal head, which does not violate any syntactic principles and does not require any additional assumptions. An abstract derivation of the denominal verb in such constructions is depicted in (33)–(34), which corresponds to the example (30).

- (33) *šudā ara*
 hay heap
 'a heap of hay'   *šudā ara*

- (34)
-

⁴ Hale and Keyser note that, in some cases, the restrictions are violated, because conflated nouns can go along with hyponym objects (*John danced a jig*). This fact will be discussed below.

However, it is not difficult to see that the approach introduced in [Hale, Keyser 2002] cannot be used to describe the full range of Hill Mari data. In fact, this approach is invoked to account for the lability of deadjectival verbs and its absence with denominal ones. In Hill Mari, both deadjectival and denominal verbs can be transitive as well as intransitive, cf. (35)–(36), and (37)–(39), respectively.

- (35) *vas'a ar-l-en*
V. sober-DENOM-PRET
'Vasya got sober'.
- (36) *pätäri=ok jämdä-l-en šänd-ät tävârtâš-âm*
in.the.beginning=EMPH cooked-DENOM-CVB seat-NPST.3PL cottage.cheese-ACC
'In the beginning, they cook the cottage cheese'. (corpus)
- (37) *jäl vâl-nä šäre-n=ok mardež-l-ä*
Volga top-IN2 frequent-ADV=EMPH wind-DENOM-NPST.3SG
'It is often windy on the Volga river'.
- (38) *tä toma ogol-eš kogo kužê kris pač-an-âm pâda-l-en šändä-š-nä*
that house corner-LAT big long rat tail-PROP-ACC nail-DENOM-CVB seat-AOR-1PL
'We nailed it to the corner of the house with [the nail] similar to a rat tail'. (corpus)
- (39) *tuatkal-âm lastâk-l-aš*
cheese.cake-ACC slice-DENOM-INF
'to cut the cheese cake into slices'

Thus, I conclude that the notion of conflation can be applied to the Hill Mari data. It predicts that the noun (which is presumably conflated or incorporated into the verbal suffix) does not appear as the direct object of the verb, unless this is conditioned by additional (pragmatic) factors. At the same time, the crucial difference between nouns and adjectives postulated by Hale and Keyser cannot account for the full range of Hill Mari data, since both categories may give rise to both transitive and intransitive verbs.

4.2. Event structure of some denominal verbs

In this section, I will explore the event structure of denominal and deadjectival verbs containing the *l*-suffix. First, I will describe the tests that can reveal the event structure in Hill Mari in section 4.2.1. In section 4.2.2, I will consider some simple cases of denominal derivation. Then, in sections 4.2.3 and 4.2.4, I will describe successively the event structure of deadjectival predicates and instrumental verbs that are of particular interest to the theories of denominal derivation discussed in section 3.

4.2.1. Degree modification

Various theories of event structure are aimed at explaining the regularities that appear across the verbal lexicon. It has been noted since [Dowty 1979] that the semantic structure of all the predicates in a human language can be reduced to a set of recurrent templates. Dowty distinguishes several semantic primitives (CAUSE, BECOME, STATE, DO) which, used in various combinations, form all the possible classes of predicates. Subsequently, this idea was developed in various linguistic frameworks, of which the most influential are the theory of lexical templates [Levin, Rappaport Hovav 1998] and the theory of first-phase syntax [Ramchand 2008]. Although these theories vary in details, they converge on what the crucial components of verbal meanings are. [Ramchand 2008] assumes that the maximal structure of a predicate comprises the initial phase (init), process phase (proc), and result state (enter-into-state; res). However, in other theories the process phase may correspond to the BECOME component (in case of change-of-state verbs like 'reddden') or to the DO component (in case of unergatives like 'run'). For more details, see the works cited. Some examples for different classes of predicates are given in (40), both in terms of Levin and Rappaport Hovav's templates and Ramchandian structures.

- (40) DO <init, proc> activities ('run')
BECOME [STATE] <proc, res> non-agentive achievements ('melt')
CAUSE [BECOME [STATE]] <init, proc, res> agentive achievements ('break (sth.)')

The templates used in these theories are in fact combinations of semantic primitives reflecting the differences in components distinguishing the predicates of different semantic and structural types. For instance,

it is a well-established fact that activities are atelic verbs disallowing the use of in-adverbials (**He ran in ten minutes*). In terms of event structure, such verbs lack the STATE component (or “result state”). In contrast, achievements can be telic and are assumed to have the STATE component in their representation (*The ice melted in ten minutes*). In its turn, such predicates do not have the CAUSE component in their structure, that is, they do not encode the agent and its actions, which differentiates them from agentive achievements (*He broke the vase*).

Semantic resemblances unifying activities and agentive achievements gave rise to various observations that were formalized in [Ramchand 2008]. According to her, [init, proc, res] is the maximal possible event structure of a predicate. In this theory, the [res] component is equal to the STATE primitive. [proc] is the element describing the process phase of an event. In some cases, it is specified — for instance, verbs like ‘run’ lexically specify the process of running and not, say, the result of this process. Achievements (such as ‘break’) also have a [proc] component in their representation, but in this case, this component denotes a process of transition into a state — in other words, one can say that [proc] encodes the momentaneous process phase. The [init] component is responsible for introducing the agent activity into the semantic structure of the predicate. It can be detected in activities (‘run’) as well as in other agentive predicates (‘break’).

Although a detailed description of all the nuances of the event structure theories cannot be provided within a single paper, I emphasize that the main question justifying the use of these theories is what semantic component (if any) is introduced into the structure of the predicate by the affix. Above, I showed that the existing theories of nominal derivation assume by default that the crucial semantic contribution is provided by the base stem. Below, I will show that Hill Mari denominal and deadjectival verbs under study exhibit striking homogeneity and attribute this fact to the semantic contribution of the derivational affix.

To study the event structure of Hill Mari verbs, I will use the test with the attenuative marker that is sensitive to the event structure. The attenuative marker has several allomorphs, of which the most regular one is *-al*; other allomorphs are *-alal* and *-əndäl* (along with front-voweled allomorphs *-äl*, *-äläl*, *-əndäl*, respectively). For the morphology and semantics of the attenuative marker, see [Savatkova 2002: 212; Makarchuk 2019; Dyachkov, Strygina 2020]. Depending on the event structure of a verb, the marker can be interpreted as a degree modifier denoting short duration (41), a short-term result state (42), or reaching a low-degree on the scale of the property associated with a verb (43).

- (41) *vas'a amal-al-ən*.
V. sleep-ATT-PRET
‘Vasya slept a little’.
- (42) *čüč-əndäl-dä kn'igä-vlä-m*.
shut-ATT-IMP.2PL book-PL-ACC
‘Shut the books for a while!’
- (43) *olma olmavu-štə jakšar-g-al-ən*.
apple apple.tree-IN red-DETR-ATT-PRET
‘The apple on the apple tree reddened a little’.

The question of how the semantics of the attenuative marker interacts with the event structure of a verb was addressed in detail in [Dyachkov, Strygina 2020; Dyachkov (ms.)]. It was shown that the marker can be used as a diagnostics of the event structure of the predicate, and the interpretation of the suffix depends entirely on its aktionsart properties. In a nutshell, atelic verbs, like ‘sleep’ in (41), only allow the delimitative interpretation. In other words, when modified by the *al*-suffix, such verbs can only denote an action whose duration is considered to be below the (contextually determined) standard. If a verb lexicalizes the enter-into-state interpretation, like ‘shut’ in (42), then the short enter-into-state interpretation arises. Thus, it is not the process component itself that is modified but the result state component.

[Dyachkov (ms.)] shows that in both cases, the semantics of the *al*-suffix can be reduced to a single invariant. Namely, one can label the affix as “delimitative”, which implies that it modifies the temporal (and not any other) dimension of the predicate. Whether this temporal modification affects the process or the enter-into-state component, depends on the aktionsart. If a verb (in its Perfective form) has only atelic interpretations, then the only possible scale associated with this verb is the temporal scale (‘do V for a little’), cf. (44). If a verb has only telic interpretation, then a short-term enter-into-state interpretation arises (45).

- (44) *vas'a šənz-äläl-ən*.
V. sit-ATT-PRET
‘Vasya sat for a while’.

- (45) *vas'a män' do-k-em tol-ândal-ân.*
 V. 1SG at-ILL2-POSS.1SG come-CAUS-ATT-PRET
 'Vasya came to my place for a short time'⁵.

Another possible interpretation that is different from the delimitative one is the low degree interpretation. This is so in case of many change-of-state predicates and incremental verbs. In case of these verbs, the interpretation created by the *al*-suffix is 'do V to a degree below the (contextually determined) standard'; short-term result state readings are ruled out. Change-of-state verbs are exemplified in (43); an example of incremental predicate is given in (46). Let us note that the latter may not have enter-into-state interpretations.

- (46) *män' sir-mäš-äm sir-äläl'-Ø-äm.*
 1SG write-NMLZ-ACC писать-ATT-AOR-1SG
 'I wrote the letter for a little / *I wrote down the letter [so that it became written] for a short time'.

Let us note that incremental predicates and change-of-state verbs do not pattern with telic achievements such as 'shut', because, unlike the latter, they do not have short enter-into-state interpretations. This is predicted by some formal models of the argument structure, see [Ramchand 2008].

To sum up, I claim that the *al*-suffix can be used as a reliable diagnostics of the event structure of the verb. The list of possible interpretations of the suffix is given below in (47).

(47) activities	'do V for a little, for a short time'	(example (41))
DO		
achievements	'enter-into-state for a little'	(example (42))
BECOME + STATE		
incremental verbs	'do V for a little, to degree $d < \text{standard}$ '	(example (46))
DO + Theme (INCR)		
change-of-state verbs	'do V to degree $d < \text{standard}$ '	(example (43))
DO + <i>d</i>		

In what follows, I will explore the event structure of several types of deadjectival verbs using the attenuative test. Along with some other tests, it will be applied to reveal the properties which are relevant for the present discussion. Namely, if non-bound nouns give rise to atelic verbs as is predicted by the existing models, one would expect that those would behave like any atelic predicates. On the contrary, verbs derived from bound nouns, in principle, can pattern either with atelic predicates (with respect to the attenuative test), or with telic achievements. These options are explored below.

4.2.2. Some simple cases

In this section, I will show some simple cases that confirm the generalizations made in [Harley 2005]. Harley predicts that quantized nouns derive telic verbs, and this prediction is borne out in some cases. For instance, in (48), the verb is derived from the quantized noun *kapna* 'mop' is telic, which can be diagnosed by compatibility with the *in*-adverbial.

⁵ An anonymous reviewer points out that the list of possible interpretations given here is not exhaustive. For instance, in the following cases the meanings of the verb modified by the attenuative marker cannot be reduced to those mentioned in this section:

- (i) *üpšä-m jamd-alal-ân*
 hair-ACC lose-ATT-PRET
 'He lost his hair partially'.
- (ii) *veremä-m jamd-alal-ân*
 time-ACC lose-ATT-PRET
 'He lost a part of his time'.

I completely agree with the reviewer. However, it is also noteworthy that in all the cases that were mentioned by them the nouns used as direct objects are cumulative, which may enlarge the range of possible interpretations. It seems quite plausible that partitive interpretations like those exemplified above arise due to the relation that is established between the predicate and the cumulative noun and are fully determined by the latter. I thank the reviewer for their useful comments on this issue.

- (48) *vas'a kok cäs-äštä šudâ-m kapna-l-en.*
 V. two hour-IN hay-ACC mop-DENOM-PRET
 ‘Vasya gathered hay in a mop in two hours’.

Given the incremental nature of predicates such as *kapnalaš* ‘make a mop’, one can predict that adding the *al*-suffix would result in the delimitative interpretation (‘do V for a short time’). This is in fact confirmed by my data, which is shown below with the verbs *kapnalaš* ‘make a mop’ and *aralaš* ‘make a pile’. In the latter case, the reading ‘make a small heap’ arises. I assume that this reading is due to the implicature — a short-term action of creating a heap results in a small, and not in a big, heap.

- (49) *vas'a šudâ-m kapna-l-al-ân.*
 V. hay-ACC mop-DENOM-ATT-PRET
 ‘Vasya was making mop for a little / made a small mop’.

- (50) *vas'a pu-m ara-l-al-ân.*
 V. firewood-ACC heap-DENOM-ATT-PRET
 ‘Vasya stacked firewood for some time / made a small heap of firewood’.

These statements hold true of some verbs listed in (5) and labeled as “result verbs”, if (and only if) the relation between the dynamic component (presumably expressed by the verbalizing suffix) and the conflated direct object is incremental. If this is not so, this might lead to infelicity. For instance, (51) was judged as unacceptable.

- (51) **kot'i igä-l-äl-ân*
 cat cub-DENOM-ATT-PRET
 ‘*The cat gave birth to kittens for a while’.

Although the conflated direct object is a bound noun, combining it with the *l*-suffix does not create an incremental relation. As a consequence, the delimitative interpretation is ruled out, unlike with other “result verbs”. Thus, a following generalization considering the “result verbs” can be made.

(52) **Generalization 1**

If the conflated noun is bound and incremental, the denominal verb derived from it is telic. The denominal verb lexicalizes the DO component and has a delimitative interpretation, when combined with the attenuative

4.2.3. Deadjectival verbs

In this section, I will explore the event structure of deadjectival verbs containing the *l*-suffix. I will show that there is no one-to-one correspondence between the scalar properties of the base adjective and the telic properties of its deadjectival counterpart.

Deadjectival verbs with the *l*-suffix are not numerous but are represented by three structural types — unergatives, inchoatives and causatives. Below, I will explore the properties of all of them based on the available data.

It is noteworthy that in Hill Mari, deadjectival verbs are not necessarily verbs containing a BECOME component. In fact, only some predicates are inchoative and denote transition into state (53). Other verbs do not denote such a transition, as in (54), where the verb refers to a certain state of affairs (‘Vasya is lime’) and not to a transition into this state⁶.

- (53) *vas'a ar-l-en*
 V. sober-DENOM-PRET
 ‘Vasya got sober’.
- (54) *vas'a akšak-l-a.*
 V. lime-DENOM-NPST.3SG
 ‘Vasya limps’.

⁶ An anonymous reviewer points out that, although [Savatkova 2002] and [Galkin 1966] treat the verb *akšaklaš* as deadjectival, this might not be the case, since the word *akšak* can be used as a noun as well (‘a lime man’). I should emphasize that the regular conversion of adjectives into nouns is typical of all Finno-Ugric languages, see [Shitz 2012] for an overview and references therein, and the problem of detecting the principles of this conversion is far from being solved, both descriptively and theoretically. Even though *akšak* may be initially a noun, I assume that it can denote a quality. Moreover, my assumption does not contradict the cross-linguistic observations on verbs with the same meaning, cf. Russian *xromat* ‘limp’ which is definitely a deadjectival and not a denominal verb. I thank the reviewer for pointing me out at this.

Let us note that the question of what semantic component is introduced by the derivational affix is not discussed in detail in the models I have considered in section 3.1. Hale and Keyser do not discuss the semantic contribution of the verbalizing morphemes, since many deadjectival and denominal verbs in English are zero-derived. However, even in the cases where the affix is not null (as in *short-en*), it is assumed by default that its contribution is purely syntactic and that the affix does not have its own semantics. If one assumes that this is indeed the case in Hill Mari, then there are at least two possible ways to account for the contrast observed in (53) and (54). First, one can suggest that, in fact, there are two (and possibly even more) semantic variants of the same affix, namely the *l*-suffix denoting ‘become A’ and another *l*-suffix denoting ‘behave in A manner’. Second, one may suppose that the *l*-suffix is always the same, and some semantic component encoded by the (adjectival) base is responsible for the (a)telicity of the deadjectival verb.

I assume that if the second suggestion is on the right track, then the difference between the inchoative and non-inchoative verbs boils down to the difference between the scalar properties of the adjectives involved. Below, I will explore the properties of the adjectives *akšak* ‘lame’, *jämdä* ‘ready, prepared’, and *arä* ‘sober’ that derive verbs with the *l*-suffix. The scalar properties of Hill Mari adjectives can be detected using the intensifying adverbial *piš* ‘very, absolutely’. If it is combined with an open-scale adjective, the ‘very’ interpretation arises (55). With closed-scale adjectives, the adverbial can be used to express the maximal degree of the property (56).

(55) *vas'a piš šongä*
 V. very old
 ‘Vasya is very old’.

(56) *ti küer piš järkeškä*
 this stone very round
 ‘This stone is absolutely round’.

Some adjectives in Hill Mari do not combine with *piš*. Under a universalist approach, adjectives like ‘ready’ and ‘sober’ are treated as scalar ones, which can be revealed by the compatibility tests such as the test with ‘completely’-adverbials, see, e.g., [Kearns 2007] for discussion. This can be seen in (57), where a Russian example is given. Such tests allow us to claim that such adjectives encode a scale and, moreover, that this scale is a closed one. However, there is no evidence that the Hill Mari counterparts of such adjectives are associated with any scale at all. Second, if one assumes that an adjective is a closed-scale one, then the prediction is that maximal degree of the corresponding property can be expressed by adding *piš*, as in (56). This prediction is not borne out, cf. (58), illustrating the use of the adjective ‘sober’. The same holds true of the adjective ‘ready’ (59).

(57) *on polnostju trezv.*
 he completely sober-M.SG
 ‘He is completely, absolutely sober’.

(58) **vas'a piš arä.*
 V. very sober
 ‘*Vasya is very sober’.

(59) **kačkäš piš jämdä.*
 food very ready
 ‘*The food is very cooked’.

Given the (presumably) intensifier nature of the adverbial *piš*, (58) is not surprising — if somebody is sober, that is, does not have a single drop of alcohol in their blood, then becoming even more sober is just impossible. However, in Russian, the adjective ‘sober’ exhibits the properties of gradable, closed-scale adjectives, whereas in Hill Mari, this might not be the case.⁷ One can suggest that ‘sober’-like adjectives either lexicalize the maximal degree of the scale or are not associated with any scale at all, the question I will leave for the future research. However, I claim that the standard scalarity tests do not allow us to conclude unequivocally that ‘sober’-like adjectives are closed-scale items.

Nevertheless, there are strong asymmetries between the deadjectival verbs in question. The verb ‘get sober’ is a predicate containing the BECOME component in its structure, whereas the verb ‘lame’ is not. Let us consider the structure of these verbs in detail. The adjective *akšak* ‘limp’ is not an open-scale adjective and does not

⁷ Strictly speaking, the facts that were discussed above clearly indicate that in Hill Mari, there are at least two types of adjectives that correspond to the class of closed-scale adjectives in European languages. A detailed formalized description of this phenomenon goes beyond the scope of this paper.

combine with the adverbial *piš* (60). However, there is another option to analyze this adjective with a lower closed scale. Verbs derived from such adjectives may denote reaching the minimal degree of the property ('enter the state that counts as minimally A'). This option is ruled out in Hill Mari (61).

- (60) **vas'a piš akšak*.
 V. very lame
 '*Vasya is a little lame'.
- (61) *vas'a akšak-l-en*.
 V. lame-DENOM-PRET
 'Vasya limped'.
 '*Vasya became lame'.

A question arises what factor conditions the absence vs. presence of the inchoative interpretation of a verb. Given the fact that the same affix is used both in case of the verb 'lame' and the verb 'get sober', one would expect that the difference between the two boils down to the difference in scalar properties, as predicted by Harley's model. I will return to this question below in section 4.2, where I will also consider the problem of different flavours of the *l*-suffix. So far, I have shown that there are no tests revealing the formal difference between the 'sober'- and 'lame'-like adjectives. Now let us turn to the question of the event structure of the verbs derived from the adjectives discussed. Applying the attenuative test described in section 3.4, one can see that different readings arise. In (62), the deadjectival verb denotes the low degree of being 'lame'.

- (62) *vas'a akšak-l-al-eš*.
 V. lame-DENOM-ATT-NPST.3SG
 'Vasya limps a little'.

If a derived verb has an inchoative meaning, its modification by the attenuative suffix is also possible. In (63), the degree to which an individual reached the state 'sober' state is modified.

- (63) *vas'a ar-l-alal-ân*.
 V. sober-DENOM-ATT-PRET
 'Vasya got sober a little'. (degree < standard)

In (64), which is an example of transitive predication, adding the attenuative suffix gives rise to interpretations in which either the degree of quality of the process or the temporal dimension of this process is modified. The first reading is associated with the temporal dimension ('do V for a short time'). I assume that the second reading arises as an implication — if somebody is cooking food for a short time, then the food should be prepared to a degree which is below the standard. I argue that the degree-of-readiness interpretation should be excluded due to the fact that the base adjective does not combine with degree modifiers. Both types of interpretations are typical of the activity verbs, as was shown before in section 4.2.2.

- (64) *vas'a kačk-âš-âm jãmdä-l-äl-ân*.
 V. eat-NACT-ACC ready-DENOM-ATT-PRET
 a. 'Vasya cooked food a little [and ran away]'. (short enter-into-state)
 b. 'Vasya cooked food badly, in a hurry'⁸. (degree < standard)

One can suggest that all the verbs in question (*jãmdäläš* 'cook, prepare', *arlaš* 'get sober', and *akšaklaš* 'limp'), when modified by the attenuative, refer to a degree to which the property denoted by the adjective is reached. However, this interpretation is problematic, since these adjectives do not denote gradable properties in Hill Mari, as was shown before. Taking this into consideration, I claim that the degree modifier takes into its scope the combination of the base and the affix and not the base itself. A natural objection is that the attenuative suffix cannot modify adjectives, and this is the main reason why it does not take into its scope the adjectival stem itself. However, adding other degree modifiers does not lead to different results. As was shown in (60), the adjective *akšak* 'lame' does not combine with the degree modifier *iziš* 'a little', but its denominal counterpart does (65).

⁸ In this case (as well as in some cases mentioned below) the interpretation 'badly' denotes the degree which is evaluated as non-sufficient (in a given context). The question of whether this interpretation can be reduced to the one attested in more clear-cut cases where there is no component of evaluation, such as (43) or (63), is yet to be studied. It is quite plausible that the interpretation (64b) may be an implication of (64a), because cooking food badly may be the result of cooking food for a short time. However, I claim that short-term actions and short-term enter-into-states are conceptually different.

- (65) *vas'a iziš akšak-l-a.*
 Вася a.little lame-DENOM-NPST.3SG
 'Vasya limps a little'.

Informally, the following generalization about unergative verbs like *akšaklaš*⁹ can be formulated: such verbs do not encode the degree associated with the original adjective (which it is degree-less), but the degree to which the action is manifested. Thus, it is not the scalar properties of the initial stem that are inherited by the deadjectival verbs, because the stems do not encode degrees; however, the degree interpretation is provided by the suffix introducing the process component into the structure of the predicate.

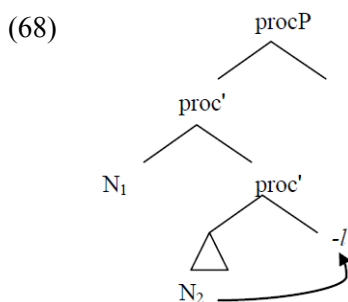
4.2.4. Instrumental verbs

In this section, I will describe the semantic properties of verbs that are derived from the names of tools or instruments. Although these denominal verbs correspond to bound nouns ('nail', 'hoe' etc.), intuitively, one would not expect that they are obligatorily telic. They can be paraphrased as 'act with X', and since there is no incremental relationship between the process component and the noun incorporated, it is not clear how the boundedness of the noun would affect the semantics of the derived verb.

The attenuative test shows that instrumental verbs vary with respect to the set of their possible interpretations. Some examples are given below in (66) and (67).

- (66) *vas'a xanga-m pâda-l-al-ân.*
 V. nail-ACC nail-DENOM-ATT-PRET
 a. 'Vasya nailed the plank for a short time [and went away]'. (short enter-into-state)
 b. 'Vasya nailed the nail badly'. (degree < standard)
- (67) *vas'a saraj-âm paškar-l-al-ân.*
 V. barn-ACC bolt-DENOM-ATT-PRET
 a. 'Vasya bolted the barn for a short time'. (short enter-into-state)
 b. 'Vasya bolted the barn badly'. (degree < standard)¹⁰

Example (66) is similar to all the cases that I examined before. One of the interpretations of the verb is delimitative, and the other denotes a lower degree to which the action is performed. In (66), this is the degree to which the nail is planted. Example (67) shows that there is a result sub-event in the structure of the verb, since one of the possible interpretations is the short entry-into-state one. However, semantically, it is unlikely that the presence of this interpretation is determined by the boundedness of the stem *paškar* 'bolt'. In case of verbs like *kapnalaš* 'make a mop', the boundedness is determined by the presence of the culmination, that is, the point after which making a mop can no longer be performed. In case of *paškarlaš* 'bolt sth.', such a culmination point could be the point at which the shed is completely bolted. Meanwhile, it is not clear what initial syntactic structure could describe such a situation. An abstract scheme for instrumental verbs may look like (68), where N1 corresponds to the direct object of the verb (if it has one), and N2 to the noun merged with the suffix.

In such a structure, the name of the instrument is incorporated into the verbal suffix but does not affect the event structure of the predicate. At the same time, (67) shows that the predication 'bolt the barn' clearly has a

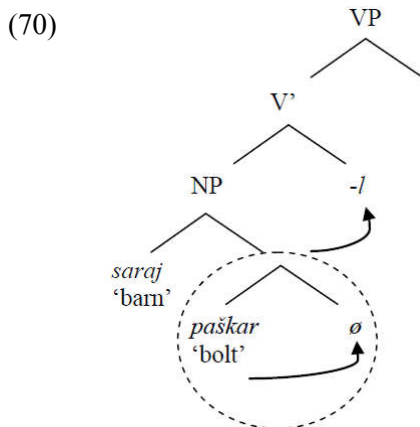
⁹ An anonymous reviewer raises the question of what other verbs of this type can be. I am not aware of any cross-linguistic evidence of the existence of unergative verbs with similar semantic properties. So, it might really be the case that verbs derived from stems with the meaning 'lime' are unique to some extent.

¹⁰ In this case, the interpretation 'badly' denotes the degree which is evaluated as non-sufficient (in a given context). The question of whether this interpretation can be reduced to the one attested in more clear-cut cases where there is no component of evaluation, such as (43) or (63), is yet to be studied.

result state in its semantic structure, thus giving rise to the interpretation ‘bolt (= lock) for a while’. But how does the result state appear in the structure of the verb? If the *l*-suffix encodes the STATE component, this contradicts my original assumption. (Recall that this assumption arises from the fact that some of the verbs with the *l*-suffix — namely, behavior-related verbs — cannot be telic.) However, the result state in (67) can also be due to the presence of the result state ‘barn is locked’. For instance, in Russian such a state of affairs can be expressed by the following sentence that includes a PP taking the noun ‘bolt’ as its complement.

- (69) *saraj na zasov-e*.
 barn on bolt-LOC
 ‘The barn is bolted (*lit.* on a bolt)’.

Hypothetically, one can assume that in Hill Mari, the nouns ‘barn’ and ‘bolt’ also form a syntactic structure describing the state of affairs ‘barn on a bolt’. In such a structure, the name *paškar* ‘bolt’ would conflate into some null head first, which, in turn, would merge with the procP head. Such a process can be formalized as in (70).

However, such a suggestion is not supported by the Hill Mari data. The main problem boils down to the question of what initial syntactic structure the result state component would correspond to. Let us assume that the notion ‘barn [on] a bolt’ is encoded by a certain syntactic structure. This idea can be expressed in Hill Mari as follows:

- (71) *saraj paškar dono pitärë-mã*
 barn barn with shut-PTCP.PASS
 ‘The barn is locked with a bolt’.

At the same time, in Hill Mari, unlike in Russian, it is impossible to build a structure without a full-fledged verb:

- (72) **saraj paškar dono (ãl-eš)*.
 barn barn with be-NPST.3SG
 Int.: ‘The barn is bolted’.

If this were not the case, then one could assume that at the first stage of derivation, the noun *paškar* merges with the zero element expressing spatial semantics, and then the whole structure merges with the VP. However, we have seen that there is no reason to postulate such a structure. Thus, example (67) is problematic for the current syntactic theory, since there is no satisfactory explanation of where the interpretation of the resulting state comes from in this case. A possible explanation is that verbs like *paškarlaš* are interpreted as any verbs of shutting, and, as a consequence, have the same set of attenuative interpretations, compare (42) and (67). However, if this is so, then these verbs are non-compositional, or that the purely syntactic approach should be modified, which, however, does not compromise my other observations on the event structure of denominal verbs.

5. Discussion

5.1. *l*-suffix(-es): how many of them?

After having investigated the properties of denominal and deadjectival verbs, I can turn to the question of how the meaning of the derivational suffix interacts with the meaning of the stem. The key problem is the number of different semantic representations for the same affix. One can suggest that the *l*-suffix has different semantic flavours that cannot be reduced to a single invariant. For instance, it is possible to claim that instrumental

verbs (like ‘to bolt’ or ‘to nail’) contain the suffix *-l₁* meaning ‘do with X’, and that inchoative verbs (like ‘get sober’) contain the suffix *-l₂* ‘become X’. However, we have already seen that all the affixes in question show uniform behavior. First of all, the following generalization can be made.

(73) **Generalization 2**

Denominal verbs with the *l*-suffix do not lexicalize the result state component but do lexicalize the process component. This can be revealed by the attenuative test showing that denominal verbs do not have short-term enter-into-state readings

In other words, adding the attenuative suffix shows that denominal verbs pattern with the verbs specifying the process component and not with those specifying the result state component. This is so because all the verbs we have explored exhibit the readings which are typical of the former but not the latter, the only difference being that deadjectival verbs refer to degrees of properties and denominal verbs to degrees of actions (‘be/become a little X’ vs. ‘do X for a little’). Under this approach, the instrumental verbs which are derived from bound (quantized) nouns and are easily paraphrasable as ‘do something with X’ also denote short-term activities, when combined with the attenuative. (However, see also some problematic cases which were discussed in section 4.2.4.) (74) is another example of a verb derived from a bound noun (‘guest’), and it also denotes a short-term activity.

- (74) *mā do-n-na iziš xâna-l-al-Ø.*
 we at-IN2-POSS.1PL a.little guest-DENOM-ATT-IMP
 ‘Stay with us [= be our guest] for a little’.

Taking into consideration Generalizations 1 and 2, it is easy to account for the properties of some nouns derived from bound nouns and adjectives which were already discussed in sections 4.2.2 and 4.2.3. As was mentioned before, some formal theories (e.g., [Ramchand 2008]) claim that the change-of-state verbs and incremental predicates do not lexicalize the result state component but do lexicalize the process component. Telicity of these verbs is provided by the degree variable associated with the adjectival scale or the incremental noun. The verbs like *arlaš* ‘get sober’ and *kapnalaš* ‘make a mop’ are telic but pattern with the verbs lexicalizing the process component.

Thus, all the uses of the *l*-suffix exhibit similar properties with respect to the event structure. Finally, I will address the issue of deadjectival verbs which are derived from adjectives of different semantic types. Assuming that both verbs like *akšaklaš* ‘limp’ and verbs like *arlaš* ‘get sober’ are derived with the same suffix, a question arises whether it contributes the same semantic component in both cases. I suppose that the answer is negative. The semantic templates for both types are given in (75).

- (75) *ar-l-aš* ‘get sober’ BECOME + Adj
akšak-l-aš ‘limp’ DO + Adj

In order to describe exhaustively the semantics of the derivational affix, a detailed investigation of how the choice of the semantic primitive (DO vs. BECOME) depends on the semantic type of an adjective is needed. For some suggestions on this issue, see [Harley 1999], and [Bleotu 2019: 28–30] for criticism of the paraphrase-based approaches to denominal derivation. I hypothesize that in languages with systems which are similar to the one attested in Hill Mari, it is quite possible that human propensity adjectives like *akšak* ‘lame’ obligatorily give rise to activity (and not change-of-state) predicates. However, the exact semantic reason for this is yet to be studied, and the hypothesis should be confirmed by large-scale data from various languages.

To sum up, I propose that the *l*-suffix can receive a single structural representation. It encodes the DO or BECOME operator, or [proc] component (in terms of Ramchand’s structures). However, we have seen that adjectives may give rise to different structural types, which is presumably conditioned by their semantic classes (human propensity adjectives vs. other semantic types).

5.2. *lan*-suffix and its nature

In this section, I will briefly discuss the suffix *-lan* deriving behavior-related verbs. I have already noted that verbs with this suffix can have various meanings (see section 2.2). In addition, the suffixes *-lan* and *-l* are interchangeable in some cases.

The fact that the *lan*-suffix is used to derive both inchoatives and behavior-related verbs is not accidental. Cross-linguistically, there are two strategies of encoding behavior-related verbs — they pattern either with causatives or with inchoatives [Dyachkov 2018: 116–138]. For some case studies of the phenomenon, see [Megerdooomian 2001] on Persian, [Oltra-Massuet, Castroviejo 2013] on Spanish, and [Martin, Piñón 2020] on French.

Is this syncretism conditioned by some structural factors? [Galkin 1966: 84] assumes that the *lan*-suffix is a Chuvash loan. In the Turkic languages, the *lan*-suffix has a range of meanings similar to that of the Hill Mari *-lan*, and is often analyzed as the combination of the verbalizing affix *-l* and the reflexive voice marker, see, e.g., [Levitskaya 1976: 165–167] on Chuvash¹¹. In the variety of Hill Mari under study, the suffix is often interchangeable with the *l*-suffix, see (17), repeated here as (76).

- (76) *pogodâ mardež-län-ä* / *mardež-l-ä*.
 weather wind-MAN-NPST.3SG wind-DENOM-NPST.3SG
 ‘It is windy’.

Applying the attenuative test, one can see that *lan*-verbs exhibit a range of properties similar to that of *l*-verbs. (77) refers to short-term duration of the event, and (78) to the lowered degree of the state.

- (77) *paškudâ-vlä juk-lan-al-ân-ât* *dä cärn-en-ät*.
 neighbour-PL noise-MAN-ATT-PRET-3PL and stop-PRET-3PL
 ‘Neighbours were making noise [for a short time] and stopped’.

- (78) *pet'a maša gęc šek-län-äl-eš*.
 P. M. EL incommmodity-MAN-ATT-NPST.3SG
 ‘Petya is a little shy of Masha’.

It is quite natural to assume that the interchangeability of the two affixes is due to the fact that they are structurally equal. However, there is a significant distinction between them. As can be seen in (12)–(15), all the *lan*-verbs are intransitive¹², whereas many of *l*-verbs are not. In other words, the external argument of the *l*-verb should be added to the structure under certain conditions but cannot be added (or, in other words, should be co-indexed) in the case of *lan*-verbs. Thus, I hypothesize that the semantic representation of the *lan*-suffix should include the process component (which can be revealed by the attenuative test) and another component whose function is to co-index the undergoer of the process and its initiator. This is schematized in (79) in terms of Ramchand’s model.

- (79) [init_x [proc_x]]

This proposal is consistent with all the facts that were considered in this paper. First of all, if it does go back to the hypothesized Chuvash combination of the verbalizing affix and the reflexive marker, then its co-indexing function is obvious. (However, the question of whether the suffix was loaned to Hill Mari with the same structural representation needs additional verification.) Second, the semantics of the behavior-related verbs should be paraphrased as follows. With these verbs, the *lan*-suffix signals that the initiator and the undergoer of the action are co-indexed, which is quite consistent with the semantics of these verbs. Third, in case of intransitive predicates, co-indexing is redundant as no additional arguments are added, and both affixes are logically equivalent.

5.3. Possible structural types of denominal verbs: implications for typology of the phenomenon

Taking into consideration the facts discussed above, it is possible to assume that different affixes deriving denominal verbs may lexicalize different levels of event structure. Indeed, this suggestion seems to be confirmed by the data from both Hill Mari and other languages. In Hill Mari, there is another derivational affix deriving deadjectival verbs, namely the *em*-suffix. Its distribution and semantic properties are described in [Dyachkov 2017]. Applying the attenuative test, one can reveal the presence of the result state component. This is shown in (80), where one of the possible readings of the verb is the short-term enter-into-state reading.

- (80) *rok pingäd-em-äl-än*.
 soil solid-INCH-ATT-PRET
 ‘The soil got solid a little / for a short time’.

Although a detailed investigation of the event structure is needed in this case, I hypothesize that the affix may introduce the result state component. Its meaning is ‘become A’, and it is quite natural to assume that this semantics encompasses both the BECOME and STATE components, unlike in the case of the *l*-suffix.

Moreover, there is evidence that in some languages, the affixes deriving deadjectival and denominal verbs encode other levels of the event structure. Based on these facts, I propose the following formal typology of de-

¹¹ For a similar analysis of the cognate Karaim suffix, see [Musaev 1964: 231–235].

¹² [Galkin 1966: 83] notes that the only transitive *lan*-verb in Mari is *šišlanaš* ‘ferret out’, but its derivational relation with the verb *šižaš* ‘perceive’ is not evident.

nominal affixes (stated in terms of Ramchandian structures and Levin and Rappoport Hovav's templates) representing all logically possible combinations of semantic components. The types are exemplified below.

(81) [init, proc]	CAUSE + DO/BECOME	Hill Mari <i>-lan</i>
[init]	CAUSE	Russian theme vowel <i>-i</i>
[±init, proc]	DO/BECOME	Hill Mari <i>-l</i>
[proc]	DO/BECOME	Russian theme vowel <i>-e</i>
[proc, res]	DO/BECOME + STATE	Hill Mari <i>-em</i>

Within this typology, the *l*-suffix is [±init, proc], since it does not encode the information on the external argument. As a consequence, the verbs containing this suffix may be both agentive (that is, include [init] in their semantic structure) and non-agentive. On the contrary, cross-linguistically, derivational affixes that disallow one of these options were attested. For instance, in Russian, the theme vowel *e* derives only intransitive deadjectival and denominal verbs [Shvedova 1980: 344–345]: *belyj* 'white' — *bel-e-t'* 'become white'. No agentive verbs can be derived with this vowel, and thus, in terms of the typology proposed, the theme vowel is [proc]. At the same time, this affix does not encode obligatorily the result state, since it also gives rise to predicates lacking it. For instance, the same adjective *belyj* 'white' derives colour emission verbs (*bel-e-t'* 'whiten, show white').

It is also assumed that in Slavic languages, the *i*-theme vowel deriving causatives and unergatives is associated with both initial and process subevents [Shvedova 1980: 332–335; Jabłońska 2007; Dyachkov 2021]: *belyj* 'white' — *bel-it-t'* 'paint sth. white', *xitryj* 'cunning' — *xitr-i-t'* 'behave in a cunning way'. This, it specifies the [init, proc] sequence, implying that [init] encodes the presence of the agent and [proc] the process component. Another example of [init, proc] structure is the *lan*-suffix. It is different from the affixes encoding [proc] in that the former derives unergative verbs which are agentive and encode [init] by definition. I assume that the contribution of the suffix is to indicate that the agent and the undergoer of the process are the same entity, as was sketched in section 5.2. Hence, the affix is [init, proc]. However, I argue that the contribution of [init] is different in the case of the *i*-vowel and the *lan*-suffix. In the former case, the [init] component introduces the agent, and in the latter case, it co-indexes two participants. Thus, at least two different "flavours" of [init, proc] affixes can be distinguished:

(82) [init _x , proc _y]	<i>i</i> -theme vowel
[init _x , proc _x]	<i>lan</i> -suffix

At the same time, affixes introducing result states should be distinguished from those not doing so. As I showed in this paper, the Hill Mari *l*-suffix does not obligatorily introduces the result state into the structure of the predicate. Neither does the Russian *e*-theme vowel which derives verbs having BECOME component (*bel-e-t'* 'become white') but not the enter-into-state component. The latter is introduced by perfectivizing prefixes in Russian: *po-bel-e-t'* 'become white'. However, it is possible to hypothesize that affixes encoding [proc, res] exist in languages of the world.

The question of whether affixes encoding the sequence [init, proc, res] can be found remains open.

A detailed investigation of how the semantics of a stem interacts with the semantics of a derivational affix in different languages is a matter of future research. Some of the problems associated with these issues have already been discussed — for instance, the problem of human propensity adjectives that derive activity predicates but not achievements or accomplishments. Of course, all this goes beyond the scope of the present paper.

6. Conclusion

In this paper, I explored the properties of Hill Mari denominal and deadjectival verbs derived with the suffixes *-l* and *-lan*. The properties of some of these verbs depend on the semantic properties of the base stem, as predicted by the existing theories. Namely, quantized (bound) nouns often give rise to telic verbs, thus confirming the generalizations formulated for some European languages. However, it is not in all cases that these generalizations work. I showed that there is no one-to-one correspondence between the semantic properties of adjectival stems and semantic properties of the verbs derived from them. Although some adjectival stems are not gradable, their deadjectival counterparts are. I proposed that this fact is due to the process component that is introduced by the suffix. This suffix determines the range of interpretations accessible for a verb, and most denominal and deadjectival predicates exhibit the properties that are typical of other Hill Mari verbs with the specified process component. Many verbs that are derived from nouns of other semantic types (instruments, human roles, etc.) exhibit a similar range of properties. I also proposed that, cross-linguistically, there exist suffixes specifying other components of the event structure.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1 st , 2 nd , 3 rd person	EMPH — emphatic particle	NPST — non-past
ACC — accusative	ILL — illative	MAN — manner verb
ADV — adverbial	IMP — imperative	NMLZ — nominalization
AOR — aorist	IN — inessive	PASS — passive
ATT — attenuative	INCH — inchoative	PL — plural
CAUS — causative	INF — infinitive	POSS — possessive
CVB — converb	LAT — lative	PRET — past
DENOM — denominal affix	LOC — locative	PROP — proprietive
DETR — detransitive	M — masculine	PTCP — participle
EL — elative	NACT — non-active denominal	

References

- Bleotu 2009 — *A. Bleotu*. Towards a theory of denominal verbs: A look at incorporation, phrasal spell-out and spanning. Boston; Leiden: Brill, 2019.
- Bobaljik 2012 — *J. Bobaljik*. Universals in comparative morphology: Suppletion, superlatives, and the structure of words. Cambridge, MA: MIT Press, 2012.
- Dixon 1982 — *R. Dixon*. Where have all the adjectives gone? and other essays in semantics and syntax. Berlin: Mouton Publishers, 1982.
- Dowty 1979 — *D. R. Dowty*. Word meaning and Montague grammar: The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht: Reidel, 1979.
- Dyachkov 2017 — *V. V. D'yachkov*. Dead"ektivnykh glagoly v gornomariiskom yazyke: slovoobrazovanie i semantika. In: Uralo-altaiskie issledovaniya {V. V. Dyachkov. Deadjectival verbs in the Hill Mari language: Derivation and semantics. In: Ural-Altaic Studies. 2017, 4 (27). P. 7—22.}
- Dyachkov 2018 — *V. V. D'yachkov*. Tipologiya dead"ektivnykh glagolov. Dis. ... kand. filol. nauk.M.: MGU, 2018. {V. V. Dyachkov. A typology of deadjectival verbs. PhD dissertation, Moscow: Moscow State University, 2018.}
- Dyachkov (ms.) — *V. V. D'yachkov*. Aktsional'nost'. In: E. V. Kashkin, M. E. Vinkler, T. A. Davidyuk, V. V. D'yachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (red.). Ehlementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Ruk. {V. V. Dyachkov. Aktionsart. In: E. V. Kashkin, M. E. Vinkler, T. A. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (eds.). Elements of Hill Mari from typological perspective. Ms.}
- Dyachkov 2021 — *V. Dyachkov*. Theme vowels *e* and *i* in Russian: Implementing the cartographic approach. In: Balcania et Slavia. Studi linguistici / Studies in linguistics. 2021, 2. P. 181—204.
- Dyachkov, Strygina 2020 — *V. V. D'yachkov, M. O. Strygina*. Semanticheskie i sintaksicheskie svoistva pokazatelei glagol'noi mnozhestvennosti v gornomariiskom yazyke. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2020, 16 (2). S. 420—452. {V. V. Dyachkov, M. O. Strygina. Pluractionality in Hill Mari: semantic and syntactic features. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2020, 16 (2). P. 420—452.}
- Galkin 1966 — *I. S. Galkin*. Istoricheskaya grammatika mariiskogo yazyka. Morfologiya. Chast' II. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. {I. S. Galkin. A historical grammar of Mari. Morphology. Part II. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoe izdatel'stvo, 1966.}
- Hale, Keyser 2002 — *K. L. Hale, S. J. Keyser*. Prolegomenon to a theory of argument structure. Cambridge: MIT Press, 2002.
- Harley 1999 — *H. Harley*. Denominal verbs and aktionsart. In: L. Pykkänen, A. van Hout. Proceedings of the 2nd Penn/MIT Roundtable on Event Structure. Cambridge: MITWPL, 1999. P. 73—85.
- Harley 2005 — *H. Harley*. How do verbs get their names? Denominal verbs, manner incorporation, and the ontology of verb roots in English. In: N. Erteschik-Shir, T. Rapoport (eds.). The syntax of aspect. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 42—64.
- Haugen 2009 — *J. Haugen*. Hyponymous objects and Late Insertion. In: Lingua. 2009, 119. P. 242—262.
- Jabłońska 2007 — *P. Jabłońska*. Radical decomposition and argument structure. PhD dissertation. Tromsø: University of Tromsø, 2007.
- Kearns 2007 — *K. Kearns*. Telic senses of deadjectival verbs. In: Lingua. 2007, 117. P. 26—66.
- Kennedy, McNally 2005 — *C. Kennedy, L. McNally*. Scale structure, degree modification, and the semantics of gradable predicates. In: Language. 2005, 81 (2). P. 345—381.
- Kiparsky 1997 — *P. Kiparsky*. Remarks on denominal verbs. In: A. Alsina, J. Bresnan, P. Sells (eds.). Complex predicates. Stanford: CSLI, 1997. P. 473—499.

Krifka 1992 — *M. Krifka*. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution. In: I. Sag, A. Szabolcsi (eds.). *Lexical matters*. Stanford: CSLI, 1992. P. 30—52.

Krifka 1998 — *M. Krifka*. The origins of telicity. In: S. Rothstein (ed.). *Events and grammar*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 197—235.

Laakso 1997 — *J. Laakso*. On verbalizing nouns in Uralic. In: *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1997, 54. P. 267—304.

Levin, Rappaport Hovav 1998 — *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Building verb meaning. In: M. Butt, W. Geuder (eds.). *The projection of arguments: lexical and compositional factors*. Stanford: CSLI Publications, 1998. P. 97 — 134.

Levitskaya 1976 — *L. S. Levitskaya*. *Istoricheskaya morfologiya chuvashskogo yazyka*. Moskva: Nauka, 1976. {*L. S. Levitskaya*. *Historical morphology of Chuvash*. Moscow: Nauka, 1976.}

Lytkin et al. 1974 — *V. I. Lytkin, K. E. Maitinskaya, K. Rédei* (red.). *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniiya (voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov)*. Moskva: Nauka, 1974. {*V. I. Lytkin, K. E. Maitinskaya, K. Rédei* (eds.). *Fundamentals of Finno-Ugric linguistics (issues of the origin and development of the Finno-Ugric languages)*. Moscow: Nauka, 1974.}

Makarchuk 2019 — *I. V. Makarchuk*. Glagol'nyi attenuativ v gornomariiskom yazyke. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019, 15 (2). S. 130—162. {*I. V. Makarchuk*. *Verbal attenuative in Hill Mari*. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019, 15 (2). P. 130—162.}

Martin, Piñón 2020 — *F. Martin, C. Piñón*. Verbalizing nouns and adjectives: the case of behavior-related verbs. In: *Glossa: A Journal of General Linguistics*. 2020, 5 (1). (URL: <https://www.glossa-journal.org/article/id/5277/>)

Megerdooian 2001 — *K. Megerdooian*. Event structure and complex predicates in Persian. In: *Canadian Journal of Linguistics / Revue canadienne de linguistique*. 2001, 46 (1/2). P. 97—125.

Musaev 1964 — *K. M. Musaev*. *Grammatika karaimskogo yazyka. Fonetika i morfologiya*. Moskva: Nauka, 1964. {*K. M. Musaev*. *A Grammar of Karaim. Phonetics and morphology*. Moscow: Nauka, 1964.}

Oltra-Massuet, Castroviejo 2013 — *I. Oltra-Massuet, E. Castroviejo*. Approaching results in Catalan and Spanish deadjectival verbs. In: *Catalan Journal of Linguistics*. 2013, 12. P. 131—154.

Pengitov et al. 1961 — *N. T. Pengitov, I. S. Galkin, N. I. Isanbaev* (red.). *Sovremenniy mariiskii yazyk. Morfologiya*. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. {*N. T. Pengitov, I. S. Galkin, N. I. Isanbaev* (eds.). *Modern Mari. Morphology*. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoe izdatel'stvo, 1961.}

Ramchand 2008 — *G. C. Ramchand*. *Verb meaning and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Savatkova 2002 — *A. A. Savatkova*. *Gornoe narechie mariiskogo yazyka*. Szombathely: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002. {*A. A. Savatkova*. *The Hill Mari variety of Mari*. Szombathely: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002.}

Savatkova 2008 — *A. A. Savatkova*. *Slovar' gornomariiskogo yazyka*. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008. {*A. A. Savatkova*. *A Dictionary of Hill Mari*. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoe izdatel'stvo, 2008.}

Shitz 2012 — *O. A. Shitz*. *Atributivnaya gruppirovka slovoform kachestvennoi semantiki v ural'skikh yazykakh (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte)*. Dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2012. {*O. A. Shitz*. *Attributive group of word forms with qualitative semantics in the Uralic languages (from a comparative perspective)*. PhD dissertation. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University, 2012.}

Shvedova 1980 — *N. Yu. Shvedova* (ed.). *Russkaya grammatika. T. 1*. Moskva: Nauka, 1980. {*N. Yu. Shvedova* (ed.). *A Russian grammar. Vol. 1*. Moscow: Nauka, 1980.}

Tatevosov 2017 — *S. G. Tatevosov*. *Sobytiinaya struktura nekotorykh otymennykh glagolov*. In: S. G. Tatevosov, A. G. Pazel'skaya, D. Sh. Suleimanov (red.). *Ehlementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Misharskii dialect*. Moskva: Buki Vedi, 2017. S. 249—281. {*S. G. Tatevosov*. *Event structure of some denominal verbs*. In: S. G. Tatevosov, A. G. Pazel'skaya, D. Sh. Suleymanov (eds.). *Elements of Tatar from typological perspective. Mishar dialect*. Moscow: Buki Vedi, 2017. P. 249—281.}

Лингвистические биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев Горномарийского района Республики Марий Эл)

Куцаева Марина Васильевна, Институт языкознания РАН (Москва); marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Настоящая работа является второй в цикле статей, посвященных языковым биографиям представителей марийской диаспоры московского региона, в данном случае — уроженцев Горномарийского района Республики Марий Эл в выборке. Основная цель социолингвистического обследования, проведенного автором в марийской диаспоре в 2019—2021 гг., заключалась в выявлении и описании функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры; в частности, были изучены такие аспекты, как сферы использования марийского языка и функции, выполняемые им в диаспоре. Актуальное использование языка во многом определяется и предшествующим языковым опытом респондентов на малой родине.

Вопросы анкеты были сформулированы таким образом, что при обработке результатов были выделены периоды и общие черты языковых биографий респондентов: внутрисемейное общение, дошкольное воспитание, школьное обучение (язык или предмет обучения), дальнейшее образование. Кроме того, были установлены каналы изучения опрошенными русского языка или приобщения респондентов к горномарийскому, в зависимости от их пункта проживания (сельский или городской), а также языки общения с соседями на малой родине. Проведен сравнительный анализ набора языков, которыми владеют респонденты — уроженцы Горномарийского района и выходцы из районов распространения лугового марийского в Республике Марий Эл.

Для обеспечения полноты и достоверности исследования были сопоставлены сведения, полученные от респондентов, с архивными материалами из фондов ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл» об изучении горномарийского языка в общеобразовательных организациях Республики Марий Эл с 1960 по 2002 г. (охват когорт в выборке).

Ключевые слова: внутренняя диаспора, марийский горный язык, марийский луговой язык, языковая политика в области образования, семейная языковая политика

LINGUISTIC BIOGRAPHIES OF MOSCOW REGION MARIIS — NATIVES OF HILL MARI DISTRICT OF THE REPUBLIC OF MARI EL

Marina V. Kutsaeva, Institute of Linguistics, Russian Academy of Science (Moscow); marina.kutsaeva@iling-ran.ru

The present paper is the second in a series of articles devoted to the linguistic biographies of representatives of the Mari diaspora of the Moscow region, in this case, natives of the Hill Mari district of the Republic of Mari El in the sample. The main purpose of the socio-linguistic survey conducted by the author in the Mari diaspora in 2019-2021 was to identify and describe the functioning of the ethnic language in the conditions of the internal diaspora; in particular, such aspects as the domains of use of Mari and the functions it performs in the diaspora were studied. The use of the language is largely determined by the previous language experience of respondents in their small homeland.

The questions contained in the questionnaire were formulated in such a way that it made it possible, when summing up the results, to single out and highlight the most common features of the respondents' linguistic biographies, such as intra-family communication, pre-school education, school education (the language of instruction and the subject of instruction), further education. In addition, channels for learning Mari and Russian were established, depending on the place of residence of the respondents in their small homeland (rural or urban settings), as well as languages of communication with neighbours in their small homeland. A comparative analysis of a set of languages spoken by the respondents, natives of the Hill Mari district and natives of the areas where the Meadow Mari is spoken in the Republic of Mari El, was carried out.

To ensure the completeness and reliability of the study, the results obtained in the sample were compared with the archival materials from the funds of the State Archive of the Republic of Mari El and focused on Hill Mari use as a language of instruction or a subject of instruction in the educational system from 1960 to 2002 (the cohort coverage in the sample).

Keywords: internal diaspora, Hill Mari, Meadow Mari, language policy in education, family language policy

1. Введение

Марийцы, коренное финно-угорское население Среднего Поволжья, отличаются сильной диаспоризацией. В силу исторических причин (см. [Козлова 1978; Сепеев 2006]) значительная часть марийского этноса (46,9 % от всего марийского населения Российской Федерации, 547 605 чел.) проживает за пределами административно-территориальных границ Республики Марий Эл как компактными, так и дисперсными группами в разных регионах страны, включая московский (численность марийцев составляет 4655 чел., из них этническим языком владеют 1657 чел.; соответственно, доля владеющих — 35,6 %) [ВПН 2010].

В 2019—2021 гг. автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре Москвы и Московской области, цель обследования заключалась в описании функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры. Выборка составила 106 человек, сто из них — представители первого поколения диаспоры — являются уроженцами Республики Марий Эл (71 чел.), а также мест компактного проживания марийцев (Республики Башкортостан (18 чел.) и Татарстан (3 чел.), Кировской (5 чел.) и Свердловской областей (2 чел.), один опрошенный — уроженец региона дисперсного проживания мари). В ходе обследования использовался комплекс методов: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, структурированное интервью респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных (подробнее об опыте социолингвистического обследования см. [Куцаева 2022: 117—118]). Полученные в выборке результаты позволили, в частности, установить сферы использования марийского языка, а также функции, закрепленные за этническим языком в условиях диаспорного проживания группы [Куцаева 2021б].

Актуальное употребление этнического языка обусловлено предшествующим языковым опытом респондентов, в связи с чем автором предпринята попытка описания лингвистических биографий респондентов. Ситуация с марийским языком, помимо воздействия частных экстралингвистических факторов, определяется 1) местом проживания на малой родине (Республика Марий Эл или место компактного расселения марийцев на территории РФ), 2) типом населенного пункта (сельский или городской), 3) общими тенденциями и этапами языковой политики в советское и постсоветское время, что, в свою очередь, находит отражение в языковой биографии респондентов той или иной возрастной когорты первого поколения диаспоры в выборке. Вопросы анкеты были сформулированы таким образом, что при обработке результатов были выделены периоды и общие черты языковых биографий респондентов: внутрисемейное общение, дошкольное воспитание, школьное обучение (язык или предмет обучения), дальнейшее образование; установлены каналы изучения опрошенными русского и марийского языков, в зависимости от пункта проживания (сельский или городской), определены языки общения с соседями на малой родине¹. Первая работа в серии была посвящена описанию лингвистических биографий респондентов, уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл [Куцаева 2022]. Данная статья, вторая в серии, освещает языковые биографии горных марийцев в выборке, выходящей из Горномарийского района Республики Марий Эл.

В Горномарийском районе, наряду с Юринским и частично Килемарским в Республике Марий Эл, распространен марийский горный язык [Грачева 2001: 266]. Проблема номенклатуры марийских идиомов и в прошлом являлась достаточно сложной. В настоящее время вопрос о количестве марийских языков остается неоднозначным как с лингвистической точки зрения (ср. [Галкин, Сибатрова 2013; Кашкин 2018]), так и с социолингвистической: «Государственными языками в Республике Марий Эл являются марийский (горный и луговой) и русский языки» [Конституция РМЭ; Закон]. Респонденты-горномарийцы отметили, что горномарийский является *языком*, а не *диалектом* марийского, в отличие от луговых марийцев, 20 % среди которых полагают, что марийский язык *один*. Некоторые горномарийцы в выборке подчеркнули неравносильный статус горномарийского в сравнении с луговым в образовательной сфере: «У нас горномарийский язык, получается, как бы не считают за язык! Такой еще момент» (№ 21, Ж., 52)². В связи с этим при освещении языковых биографий респондентов будет рассмотрена динамика изучения горномарийского языка в общеобразовательных организациях в качестве предмета изучения или языка обучения. Привлечение архивных материалов из фондов ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл» за 1960—2002 гг. позволит обеспечить, таким образом, полноту и достоверность нашего исследования.

¹ Узкий, однако интересный с лингвистической точки зрения аспект марийско-татарских языковых контактов в языковых биографиях части респондентов в выборке был отдельно описан нами в [Куцаева 2020а].

² Здесь и далее в скобках последовательно приводятся номер анкеты, пол и возраст респондента.

2. Лингвистические биографии респондентов-горномарийцев в выборке

В выборке в первом поколении 13 опрошенных идентифицируют себя в качестве горных марийцев и являются уроженцами Горномарийского района Республики Марий Эл. Родители респондентов — горномарийцы, выходцы из небольших населенных пунктов в том же районе. Родители респондентов, по утверждению последних, владели горномарийским и русским языками, языком общения между супругами выступал горномарийский в условиях сельской среды и вариант «пятьдесят на пятьдесят», характерный для городской семьи: общение супругов между собой было на горномарийском, тогда как в общении с детьми они переходили на русский язык. Подобный тип коммуникации в целом представляется «традиционным» для городской среды не только в Республике Марий Эл, но и в соседней Чувашской Республике [Куцаева 2020б: 90—97].

Основной водораздел в языковой ситуации с горномарийским (как и в случае в луговом марийском — по результатам в выборке) проходит по линии «городская / сельская среда», что определяет в том числе и язык широкой внешней коммуникации респондентов с соседями на малой родине. В условиях деревни или села, жители которых были преимущественно горномарийцами, языком общения являлся горномарийский. По сообщению опрошенных, проживающие по соседству в очень редких случаях татары или луговые марийцы владели горномарийским, в отличие от русских, в общении с которыми респонденты использовали русский язык. В городе (подразумевается г. Козьмодемьянск, который в настоящее время, согласно официальному административному делению, является центром Горномарийского района, однако не входит в его состав, образуя городской округ) языком межнационального общения выступал русский язык: «В Козьмодемьянске были русские, татары, чуваша, марийцы. Общались на русском» (№ 27, М., 37). Русским языком горожане горномарийцы пользовались и в процессе внутриэтнической коммуникации: «На русском — это было принято, потому что это Козьмодемьянск» (№ 43, Ж., 25). В большей степени это связано с господствующей идеологией *языка-местности*, фактически «приковывающей» язык к определенной, традиционно ассоциируемой с ней местности (де-факто — сельской среде), вне которой употребление этнического языка считается *нелегитимным* и в недостаточной мере *аутентичным* [Куцаева 2021а: 15].

В выборке представлены десять выходцев из сельской среды (среди них семь женщин и трое мужчин в возрасте от 28 до 60 лет) и три уроженца городской среды (двое мужчин и одна женщина в возрасте от 25 до 37 лет). До школы респонденты общались дома на горномарийском (деревенские жители) и русском — горожане. В первом случае это было вполне естественно, поскольку «все вокруг в деревне были горномарийцы» (№ 40, Ж., 48). Что касается городских жителей, неизбежным было влияние идеологии, согласно которой освоение русского возможно лишь за счет отказа от своего этнического языка: «До школы на русском разговаривал с родителями. Понимаете, я жил в городе, для меня важнее было, чтобы я чище говорил на русском. Родители работали в городе, в городе жили, там же пошел в первый класс. Учился там в школе, обучение на русском было. В школе все на русском разговаривали» (№ 27, М., 37). Подобное явление, сопряженное с интенсивной урбанизацией населения, широко распространено в мире [Joseph 2004: 185].

Языком обучения в начальной школе для респондентов-горожан выступал русский язык. Для сельских жителей, в зависимости от типа школы, языком обучения являлся горномарийский (4 чел.) или горномарийский и русский языки (5 чел.), один респондент переехал на обучение в г. Йошкар-Олу. С переходом в среднюю школу языком обучения становится русский язык, горномарийский остается в качестве предмета изучения. «Начальная школа в своей деревне. Это средняя школа. Там я до десятого класса училась. Мы же национальная школа обучения. Только в начальной школе все предметы учили на марийском, а потом все предметы на русском уже. Кроме “Родного языка” и “Родной литературы”» (№ 64, Ж., 58). Переход полностью на русский язык обучения, однако, не препятствовал тому, чтобы горномарийский оставался частью языковой жизни школьников: его использовали учителя при объяснении новой темы, если материал казался учащимся трудным; на нем общались ученики между собой как на переменах, так и на уроках. «Учебники, конечно, по-русски все. А бывало, что учителя объясняли и по-марийски тоже. Может, им самим было проще как-то объяснять на марийском. Конечно, раз они марийцы, то по-марийски. А в основном на русском обучение» (№ 44, М., 29). «На перемене на марийском, мне кажется, разговаривали. На родном языке больше общались. На русском — на уроках. Ну а если, получается, к другу своему обращаешься на уроке — типа... дай списать — зачем думать на русском? — сразу на марийском спрашиваешь!» (№ 58, М., 31). Отметим, что схожие данные были получены нами относительно использования лугового марийского в выборке [Куцаева 2022: 133].

В целом языковые биографии дошкольного и школьного периодов уроженцев сельской среды в выборке могут быть емко описаны с помощью следующей цитаты: «Знаете, мы все тогда разговаривали на

своем родном горном языке. Только в школе, только на уроках говорили на русском. А в обычной жизни — и с друзьями, и с родителями — мы говорили только на своем родном языке. И на перемене тоже на своем» (№ 21, Ж., 52). Каналами освоения опрошенными русского языка являлись система школьного образования; общение с городскими детьми, приехавшими на летние каникулы в деревню; проживание респондента в непосредственной близости от города или районного центра; так называемое потребление культуры на русском языке (чтение произведений художественной литературы, кинематограф, влияние радио и телевидения); посещение пионерских лагерей с многонациональным составом воспитанников. «Всегда с родителями, бабушкой, с детьми — всегда на марийском. У нас город... райцентр — там жили чисто русские. Поэтому мы знали русский. 40 километров от города. К родственникам мы ездили, они разговаривали на русском, ну и на марийском. Ну а русскую речь — приобщались прямо с первого класса, песни разучивали на русском, еще что-то. Радио слушали на русском, телевизор смотрели на русском. Ну а с окружением — чисто на марийском общались» (№ 56, М., 52). Интересным представляется такой источник изучения и совершенствования русского языка, как посещение воскресной школы (в постсоветский период), ввиду распространения среди горномарийцев православия в большей мере, чем среди луговых, религиозные верования которых тяготеют к языческим и языческо-православным синкретическим культам [Материалы 2020]. «Я ходила в воскресную школу, батюшка русскоязычный был, ну и дети, поэтому нас там учили русскому» (№ 89, Ж., 30) (ср. с источниками приобщения к русскому, установленными нами в отношении луговых марийцев в выборке [Куцаева 2022: 144—145]).

Несмотря на широкое распространение русского языка в городской среде, горномарийцы-горожане в выборке указали на владение этническим языком. Основным каналом приобщения к горномарийскому выступала марийская деревня, летнее пребывание в которой, как казалось родителям респондентов, позволит ребенку в полной мере овладеть языком. «До школы я еще постигал эти азы горномарийского языка в деревне» (№ 27, М., 37). Как правило, азы этнического языка включают в себя счет, отдельные лексические единицы, тяготеющие к описанию деревенского уклада жизни, иногда — обсценная лексика, императивные конструкции. Как было отмечено в [Куцаева 2021a: 12], проблема с погружением городского ребенка в языковую среду заключается в том, что даже при условии его общения с бабушкой и дедушкой в узком семейном кругу на этническом языке (хотя на практике нередко использование дуально-лингвальной коммуникативной модели [Smith-Christmas 2016: 59]) в более широком контексте марийской деревни непосредственное окружение (соседи, друзья, родственники) не всегда способно создать и поддерживать эту среду, полагая, что городской ребенок едва ли владеет этническим языком и, таким образом, используя во взаимодействии с маленьким горожанином преимущественно русский язык. А кроме того, интерес к марийскому у ребенка и практику самого языка необходимо поддерживать в долгосрочной перспективе, по возвращении в город, однако в большинстве случаев со стороны родителей типичной является *стратегия избегания* [Dauenhauer, Dauenhauer 1998: 68—69]: несмотря на декларативное желание передать язык детям, де-факто эти полномочия перекалдываются на кого-то — достаточно абстрактного — *другого*. Приведем развернутую цитату респондента. «С бабушкой и дедушкой на марийском. Летом в основном был в деревне несколько недель постоянно. Без родителей часто. У нас там больше все равно знали русский, и общались они, если надо, с тобой и на русском пообщаются. Если нет — то и на марийском. Какие-то слова я, может, знал тогда. Сначала пару слов, например, знаю. Потом бабушка объясняет, что это слово значит, то слово значит. И постепенно вот так учишь в среде, так сказать. Ну а ребята в основном на русском во дворе. Просто там тоже приезжали дети. Они кто откуда — и городские, и марийцы, то, естественно, все на русском между собой разговаривают. А если взрослые разговаривают, то иногда с ними можно и на марийском. Взрослые эти были постарше моих родителей. Они что-то говорят — и понимаешь уже. Вникаешь. Можешь и сказать уже в ответ. Они удивляются: “О, ты знаешь! Молодец, давай дальше учи!” Родители со мной на русском, мы же жили в городе. Зачем они со мной на марийском будут общаться? Они знали, что я не знаю марийский в том объеме, чтобы со мной общаться. Они всегда со мной на русском разговаривали» (№ 31, М., 36).

Марийская деревня, являющаяся, по мнению респондентов, устойчивым фактором сохранения и трансмиссии этнического языка, местом его полноправного функционирования, *легитимного и аутентичного использования*, имеет, таким образом, слабые стороны, ввиду распространения указанных выше идеологий, что в конечном итоге служит препятствием для включения в языковое сообщество *новых носителей* марийского [Куцаева 2021b: 30—31].

Другим возможным каналом изучения горномарийского языка для уроженцев городской среды в выборке (их возраст колеблется от 25 до 37 лет) могло быть преподавание его в качестве государственного языка в школе, тем более что наделение марийского (горного и лугового) статусом государственного

в Республике Марий Эл [Конституция РМЭ; Закон] позволило внедрить его в учебный процесс во всех русскоязычных школах как предмет национально-регионального компонента. До 2000 г. предмет «Марийский (государственный) язык» был обязательным во всех школах РМЭ. С 2001 г. в Базисный учебный план общеобразовательных школ РМЭ, предусматривающий изучение марийского родного и государственного, были внесены изменения: в результате предметы регионального компонента вошли в инвариантную часть плана и на их изучение выделялись часы в зависимости от типов и видов школ и классов³ [Васенина 2019: 242]. Приведем воспоминания респондентов об изучении данного предмета. «Я училась в лицее в Козьмодемьянске. На русском языке. У нас были уроки марийского языка, но мой уровень не достигал такого уровня, как сейчас. Это был горномарийский язык с первого класса. Но не все, скажу вам, любят изучать в школе языки марийские, горномарийский. Почему-то в Марий Эл некоторые городские, как они себя считают, стесняются очень сильно языка. Это я про горных говорю, которые проживают длительный период в Козьмодемьянске, они не считают себя некоторые марийцами. Параллельно марийскому была «История культуры марийского народа». ИКМН. На русском. И определенное количество времени выделялось на марийский язык. Мы изучали историю, изучали марийский язык. Мы изучали с нуля, там легкие были задания. Язык преподается до девятого класса. ИКМН тоже не было потом. Но вот если сравнивать с деревенскими школами, то там это все преподается гораздо углубленно, у них там дополнительно есть «Марийская литература», «Марийский язык». Конкретно для изучения языка» (№ 43, Ж., 25). «Мы когда учились в школе, тоже был национальный как бы компонент. Но это «История и культура родного края» скорее. Там не учили марийский. То есть могли, наверное, преподавать марийский. Но у нас в школе не было преподавания. Раз в неделю было. На русском. Ну марийский мало кто знал там — поэтому на русском. Мне интересно было в основном. Насколько я помню, это горный, какие-то горномарийские предания и сказки. Ну и читали, естественно, литературу, которая посвящена всей Республике. Разные моменты в истории. И не только Горномарийского района, но и всей Республики» (№ 31, М., 36).

Реализация принципа вариативности позволила расширить контингент изучающих марийский язык (что проявилось прежде всего в русской школе) [Швецова 2008: 115], однако вполне очевидно, что отведенных часов едва ли хватало для овладения языком⁴: «Только писать я особо не умею на марийском — это да. Кстати, марийский язык — очень тяжелый язык. Разговаривать на нем легко, а писать на нем не очень. Эти две точки, окончания все эти, я бы сказала, что писать здесь не особо легко⁵. Вот для этого надо изучать — вот как мы русский язык изучаем — надо марийскую письменность изучать! Вот как в деревнях учат их! Потому что мы же не особо так учили его в школе. У нас было скорее ознакомительно» (№ 43, Ж., 25). Эта же респондентка подчеркнула следующее: «Скорее всего, мой фундамент был из семьи с языком».

³ В частности, в школах с русским (родным) языком обучения, а также в классах с углубленным изучением предметов социально-гуманитарного и гуманитарно-филологического профилей в 1—9-м классах выделялось 2 часа в неделю на изучение марийского (государственного) (+ 1 час на изучение курса «История и культура народов»); в классах с углубленным изучением предметов естественно-научного, физико-математического и технического профилей — 1 час в неделю (предмет «История и культура народов» интегрирован с марийским языком) [Васенина 2019: 242].

⁴ В качестве примера приведем результаты крупного социолингвистического обследования, выполненного Э. Алос-и-Фонтом в соседней Чувашской Республике, где с начала 1990-х гг. в качестве предмета изучения был повсеместно введен чувашский язык: «В 2011/2012 учебном году 70 % школьников с 1 по 9 класс изучали чувашский язык как неродной, в частности большинство учащихся чувашской национальности. Несмотря на его распространение, такая форма обучения является малорезультативной по отношению к преподаванию чувашского языка. По данным нашего опроса, 94 % городских старшеклассников, не говорящих на нем с родственниками, не чувствуют себя в состоянии говорить на нем» [Алос-и-Фонт 2015: 214], одна из причин видится автору в отсутствии модели чувашезычного образования в городах, а также ясной концепции об основаниях и целях преподавания чувашского языка и на чувашском языке [там же: 218].

⁵ Отдельные положения горномарийской орфографии изменялись, уточнялись и дорабатывались в 1956, 1978, 1994 гг. Так, в 1956 г. в горномарийскую орфографию в целях ее сближения с луговой были внесены изменения, многие из которых были отменены в 1978 г. В 1994 г. было возвращено отражение палатальной гармонии в полной мере [Галкин, Сибатрова 2013: 103—104]. Надо добавить, что уроженцы сельской среды в выборке, прошедшие обучение на горномарийском языке, будучи носителями языка, ни разу в интервью не упомянули такого рода затруднения. Очевидно, сложности в усвоении в том числе орфографических норм возникали у тех, кто не имел ежедневного контакта с языком (уроженцы городской среды в выборке, изучавшие горномарийский в качестве государственного) (см. также комментарий выше).

В таблице 1 приводится набор языков, которым владеют⁶ респонденты (данные о владении ими иностранными языками намеренно опущены, поскольку изучение этого вопроса не входило в задачи исследования).

Таблица 1. Набор языков респондентов в выборке

Набор языков	Число респондентов в группе, указавших на владение соответствующими языками
марийский горный, русский	9
марийский горный, марийский луговой, русский	4

Отметим, во-первых, особенность, характерную для данной группы в общей выборке: в отличие от уроженцев районов распространения лугового марийского в Республике Марий Эл в выборке, в наборе языков горномарийцев отсутствует татарский, представленный у луговых (ввиду тесного их проживания с татарами в отдельных случаях; об этом см. [Куцаева 2020а]). Во-вторых, в наборе языков горномарийских респондентов указаны случаи владения марийским луговым, тогда как ни один луговой мариец в выборке не отметил знание или владение марийским горным [Куцаева 2022: 123].

Кроме того, среди опрошенных, в лингвистическом багаже которых имеется луговой марийский, в выборке — исключительно женщины⁷. Одна из них поступила в первый класс национальной гимназии искусств (г. Йошкар-Ола), в учебном плане гимназии предполагалось изучение марийского (лугового) языка и марийской литературы. «В классе практически все были из луговых районов — моркинские, сернурские. И они все свободно говорили на луговом марийском языке. У меня вообще было дикое удивление, что, оказывается, существует еще какой-то марийский язык, которого я не понимаю! Я чувствовала себя, честно говоря, обманутой дико. Мне родители не рассказывали об этом! Что есть какой-то странный язык, который все называют *марийским*. Но я спорила, я им говорила, что марийский — это не этот, что это мой марийский! На меня там все смотрели как на белую ворону. Но мне очень повезло с учительницей, которая была у нас первые три года. Она очень любила горномарийский язык и горных марийцев, у нее были подружки из института МарГУ. Она была моим ангелом-хранителем, и я очень быстро выучила луговой язык, она меня даже в пример ставила» (№ 36, Ж., 28). Вторая респондентка по окончании школы продолжила обучение в педагогическом вузе в Йошкар-Оле в русской группе: в тот год, подчеркнула респондентка, не производился набор в марийскую (луговую марийскую. — М. К.⁸) группу. Ее подругой стала луговая марийка, и, таким образом, она освоила луговой марийский: «Мы давно с подругой общаемся, понимаю. Но вот литературный язык, стихи, произведения какие-то не понимаю. А так — разговорный — понимаю. Может быть, некоторые слова не пойдем, тогда уже порусски переведем. А так общаемся на марийском языке. Может быть, и не всех лугомарийцев я понимаю, у них же, что район, что деревня — какие-то разные слова, разные диалекты бывают. Из-за этого я не всех могу понять, но вот свою подругу пойму!» (№ 21, Ж., 52). Третья респондентка младшей когорты в выборке училась в Институте финно-угроведения при МарГУ по специальности «преподаватель марийского и английского языков» и так вспоминает о своем опыте изучения лугового марийского (в учебном плане под «марийским» подразумевался марийский луговой. — М. К.): «Луговой там — это было что-то с чем-то! Крики, слезы, истерики. До Нового года я, наверное, только плакала. Лекции — вообще ничего не понимала! А потом уже как-то пошло, автоматом что ли. Нас было 25 человек в груп-

⁶ Фундаментальное различие между двумя интеллектуальными категориями — знанием и владением заключается в том, что «знание, например, языка — может быть пассивным, в то время как владение языком с необходимостью предполагает наличие определенных активных навыков в обращении с языковыми средствами» [Беликов, Крысин 2016: 51].

⁷ Лишь один мужчина в выборке, уроженец Козьмодемьянска, во время обучения в вузе в Йошкар-Оле, имел опыт посещения факультативных занятий по изучению марийского языка. Впрочем, в скором времени он отказался от этой идеи, мотивируя это следующим образом: «Я был два раза там, но потом перестал посещать. Просто там лугомарийский был язык в основном, я чего-то посидел пару занятий и отпал интерес к лугомарийскому! Ну как — я же больше горномариец, поэтому интерес мой больше к горномарийским историям, языку в целом! И было такое — как будто заново слова нужно учить. Интерес как-то сразу пропал» (№ 31, М., 36).

⁸ В 1995 г. в МарГУ впервые была открыта русско-горномарийская группа, соответствующая требованиям подготовки специалистов-филологов для горномарийских школ, набор составил десять человек. Русско-горномарийская группа всегда являлась особой в плане обучения, поскольку с первого курса студенты были задействованы в работе по составлению научных словарей, принимали участие в работе лексикографической научно-исследовательской лаборатории «Кырык мары йылмй» [Пенькова 2017: 34—39].

пе, я одна — горномарийка. Я ко всем приставала с переводом на русский язык! Сначала на русском, перевод каждого слова, которое я не понимала, все это запоминала. Все меня посылали к чертовой матери уже через два месяца. Но я все равно не сдавалась! В конце первого курса уже свободно говорила на луговом, он же легкий, потому что я горный знаю! А луговой — чего там! Но при этом это совершенно разные языки, конечно! Потом все меня принимали там за своего! За моркинского причем!⁹ У меня близкая подруга в группе была моркинская. У нас половину с Морков просто были. Тут без вариантов, понимаете!» (№ 89, Ж., 30). Четвертая респондентка, представительница старшей когорты в выборке, во время учебы в техникуме Йошкар-Олы (языком обучения был русский) каждое лето отправлялась на трудовую практику в один из колхозов Сернурского района: «Когда в Йошкар-Оле, то хочешь — не хочешь, общая масса — луговые, как-то само быстрее схватываешь. В Сернурском районе когда были, у нас руководитель был русский мужчина, он по-марийски вообще не умел говорить, я переводила. Марийка-бабушка не умела по-русски говорить, а мы были студенты, остановились там, а она не понимает — я и перевожу!» (№ 26, Ж., 60). Эта же респондентка впоследствии использовала луговой марийский в качестве тайного языка при общении с луговыми марийцами: «Просто на Камчатке были все русские, так и получилось, что по-марийски можно было только между собой с мужем. А там еще были луговые марийцы, с Сернурского района, кстати. Когда встречались с ними, поболтаем. Они на луговом, я на горном. Муж не понимает. “Вот так, — говорю, — Юра, учи, пригодится!”». Попутно отметим, что, по признанию респондентов в общей выборке, навыки взаимного понимания в условиях диаспорного проживания иногда действительно представляются необходимыми и, несмотря на расхожее мнение относительно низкой взаимопонимаемости между обоими идиомами, в экстремальных обстоятельствах их используют в конспираторной функции в том числе в московском регионе [Куцаева 2021б: 63—64].

3. Динамика изучения марийского горного языка в сфере образования (по данным архивных материалов)

Функциональная и демографическая мощности государственных языков Республики Марий Эл не одинаковы, что объясняется тем, что русский язык — язык с глобальными социальными функциями, а марийский язык ограничен использованием в этнических границах; и русский, и марийский языки обслуживают сферу образования, от которой зависят языковая компетенция всего общества в целом и перспективы на будущее [Кондрашкина 2016: 749]. Рассмотрим ситуацию с горномарийским языком в сфере образования (ситуация с луговым марийским была описана нами ранее; в той же работе был представлен очерк этапов языковой политики в области школьного образования [Куцаева 2022: 126—129]).

Согласно архивным данным, полученным нами из фондов ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл» относительно распределения школ и учащихся по языку обучения на начало 1960—1961 учебного года в Марийской АССР (таблица 2), с марийским горным языком обучения функционировали 37 начальных, 14 семилетних и восьмилетних и 5 средних школ, всего в них обучалось соответственно 3569 чел. (1—4-й классы), 1850 чел. (5—7-й классы), 279 чел. (8—10-й классы)¹⁰. Суммарно обучением на горномарийском было охвачено 5698 учащихся [ГАРМЭа]. Кроме того, с двумя языками обучения (марийским горным и русским) функционировали две начальные школы, одна семилетняя и две средних школы, марийский горный язык изучался лишь на уровне начальной школы (377 чел.), тогда как в аналогичных школах с двумя языками обучения (марийским луговым и русским) обучение на марийском луговом продолжалось и на последующих ступенях школьного образования (до 10-го класса включительно) и в итоге охватывало в 1960—1961 учебном году 7937 учащихся [ГАРМЭб]. В таблице 2 представлены также данные по Марийской АССР о количестве школ с русским языком обучения [ГАРМЭа]. В тот период в Горномарийском районе обучение исключительно на русском языке велось в 18 начальных школах (ср. 37 на горномарийском), восьми семилетних (ср. 13¹¹ на горномарийском), пяти средних

⁹ Об особом статусе, занимаемом де-факто отдельными говорами (например, моркинско-сернурским, легшим в основу литературной нормы марийского лугового языка), а также о четком ранжировании носителей марийского как группы на тех, кто может считаться самым / более / менее / наименее традиционным носителем, мы указывали в [Куцаева 2021в: 21—22].

¹⁰ Выбор периода начиная с 1960 г. для статистического обзора обусловлен возрастом самого старшего респондента в выборке. Кроме того, данный период интересен с точки зрения динамики распределения школ по языку обучения ввиду того, что он сопряжен с реализацией закона «Об укреплении связи школы с жизнью» [Беликов, Крысин 2016: 301—302].

¹¹ Строго говоря, два документа — [ГАРМЭа] и [ГАРМЭв] — содержат несколько противоречивые сведения относительно количества школ на горномарийском за один и тот же период. Так, в документе [ГАРМЭа] (сведения

(как и на горномарийском) [ГАРМЭв]. Обучение на горномарийском языке велось, таким образом, в 64,9 % начальных школ района, в 56,5 % — семилетних, в 16,6 % — средних [там же].

В итоговой графе документа о распределении школ по районам Марийской АССР относительно количества школ с одним языком обучения на республиканском уровне приводятся данные с пометой «на луговом» (все они — за вычетом количества школ с марийским горным языком обучения. — М. К.) [ГАРМЭв], равно как и в отношении количества учащихся школ (внесены итоговые общие показатели и строкой ниже данные с пометой «в т. ч. на лугов. яз.») [ГАРМЭг].

Таблица 2. Сведения о распределении школ и учащихся по языку обучения на начало 1960—1961 учебного года

Язык обучения	Начальных школ с языком	Семилетних и восьмилетних с языком	Средних школ с языком	В них учащихся 1—4-х кл.	В них учащихся 5—7-х кл.	В них учащихся 8—10-х кл.	Всего в 1—11-м классах учащихся
М. г. я.	37	14	5	3569	1850	279	5698
М. л. я.	168	66	10	14 953	6699	528	22 180
Р. я.	235	106	40	34 011	19 499	763	57 948
С двумя языками обучения:							
М. г. я.	2	1	2	377	—	—	377
Р. я.				253	551	112	916
С двумя языками обучения:							
М. л. я.				3710	3832	395	7937
Р. я.	7	28	30	4815	5192	1260	11 267

Статистика на начало 1976—1977 учебного года (таблица 3, составлена на основе данных [ГАРМЭд; ГАРМЭе; ГАРМЭж]) свидетельствует о том, что марийский горный использовался в качестве языка обучения лишь в 1—3-м и подготовительных классах начальной школы, тогда как обучение на марийском луговом велось в начальной школе и продолжалось в 4—8-м классах. Кроме того, марийский луговой в минимальном объеме преподавался в условиях города с первого по восьмой класс (в отличие от горномарийского). В итоге обучением на горномарийском было охвачено 2122 учащихся (уровень начальной сельской школы), а обучением на луговом марийском — 9171 чел., из них на селе — 8739 чел., в городе — 432 чел.

Таблица 3. Сведения о распределении школ и учащихся по языку обучения на начало 1976—1977 учебного года

Язык обучения	Учащихся в 1—3-м и подготовительных классах	Учащихся в 4—8-м классах	Учащихся в 9—10-м классах	Итого
М. г. я. (село)	2122	—	—	2122
М. л. я. (село)	8446	293	—	8739
Р. я. (село)	7958	38 287	9454	55 699
Р. я. (город)	13 956	28 734	8307	50 997
М. л. я. (город)	173	259	—	432
М. г. я. (город)	—	—	—	—
М. л. я. (всего)	8619	552	—	9171
Р. я. (всего)	21 914	67 021	17 761	106 696

о распределении школ и учащихся по языку обучения) указано «14», тогда как в документе [ГАРМЭв] (по районам) — «13». Кроме того, в последнем документе приводится общее количество типов школ по району, и в *горномарийской* строке рядом с итоговой для района цифрой «23» (из расчета, что школ на горномарийском языке 13) невооруженным глазом заметна жирная точка, выведенная как будто в недоумении; при том что в целом документы, которые заполнялись от руки, не содержат никаких чернильных помарок и видимых исправлений. В связи с этим в настоящей работе в обзоре обоих документов приводим содержащиеся соответственно в каждом из них данные.

На начало 1980—1981 учебного года (таблица 4 по данным [ГАРМЭз; ГАРМЭи; ГАРМЭк]) ситуация меняется: обучение на марийском (как горном, так и луговом) ограничивается уровнем 1—3-го и подготовительных классов начальной школы (всего на марийском горном обучение проходят 1672 чел., на марийском луговом — 6523 чел., из них в сельской местности — 6378 чел., 145 чел. изучают марийский в условиях города). Всего школ с нерусским языком обучения насчитывалось 83 ед. [ГАРМЭк].

Таблица 4. Сведения о распределении школ и учащихся по языку обучения на начало 1980—1981 учебного года

Язык обучения	Учащихся в 1—3-м и подготовительных классах	Учащихся в 4—8-м классах	Учащихся в 9—10-м классах	Итого
М. г. я. (всего)	1672	—	—	1672
М. л. я. (всего)	6523	—	—	6523
Р. я. (всего)	24 214	52 522	12 736	89 472
М. г. я. (село)	1672	—	—	1672
М. л. я. (село)	6378	—	—	6378
Р. я. (село)	7670	27 252	6671	41 593
Р. я. (город)	16 544	25 270	6065	47 879
М. л. я. (город)	145	—	—	145

К сожалению, в полученных сведениях отсутствует детализированная информация относительно школ с двумя языками обучения (конкретно с марийским горным или марийским луговым), известно лишь, что школ с русским и нерусским языками обучения в Марийской АССР в 1976—1977 учебном году было 127 ед. [ГАРМЭд], в 1980—1981 учебном году — 129 ед. [ГАРМЭз], в них обучалось соответственно 47 865 чел. [ГАРМЭд] и 29 314 чел. [ГАРМЭз]. Несмотря на то, что количество школ с двумя языками незначительно возросло, число учащихся на двух языках обучения заметно снизилось всего за несколько лет.

В целом в ведении отчетности наблюдается тенденция к максимальной краткости изложения: если в документации за 1960—1961 учебный год довольно полно представлены сведения не только по количеству и типу школ по языку обучения, но и по их распределению по районам в Марийской АССР, то в последующие два десятилетия официальные отчеты, с которыми нам удалось ознакомиться, приобретают характер *общей отчетности*, в силу, надо полагать, смещения акцентов и приоритетов языковой политики. В 1970-х гг. в СССР был взят курс на достижение всеобщего национально-русского двуязычия в целях осуществления идеологической унификации в рамках провозглашенной новой исторической общности — советских людей [Беликов, Крысин 2016: 305]. С особым успехом языковая политика реализовывалась в области образования: школа, неоднократно подчеркивалось в литературе тех лет, является одним из самых эффективно действующих факторов по силе своего воздействия на распространение двуязычия среди нерусских народов страны [Губогло 1980: 106].

В таблице 5 (по данным [ГАРМЭл]) размещены сведения по школам в зависимости от языка обучения и данные по изучению марийских языков как предмета в 1991—1992 учебном году. В тот период в Республике из общего числа школ насчитывалось 226 школ с русским языком обучения (все этапы школьного обучения, всего 91 149 учащихся), 74 школы с нерусским языком обучения (начальное звено школы, охват учащихся — 1473 чел.), 123 школы с русским и нерусским языками обучения (все этапы школьного обучения, общее количество учащихся составило 23 054 чел.), 240 школ, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (все этапы обучения, 23 105 учащихся), и 17 школ, в которых нерусские языки изучаются факультативно в кружках (число изучающих языки — 544 чел.). Горный и луговой марийский, сохраняя позиции в качестве языка обучения на селе (на марийском горном обучаются младшие школьники — 1344 чел.), также становятся предметом изучения на всех этапах школы, количество учащихся достигает соответственно 3115 и 18 944 чел.

Статистика (таблица 5) представляет несомненный исследовательский интерес, поскольку частично фиксирует ключевые подвижки и изменения в языковой политике в сфере образования 1990-х гг.: принятие закона «О языках народов РСФСР» (1991), языковой суверенитет и движение за возрождение и развитие родных языков, разработка проекта «Закона Республики Марий Эл о языках в Республике Марий Эл» в целях придания марийскому языку статус государственного и ожесточенная борьба, развернувшаяся на фоне принятия закона и вскрывшая основное противоречие относительно номенклатуры

марийских идиомов и количества марийских языков (об этом см. [Васикова 1996]). В 1995 г. закон «О языках в Республике Марий Эл» был наконец принят с формулировкой «марийский (горный и луговой)» [Закон].

Таблица 5. Сведения о распределении школ и учащихся по языку обучения в 1991—1992 учебном году

Наименование	Общее число школ по языку обучения	Распределение учащихся по языку обучения				Изучение (нерусского) языка как предмет			
		1—4-й классы	5—9-й классы	10—11-й классы	Итого	1—4-й классы	5—9-й классы	10—11-й классы	Итого
М. г. я.	44	1344	—	—	1344	693	1975	447	3115
М. л. я.	142	7543	—	—	7543	6197	10 427	2320	18 944
Р. я.	349	22 445 / 14 874	57 959	11067	106 345	×	×	×	×

Кроме того, в 1992 г. в Республике Марий Эл был утвержден закон «Об образовании», впоследствии подвергшийся поправкам и корректировкам на предмет его соответствия федеральным стандартам, затем вовсе упраздненный. В 2001 г. был принят новый закон «О регулировании отношений в сфере образования на территории Республики Марий Эл», подтверждающий «право на получение образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в рамках возможностей, предоставляемых системой образования». Закон гарантировал, что «обучение и воспитание в образовательных учреждениях Республики Марий Эл осуществляется на государственных языках в зависимости от желания обучающихся, их родителей (лиц, их заменяющих)» [Васенина 2019: 241].

Статистические данные в таблице 6 (по [ГАРМЭм; ГАРМЭн]) позволяют составить представление о ситуации с преподаванием горномарийского и лугового в системе образования (язык обучения или предмет изучения) за 2001—2002 учебный год. Марийский горный на селе остается языком обучения в начальной школе (1—4-й классы, всего 1122 учащихся) и также является предметом изучения (1—4-й классы, всего 509 учащихся). Далее он преподается в средних и старших классах школы в качестве предмета изучения. В городе марийский горный изучается в качестве предмета с первого по девятый класс (охват учащихся — 1346 чел.) (ср. с данными по марийскому луговому в условиях городской среды).

Таблица 6. Сведения о распределении школ и учащихся по языку обучения на начало 2001—2002 учебного года

Наименование	Общее число школ по языку обучения	Распределение учащихся по языку обучения				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет	Изучение языка как предмет			
		1—4-й кл.	5—9-й классы	10—11-й классы	Итого		(нерусского) 1—4-й кл.	5—9-й классы	10—11-й классы	Итого
М. г. я (село)	33	1122	—	—	1122	30	509	2175	301	2985
М. л. я. (село)	118	5107	—	—	5107	197	5242	17 560	2221	25 023
Р. я. (село)	255	725 / 6025	23 148	4831	34 729	×	×	×	×	×
М. г. я. (город)	—	—	—	—	—	6	428	918	—	1346
М. л. я. (город)	3	87	—	—	87	66	7149	14 967	462	22 578
Р. я. (город)	91	6763 / 9122	38 246	11636	65 767	×	×	×	×	×

Ниже, в таблице динамики контингента учащихся по предметам, обеспечивающим языковые права и этнокультурные потребности обучающихся в общеобразовательных организациях Республики Марий Эл, [Динамика], указан «марийский язык», без помет «марийский горный» или «марийский луговой». Несмотря на это, сопоставительный анализ данных за 2000 и 2010 гг. (выдержки из документа приводятся в таблице 7) позволяет сделать несколько существенных, хотя и достаточно общих выводов.

Таблица 7. Динамика контингента учащихся по предметам, обеспечивающим языковые права и этнокультурные потребности обучающихся в общеобразовательных организациях Республики Марий Эл [Динамика]

Предметы	2000/2001	2010/2011
Количество школ	432	286
В них учащихся	120 441	66 096
Изучают марийский язык (родной):		
— школ;	207 (48 %)	131 (46 %)
— обучающихся в них	46 559 (39 %)	9912 (15 %)
Изучают марийский государственный язык:		
— школ;	207 (48 %)	134 (47 %)
— обучающихся в них;	46559 (39 %)	25 747 (39 %)
интегрировано:		
— школ;	—	—
— обучающихся в них	—	—
Изучают ИКН:		
— школ	420 (97 %)	278 (97%)
— обучающихся в них;	99 598 (83 %)	44440 (67%)
интегрировано:		
— школ	—	—
— обучающихся в них;	—	—
Школ с родным языком обучения	64 (15 %)	14 (0,5 %)
В них обучающихся	1210 (1 %)	132 (0,2 %)
Школ с русским языком обучения	232 (54 %)	178 (62 %)
В них обучающихся	90 674 (75 %)	37 012 (56 %)
Школ с русским (неродным) языком обучения	123 (29 %)	94 (33 %)
В них обучающихся	24 347 (20 %)	28 952 (43,8 %)

Во-первых, за десятилетие значительно снизилось количество школ с родным языком обучения: с 15 % (от общего числа школ) в 2000—2001 учебном году до 0,5 % в 2010—2011-м. Ввиду низкого уровня рождаемости общее число учащихся школ снизилось со 120 441 чел. до 66 096 чел., при этом количество учащихся школ с родным языком изменилось следующим образом: 1210 чел. (1 % от всех учащихся) в 2000—2001 учебном году и 132 чел. (0,2 %) в 2010—2011 учебном году. Во-вторых, процент учащихся, изучающий марийский язык (родной) как предмет, также снизился: если в 2000—2001-м он достигал 39 % от общего числа учащихся школ, то в 2010—2011-м — всего 15 %. В-третьих, в 2010—2011-м позиции марийского в качестве предмета «Марийский язык (государственный)» остались неизменными (относительно 2000—2001 учебного года): 39 % обучающихся школ изучают данный предмет.

Тенденции последних десятилетий к обобщению статистических данных относительно обучения на *марийском языке* и преподавания *марийского языка* (без различия марийского горного и марийского лугового) являются косвенным указанием, во-первых, на изменение в приоритетных направлениях языковой политики, смещенных в сторону русского языка, и постепенном ослаблении позиций родных языков в образовании, достигнутых в предшествующий период; во-вторых, свидетельством довольно плачевного состояния марийского горного в системе преподавания и изучения и без того ослабленного *марийского языка*.

В ходе полевой работы в Горномарийском районе РМЭ в 2019 г. автору материалов удалось пообщаться с учителями горномарийского языка, которые выразили беспокойство относительно бедственной ситуации с обеспечением методической литературой на горномарийском, настойчивой необходимостью ее реактуализации. «С методической литературой у луговых нет проблем. Они уже выпустили и методички. У них же столько районов, а у нас один район! У них тринадцать районов, у них больше людей, у них больше авторов. Язык у нас отдельный, горномарийский. У нас авторская группа, рабочие тетради

составляем. После учебников. Пятый, шестой класс. Литературу изучаем общую марийскую, но переводятся произведения, которые по программе, на горный марийский. У нас переводчиков мало. И кто-то должен составлять по литературе учебники! То есть у нас сложновато. У нас за девятый класс учебник 1995 года, наверное» [ПМА 2019]¹². Общей проблемой педагогов горномарийского и лугового марийского является невладение или слабое владение школьниками своим этническим языком — корни проблемы уходят в дошкольное образование (языком воспитания часто является русский язык) и семейную языковую политику (нежелание родителей передавать этнический язык детям) (об этом см. [Куцаева 2022: 124—126]). «Но сейчас появились дети, у нас конкретно, тоже уже нынче в первом классе на марийском вообще не разговаривают. Потому что в садике у них воспитатель была русская, можно сказать. Она разговаривала только на русском. Поэтому и дети. Но родители уже тоже не хотят: “Почему это вот этот марийский? Зачем он нужен? Там дальше... нигде он, не будем применять!” Вот поэтому. Такие проблемы постоянно решаем» [ПМА 2019]. Однако в ближайшей перспективе самой острой, кажется, станет проблема воспроизводства педагогических кадров. Несмотря на то, что ежегодный выпуск специалистов со знанием *марийского языка* (выделено нами. — М. К.), осуществляющийся в двух вузах республики в г. Йошкар-Оле, составляет 356 человек, которые пополняют состав национальной интеллигенции [Швецова 2008: 132], вопрос числа учителей конкретно марийского горного остается открытым. «Учителей горномарийского языка готовили в МарГУ, раньше было их много, к 2010 году студентов в группе стало мало: около пяти всего, а в 2013 году вроде бы вовсе закрыли группу¹³. Так что больше нигде не готовят учителей горномарийского языка. Дело в том, что сейчас в горномарийских школах горномарийский язык преподают именно те учителя, которые учились еще тогда, когда была такая группа в МарГУ. Современных молодых учителей-то нету! Учителей именно горномарийского языка — их в принципе нет. И студентов тоже. Ну почему и группу-то закрыли? Потому что туда никто не шел¹⁴. Это совершенно непрестижно! Вот. И поэтому молодежи-то нет! Все эти старые учителя и работают, и преподают горномарийский. И я даже не знаю, что будет, например, через лет двадцать или даже через тридцать. Может, вообще некому будет горномарийский преподавать. Даже права не будет ни у кого, потому что никто не учит. Если вымрут нынешние учителя, преподавать действительно горномарийский будет некому» (№ 89, Ж., 30).

Анализ архивных данных и свидетельств респондентов в выборке позволяет сделать вывод о том, что начиная с 1960-х гг. в образовательной системе марийский горный язык постепенно сдает свои позиции, сначала на фоне марийского лугового, а с середины 2000-х гг. его объединяют с марийским луговым в отчетах под общей рубрикой «марийский язык». Тем не менее даже это «коалиционное» объединение представляется слабым в сравнении с позицией, которую занимает в системе образования русский язык.

4. Заключение

Основная цель статьи заключалась в реконструкции языковых биографий представителей марийской диаспоры московского региона, уроженцев Горномарийского района Республики Марий Эл. Необходимость проведения исследования обусловлена тем, что актуальное использование опрошенными этнического языка со всей очевидностью определяется в том числе их предшествующим языковым опытом на малой родине. В ходе обработки результатов были установлены основные пути освоения респондентами марийского горного и русского путем анализа языков внутрисемейного общения, дошкольного воспитания, языков обучения и предметов изучения в начальной и средней школе, в процессе дальнейшего обучения; языков общения с соседями на малой родине.

Работа является второй в цикле статей, посвященных описанию лингвистических биографий респондентов в общей выборке, что позволило на данном этапе провести сопоставительный анализ данных по языковым биографиям республиканских марийцев в выборке — выходцев из районов распространения марийского лугового языка и уроженцев Горномарийского района, в котором распространен марийский горный язык.

¹² Полевые материалы автора в Горномарийском районе РМЭ в 2019 г.

¹³ Всего было выпущено 12 групп, это были немногочисленные группы [Пенькова 2017: 46].

¹⁴ В 2012 г. трагически оборвалась жизнь Л. П. Васиковой, благодаря усилиям которой была и открыта русско-горномарийская группа. Духовным наставлением проф. Васиковой следует считать отрывок из ее письма: «Необходимо сохранить группу РГ (русско-горномарийскую) на филологическом факультете МарГУ, иначе разрушится система подготовки специалистов по филологии для горномарийских школ. Это чревато непоправимыми последствиями. Эту группу нельзя закрывать, необходимо сохранить ее любыми силами...» (цит. по [Пенькова 2017: 46]).

В итоге, с одной стороны, были выявлены общие моменты, такие как крепкая связь этнического языка с сельской средой ввиду моноэтничности сельского населения и преимущественное употребление русского языка в городской среде в связи с многонациональным составом городского населения, преобладанием некоторых идеологий и стереотипов в отношении этнического языка; а также ключевые этапы функционирования марийских языков в системе образования начиная с 1960-х гг. Основными каналами для освоения сельскими жителями (как луговыми, так и горными) русского языка, по результатам в выборке, являлись: система школьного образования; общение с городскими детьми летом; проживание в непосредственной близости от города или районного центра; потребление культуры на русском языке (чтение произведений художественной литературы, кинематограф, влияние радио и телевидения); посещение пионерских лагерей с многонациональным составом воспитанников. Основным источником марийского языка для городских жителей являлась марийская деревня и общение со старшими членами семьи.

С другой стороны, в ходе сопоставительного анализа были отмечены некоторые особенности, характерные для лингвистических биографий респондентов-горномарийцев в выборке. Во-первых, для опрошенных младших когорт дополнительным каналом изучения русского языка выступала воскресная школа, ввиду широкого распространения православия в Горномарийском районе, в отличие от луговых районов Республики Марий Эл, где доминирует православно-языческий синкретизм или — в отдельных районах и местах — бытуют языческие верования. Во-вторых, в наборе языков нескольких респондентов-горномарийцев был назван марийский луговой язык (ни один луговой мариец в выборке не заявил о владении марийским горным), что связано с получением ими образования (среднего, высшего) или ведением трудовой деятельности в Йошкар-Оле. Кроме того, респонденты-горномарийцы выразили обеспокоенность относительно положения марийского горного в некоторых сферах (главным образом в образовательной), несмотря на то, что его статус — наряду с марийским луговым — подтвержден законодательно.

Для обеспечения полноты и достоверности исследования нами были привлечены данные из архивных материалов фондов ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл» об изучении горномарийского языка в общеобразовательных организациях Республики Марий Эл с 1960 по 2002 г. (охват когорт в выборке), а также сводный отчет о динамике изучения языков в РМЭ за 2000—2018 гг. Анализ предоставленных автору материалов позволил сделать несколько важных выводов. Во-первых, в ведении отчетности о распределении школ и учащихся по языку обучения наблюдается тенденция к обобщению данных: в 1960-х гг. довольно полно были представлены сведения не только по количеству и типу школ по языку обучения (марийскому горному, марийскому луговому, русскому), но и по их распределению по районам в Марийской АССР, тогда как в материалах 1970-х и 1980-х гг. сведения, с которыми нам удалось ознакомиться, представлены в более сжатой форме, касаются количества и типа школ (с марийским горным, марийским луговым и русским языками обучения) и количества учащихся по Марийской АССР (общий свод данных и отдельно — сведения по селу и по городу), что в некоторой степени отражало общий характер языковой политики, нацеленной на достижение всеобщего национально-русского двуязычия и идеологической унификации советских людей. Статистические данные за 1991—1992 гг., а также за 2001—2002 гг. отразили новый этап в языковой политике страны — суверенизацию республик и внедрение обязательного изучения марийского в качестве предмета обучения в русскоязычные школы в том числе. В сведениях последних десятилетий о преподавании и обучении на родных языках и изучении предметов, обеспечивающих этнокультурные потребности обучающихся, указывается исключительно «марийский язык», без помет «марийский горный» или «марийский луговой». На наш взгляд, это является косвенным свидетельством изменения в приоритетных направлениях языковой политики, смещенных в сторону русского языка, постепенном ослаблении позиций родных языков в образовании, достигнутых в предшествующий период, и в целом — довольно плачевного состояния марийского горного в системе преподавания и изучения и без того ослабленного *марийского языка*. По признанию респондентов, уроженцев городской среды, изучение ими марийского в качестве государственного едва ли было эффективным.

Таким образом, языковые биографии респондентов, уроженцев Горномарийского района, являются не только отражением, но и закономерным следствием общих тенденций языковой политики, осуществлявшейся в советский и постсоветский периоды на территории Марийской АССР, а затем Республики Марий Эл. В дальнейшем автором планируется рассмотрение языковых биографий уроженцев мест компактного расселения марийцев на территории Российской Федерации (Республики Башкортостан и Татарстан, Кировской и Свердловской областей) и проведение сопоставительного анализа лингвистических биографий республиканских и внереспубликанских респондентов в выборке.

Литература

Алос-и-Фонт 2015 — Э. *Алос-и-Фонт*. Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике: сборник статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2015.

Беликов, Крысин 2016 — В. И. *Беликов*, Л. П. *Крысин*. Социоллингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016.

Васенина 2019 — О. Н. *Васенина*. Вариативность методики в преподавании марийского языка в школах Республики Марий Эл // Национальная культура в социальном пространстве и времени: Материалы V Межрегиональной научно-практической конференции «Йыван Кырла лудмаш» (Йошкар-Ола, 31 марта 2017 г.) / Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, МарНИИЯЛИ, Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2019. С. 240—245.

Васикова 1996 — Л. П. *Васикова*. Равенство подлинное и мнимое. О чем можно спорить и что принимать как должное [Всенародное обсуждение проекта закона о языках] // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1 / Автор-сост. С. М. Червонная; под ред. М. Н. Губогло. М., 1996. С. 109—116.

ВНП 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 года // URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf, 2010.

Галкин, Сибатрова 2013 — И. С. *Галкин*, С. С. *Сибатрова*. Марийский язык // Марийцы. Историко-этнографические очерки. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола, 2013. С. 97—116.

ГАРМЭа — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 8. Д. 779. Л. 27.

ГАРМЭб — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 8. Д. 779. Л. 27 об.

ГАРМЭв — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 8. Д. 779. Л. 28.

ГАРМЭг — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 8. Д. 779. Л. 29.

ГАРМЭд — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 9. Д. 503. Л. 61.

ГАРМЭе — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 9. Д. 503. Л. 62.

ГАРМЭж — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 9. Д. 503. Л. 64.

ГАРМЭз — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 9. Д. 748. Л. 1.

ГАРМЭи — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 9. Д. 748. Л. 2.

ГАРМЭк — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 9. Д. 748. Л. 3.

ГАРМЭл — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 10. Д. 172. Л. 1 об.

ГАРМЭм — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 10. Д. 504. Л. 4.

ГАРМЭн — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 10. Д. 504. Л. 6.

Грачева 2001 — Ф. Т. *Грачева*. Марийский горный язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия: В 3 т. Т. II. М.: Наука, 2001. С. 266—274.

Губогло 1980 — М. Н. *Губогло*. Двужычие и процессы культурной интеграции // Взаимоотношение развития национальных языков и культур. М., 1980. С. 101—119.

Динамика — Динамика контингента учащихся по предметам, обеспечивающим языковые права и этнокультурные потребности обучающихся в общеобразовательных организациях Республики Марий Эл 2000—2018 гг. URL: edu.mari.ru/school/DocLib5/Forms/Alllterms.aspx?RootFolder.

Закон — Закон Республики Марий Эл о языках — Закон Республики Марий Эл «О языках в Республике Марий Эл» // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 2 / Автор-сост. С. М. Червонная; под ред. М. Н. Губогло. М., 1996. С. 184—195.

Кашкин 2018 — Е. В. *Кашкин*. Полевое изучение восточных говоров горномарийского языка: лингвистическая экспедиция МГУ // XVII Игнатъевские чтения. Материалы докладов и выступлений на ежегодной региональной научно-практической конференции «Горные мари в поликультурном пространстве». Йошкар-Ола, 2018. С. 3—12.

Козлова 1978 — К. И. *Козлова*. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

Кондрашкина 2016 — Е. А. *Кондрашкина*. Языковая ситуация в Республике Марий Эл // Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016. С. 746—752.

Конституция — Конституция Республики Марий [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_mariy/chapter/d60e93439c93a0a5348ed8181732bb33/.

Куцаева 2020a — М. В. *Куцаева*. Марийско-татарские языковые контакты в зеркале языковых биографий марийцев Московского региона // Урало-алтайские исследования. 2020, 4 (39). С. 7—23.

Куцаева 2020б — М. В. *Куцаева*. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.

Куцаева 2021a — М. В. *Куцаева*. Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021, вып. 3 (33). С. 49—58.

Куцаева 2021б — М. В. *Куцаева*. Функции этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021, вып. 4 (34). С. 58—72.

- Куцаева 2021в — *М. В. Куцаева*. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021, 2. С. 5—34.
- Куцаева 2022 — *М. В. Куцаева*. Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. 2022, 1 (44). С. 116—153.
- Материалы — Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные вопросы изучения марийской традиционной религии» (25 июня 2020 г.) // Финно-угроведение. 2020, 61. С. 143—212.
- Пенькова 2017 — *М. В. Пенькова*. Русско-горномарийская группа // Оставаясь со своим народом... (К 90-летию со дня рождения профессора Л. П. Васиковой) / Сост. Н. А. Федосеева, Г. А. Эрцикова. Йошкар-Ола, 2017. С. 34—47.
- Сепеев 2006 — *Г. А. Сепеев*. История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006.
- Швецова 2008 — *Г. Н. Швецова*. Образовательная политика в условиях модернизации региональной образовательной системы: Монография. Йошкар-Ола, 2008.
- Dauenhauer, Dauenhauer 1998 — *N. M. Dauenhauer, R. Dauenhauer*. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska // L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. Cambridge University Press, 1998. P. 57—98.
- Joseph 2004 — *J. E. Joseph*. *Language and Identity: National, Ethnic, Religious*. Palgrave Macmillan, 2004.
- Smith-Christmas 2016 — *C. Smith-Christmas*. *Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home*. Palgrave Macmillan, 2016.

References

- Alos-i-Font 2015 — H. Alos-i-Font. *Issledovanie jazykovoj situacii v Chuvashskoj Respublike: sbornik statej*. Cheboksary, 2015. {H. Alos-i-Font. *The Survey of Language Situation in the Chuvash Republic: a collection of papers*. Cheboksary, 2015.}
- Belikov, Krysin 2016 — V. I. Belikov, L. P. Krysin. *Sotsiolingvistika: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury*. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Uright, 2016. {V. I. Belikov, L. P. Krysin. *Sociolinguistics: Textbook for bachelor's and master's degree*. Moscow: Uright, 2016.}
- Dauenhauer, Dauenhauer 1998 — N. M. Dauenhauer, R. Dauenhauer. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska. In: L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. Cambridge University Press, 1998. P. 57—98.
- Dinamika — Dinamika kontingenta uchashhihsja po predmetam, obespechivajushhim jazykovye prava i jetnokul'turnye potrebnosti obuchajushhihsja v obshheobrazovatel'nyh organizacijah Respubliki Marij Jel 2000—2018 gg. {Dynamics of a number of students in subjects providing language rights and ethno—cultural needs of students in general education organizations of the Republic of Mari El in 2000—2018}. URL: edu.mari.ru/school/DocLib5/Forms/Alllterms.aspx?RootFolder.
- Galkin, Sibatrova 2013 — I. S. Galkin, S. S. Sibatrova. *Marijskiy yazyk*. In: *Marijtsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki*. Yoshkar-Ola, 2013. S. 97—116. {I. S. Galkin, S. S. Sibatrova. *Mari language*. In: *Maris. Historical-ethnographic outlines*. Yoshkar-Ola, 2013. P. 97—116.}
- GARMEa — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 8. D. 779. L. 27.
- GARMEb — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 8. D. 779. L. 27 ob.
- GARMEv — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 8. D. 779. L. 28.
- GARMEg — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 8. D. 779. L. 29.
- GARMEd — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 9. D. 503. L. 61.
- GARMEe — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 9. D. 503. L. 62.
- GARMEzh — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 9. D. 503. L. 64.
- GARMEz — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 9. D. 748. L. 1.
- GARMEi — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 9. D. 748. L. 2.
- GARMEk — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 9. D. 748. L. 3.

GARMEI — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 10. D. 172. L. 1 ob.

GARMEem — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 10. D. 504. L. 4.

GARMEen — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 10. D. 504. L. 6.

Gracheva 2001 — F. T. Gracheva. Marijskij gornyj yazyk. In: Yazyki Rossijskoj Federatsii i sosednih gosudarstv. Ent-siklopediya: V 3 t. T. II. Moskva: Nauka, 2001. S. 266—274. {F. T. Gracheva. Mari Hill language. In: Languages of the Russian Federation and neighbouring states. Encyclopedia: In 3 vol. Vol. II. Moscow: Nauka, 2001. P. 266—274.}

Guboglo 1980 — M. N. Guboglo. Dvuyazychie i protsessy kul'turnoi integratsii. In: Vzaimootnoshenie razvitiya natsional'nykh yazykov i kul'tur. Moskva, 1980. S. 101—119. {M. N. Guboglo. Bilingualism and processes of cultural integration. In: Interrelation in national languages and cultures development. Moscow, 1980. P. 101—119.}

Joseph 2004 — J. E. Joseph. Language and Identity: National, Ethnic, Religious. Palgrave Macmillan, 2004.

Kashkin 2018 — E. V. Kashkin. Polevoe izuchenie vostochnyh govorov gornomarijskogo yazyka: lingvisticheskaya ekspeditsiya MGU. In: XVII Ignat'evskie chteniya. Materialy dokladov I vystuplenij. Yoshkar-Ola, 2018. S. 3—12. {E. V. Kashkin. Field study of eastern dialects of Hill Mari language: MSU linguistic expedition. In: XVII Ignatiev's readings. Materials of reports and presentations. Yoshkar-Ola, 2018. P. 3—12.}

Kozlova 1978 — K. I. Kozlova. Ocherki ehnticheskoi istorii mariiskogo naroda. Moskva, 1978. {K. I. Kozlova. Out-lines of Mari people's ethnic history. Moscow, 1978.}

Kondrashkina 2016 — E. A. Kondrashkina. Yazykovaya situatsiya v Respublike Marii Ehl. In: Yazyk i obshchestvo. Ehntsiklopediya. Moskva, 2016. S. 746—752. {E. A. Kondrashkina. Language situation in the Republic of Mari El. In: Language and society. Encyclopedia. Moscow, 2016. P. 746—752.}

Konstitutsiya — Konstitutsiya Respubliki Marij El [The Constitution of the Republic of Mari El]. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_mariy/chapter/d60e93439c93a0a5348ed8181732bb33/.

Kutsaeva 2020a — M. V. Kutsaeva. Mariisko-tatarskie yazykovye kontakty v zerkale yazykovykh biografii mariitsev Moskovskogo regiona. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2020, 4 (39). S. 7—23. {M. V. Kutsaeva. Mari-Tatar language contacts as reflected in the language biographies of Moscow region Mari. In: Ural-Altaiic Studies. 2020, 4 (39). P. 7—23.}

Kutsaeva 2020b — M. V. Kutsaeva. Funktsionirovanie ehnticheskogo yazyka v chuvashskoi diaspore moskovskogo regiona. Moskva; Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2020. {M. V. Kutsaeva. Functioning of the ethnic language in the Chuvash diaspora of Moscow region. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020.}

Kutsaeva 2021a — M. V. Kutsaeva. Rannee osvoenie etnicheskogo yazyka v marijskoj diaspore moskovskogo regiona. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021, 3 (33). S. 49—58. {M. V. Kutsaeva. Early language acquisition in Moscow region Mari diaspora. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021, 3 (33). P. 49—58.}

Kutsaeva 2021b — M. V. Kutsaeva. Funktsii etnicheskogo yazyka v marijskoj diaspore moskovskogo regiona. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021, 4 (34). S. 58—72. {M. V. Kutsaeva. Functions of the ethnic language in the Mari diaspora of the Moscow region. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021, 4 (34). P. 58—72.}

Kutsaeva 2021v — M. V. Kutsaeva. Novye nositeli marijskogo kak faktor vital'nosti etnicheskogo yazyka v diaspore. In: Rodnoj Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal. 2021, 2. S. 5—34. {M. V. Kutsaeva. New speakers of Mari as a factor in diaspora language vitality. In: Native language. Linguistic journal. 2021, 2. P. 5—34.}

Kutsaeva 2022 — M. V. Kutsaeva. Yazykovye biografii predstavitelej marijskoj diaspory moskovskogo regiona (urozhentsev rajonov rasprostraneniya lugovogo marijskogo yazyka v Respublike Marij El). In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2022, 1 (44). S. 116—153. {M. V. Kutsaeva M. V. Language biographies of the Maris of the Moscow region — the natives of the areas where the Meadow Mari language is spoken in the republic of Mari El. In: Ural-Altaiic Studies. 2022, 1 (44). P. 116—153.}

Materialy — Materialy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nye voprosy izucheniya marijskoj traditsionnoj religii» (25 ijunya 2020 g.). In: Finno-ugrovedenie, 2020. S. 143—212. {Papers of the interregional scientific and practical conference “Topical issues of the study of the Mari traditional religion” (June 25, 2020). In: Finno-Ugrovedenie. 2020, 61. P. 143—212.}

Penkova 2017 — M. V. Penkova. Russko-gornomarijskaja gruppa. In: Ostavajas' so svoim narodom... (K 90-letiju so dnja rozhdenija professora L. P. Vasikovoj). Sost. N. A. Fedoseeva, G. A. Ertsikova. Yoshkar-Ola, 2017. S. 34—47. {M. V. Penkova. Russian-Hill Mari Group. In: N. A. Fedoseeva, G. A. Ertsikova (eds.). Staying with your people ... (On the 90th anniversary of prof. L. P. Vasikova). Yoshkar-Ola, 2017. P. 34—47.}

Sepeev 2006 — G. A. Sepeev. Istoriya rasseleniya mariitsev. Yoshkar-Ola, 2006. {G. A. Sepeyev. History of Maris' settlement. Yoshkar-Ola, 2006.}

Shvetsova 2008 — G. N. Shvetsova. Obrazovatel'naja politika v usloviyah modernizatsii regional'noj obrazovatel'noj sistemy: Monografija. Yoshkar-Ola, 2008. {G. N. Shvetsova. Educational policy in the context of modernization of the regional educational system: Monograph. Yoshkar-Ola, 2008.}

Smith-Christmas 2016 — C. Smith-Christmas. *Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home*. Palgrave Macmillan, 2016.

Vasenina 2019 — O. N. Vasenina. Variativnost' metodiki v prepodavanii mariiskogo yazyka v shkolakh Respubliki Marii Ehl. In: *Natsional'naya kul'tura v sotsial'nom prostranstve i vremeni: materialy V Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Iyvan Kyrly ludmash"* (Ioshkar-Ola, 31 marta 2017 g.): Ministerstvo kul'tury, pechati i po delam natsional'nostei Respubliki Marii Ehl, MarNIIYaLI, Mar. gos. un-t. Ioshkar-Ola, 2019. S. 240—245. {O. N. Vasenina. Variability of methodology in Mari-language teaching at schools in the Republic of Mari El. In: *National culture in social space and time: papers of V interregional scientific-practical conference*. Yoshkar-Ola, 2017. P. 240—245.}

Vasikova 1996 — L. P. Vasikova. Ravenstvo podlinnoe i mnimoe. O chem možno sporit' i chto prinitat' kak dolzhnoe [Vsenarodnoe obsuzhdenie proekta zakona o yazykakh]. In: S. M. Chervonnaya, M. N. Guboglo (eds.). *Probuzhdenie finno-ugorskogo Severa. Opyt Marij Ehl*. T. 1. Moskva, 1996. S. 109—116. {L. P. Vasikova. Real and false equality. What can be argued about or taken for granted [Public discussion of a Law on Languages]. In: M. N. Guboglo (ed.). *The wakening of Finno-Ugric North. The Mari El experience*. Vol. 1. Moscow, 1996. P. 184—195.}

VNP 2010 — Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 goda. {The All-Russian Census of 2010.} https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf, 2010.

Zakon Respubliki Marii Ehl o yazykakh — Zakon Respubliki Marii Ehl "O yazykakh v Respublike Marii Ehl". In: S. M. Chervonnaya, M. N. Guboglo (eds.). *Probuzhdenie finno-ugorskogo Severa. Opyt Marij Ehl*. T. 2. Moskva, 1996. S. 184—195. {Law of the Republic of Mari El "On the languages in the Republic of Mari El". In: S. M. Chervonnaya, M. N. Guboglo (eds.). *The wakening of Finno-Ugric North. The Mari El experience*. Vol. 1. Moscow, 1996. P. 184—195.}

Релятивизация в малокарачкинском говоре чувашского языка. К типологии обобщенных приименных клаузалъных конструкций

Логвинова Наталья Николаевна, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург),
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); natalielo009@gmail.com

В настоящей статье рассматриваются особенности релятивизации в малокарачкинском говоре чувашского языка (> болгарские > тюркские). На основе данных эликации показано, что в исследуемом говоре при релятивизации преимущественно используется стратегия пробела [Comrie, Kuteva 2005], а собственно синтаксические ограничения на релятивизуемую позицию слабы. Так, для релятивизации недоступны только позиции каритивного дополнения и основания сравнения. При этом успешность релятивизации зачастую зависит от естественности связи между предикатом и аргументом в позиции мишени релятивизации. Слабость чисто синтаксических ограничений и опора на прагматическую естественность дают основание рассматривать данные малокарачкинского говора в контексте теории о приименных клаузалъных конструкциях [Matsumoto et al. 2017]. Малокарачкинский говор занимает промежуточное положение в типологии ОПКК, поскольку в нем практически недопустимы фреймовые конструкции. Более того, между относительными клаузами и приименными сентенциальными компонентами имеется ряд синтаксических отличий, не позволяющих отождествить эти две конструкции в описываемом идиоме. Обзор литературы, посвященной явлению ОПКК, показал, что для тюркских языков фреймовые конструкции, как правило, не описываются, а конструкции релятивизации и приименной комплиментации, синтаксически нетождественны во всех исследованных языках. Таким образом, данные малокарачкинского чувашского и некоторых других идиомов показывают, что явление ОПКК оказывается значительно менее однородным, чем оно представлено в [Matsumoto et al. 2017].

Ключевые слова: чувашский язык, диалектология, релятивизация, именная модификация, имя существительное, семантика, синтаксис

RELATIVIZATION IN THE MALOE KARACHKINO DIALECT OF CHUVASH. ON THE TYPOLOGY OF GENERAL NOUN-MODIFYING CLAUSE CONSTRUCTIONS

Natalia N. Logvinova, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Science (Saint-Petersburg),
National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); natalielo009@gmail.com

The article analyzes features of relativization in Maloe Karachkino dialect of Chuvash (> Bulgar > Turkic). The elicitation data (collected by the author in a series of field trips from 2018 to 2020) shows that the gap strategy [Comrie, Kuteva 2005] is the main relativization mechanism in Maloe Karachkino dialect, and the syntactic restrictions on the relativized position are very weak. More precisely, only the positions of caritive object and object of comparison are not available for relativization. Otherwise, Maloe Karachkino dialect covers almost the entire Accessibility Hierarchy [Keenan, Comrie 1979]. At the same time, the success of relativization often depends on the naturalness of the connection between the predicate and the argument in the target position. The weakness of purely syntactic restrictions and the reliance on pragmatic naturalness give grounds to consider the Maloe Karachkino’s data in the context of the theory of General noun-modifying clause constructions (GNMC) [Matsumoto et al. 2017]. Maloe Karachkino dialect then occupies an intermediate position in the GNMC typology, since it shows identical design of relative clauses and noun-modifying sentential complements, but only limitedly allows frame constructions, which are supposed to be diagnostic of GNMC. However, as shown in the article, there are certain syntactic differences between relativization clauses and nominal sentential complements. In addition, the revision of the existing literature on the GNMC phenomenon, indicates that frame constructions are usually not described for the Turkic languages. Moreover, a more detailed analysis of the constructions for relativization and complementation reveals the non-identity of these structures in all languages where any diagnostics were carried out. Thus, the data of the Maloe Karachkino dialect contributes to the typology of phenomena that have recently been united under the term of GNMC. The data of this and some other idioms show that GNMC phenomenon turns out to be much less homogeneous than it is proposed to consider in [Matsumoto et al. 2017].

Keywords: Chuvash language, dialectology, relativization, nominal modification, noun, semantics, syntax

Работа велась при поддержке гранта РФФИ № 20-312-70009 «Грамматические особенности тюркских языков Поволжья». Автор благодарит анонимных рецензентов, а также Марию Александровну Холодилькову за ценные замечания.

1. Введение

Настоящая статья посвящена особенностям релятивизации в малокарачкинском говоре чувашского языка (> болгарские > тюркские).

Релятивные клаузы описывают партиципанта ситуации главной клаузы через его участие в некоторой другой ситуации, переданной в относительной клаузе [Lehman 1986]. Так, в предложении (1) относительная клауза (в квадратных скобках) указывает на дополнительную характеристику города, а именно — что говорящий жил в этом городе, когда был ребенком:

- (1) [ep atea teok-ni-a poran-nə] xola xitre¹
я ребенок время-Р_3-OBJ жить-РС_PST город красивый
'Город, в котором я жил в детстве, — красивый'.

В независимом предложении (2), сконструированном на основе относительной клаузы в (1), существительное *xola* занимает синтаксическую позицию локативного дополнения:

- (2) ep ku xola-ra atea teok-ni-a poran-za
я этот город-LOC ребенок время-Р_3-OBJ жить-CV_SIM
'Я жил в этом городе в детстве'.

Таким образом, позиция локативного дополнения является релятивизируемой позицией, или мишенью релятивизации, в относительной конструкции в (1).

С точки зрения наиболее известной типологии релятивизации [Comrie, Kuteva 2005] стратегия, которой следует чувашский язык, может быть охарактеризована как «стратегия пробела» (*gap strategy*)². При этой стратегии в зависимой клаузе отсутствуют любые морфосинтаксические элементы, отсылающие к вершине. Так, в русском предложении в (3) относительная клауза содержит относительное местоимение (в) *котором*_{LOC}, кореферентное вершине *город*:

- (3) *Город, в котором я жил в детстве, красивый.*

Наоборот, в примере (1) относительная клауза не содержит никакого элемента, кореферентного вершине конструкции *xola* 'город'. Вместе с тем распространенный теоретический анализ этой стратегии [Кауне 1994; de Vries 2002] предполагает наличие внутри относительной конструкции «пробела», соответствующего позиции мишени релятивизации и референциально связанного с вершиной:

- (4) [ep ____; atea teoxn'a poran-nə] xola; xitre

Поскольку позиция мишени при стратегии пробела остается формально незаполненной (ср. русское предложение (3), где позицию мишени релятивизации занимает относительное местоимение), одной из ключевых проблем в конструкциях, следующих этой стратегии, является восстановимость синтаксической роли мишени (*case recoverability problem*) [Givon 1984/2001: 184; Shagal 2019: 76]. Действительно, в противоположность примеру (3) из русского, где синтаксическая роль мишени эксплицитно указывается падежом относительного местоимения, в чувашском примере (1) отсутствует любой морфосинтаксический материал, позволяющий однозначно сказать, что релятивизируется позиция локативного дополнения. Согласно теории Т. Гивона [Givon 1984/2001], при восстановлении синтаксической позиции мишени в языках со стратегией пробела релевантной оказывается информация о целом ряде факторов, включая 1) валентностную рамку предиката, 2) лексическую семантику вершинного имени и 3) падежное маркирование других аргументов внутри относительной клаузы. В частности, за успешность релятивизации в (1), по всей видимости, отвечает то, что существительное типа *xola* 'город' является естественным ар-

¹ Используемые в статье системы глоссирования и транскрипции разработаны Чувашским экспедиционным проектом под руководством Марии Александровны Холодиловой, при непосредственном участии Максима Леонидовича Федотова и Влады Вячеславовны Барановой.

² Кроме стратегии пробела, в малокарачкинском говоре допустима стратегия с вопросительными местоимениями *sta* 'где', *xəndə* 'когда', *kat* 'кто', *mən* 'что' и *xəzə* 'который'. Местоимения *kat*, *mən* и *xəzə* типологически похожи на относительные местоимения, так как могут изменяться по падежам:

- (i) xēr atea xəzə-ba arzın atea vili-at xitre
девушка ребенок который-INS мужчина ребенок играть-NPST[3SG] красивый
'Девочка, с которой играет мальчик, красивая'.

Далее в настоящей работе такие конструкции не рассматриваются.

гументом предиката типа *porən* ‘жить’. В случае если связь между вершиной и предикатом трудновосстановима, в некоторых языках со стратегией пробела релятивизация может быть затруднена [Shagal 2019: 76].

В настоящей статье не только подробно рассматриваются особенности малокарачкнской релятивизации и значение этого материала для типологии, но и обсуждается, насколько анализ в духе стратегии пробела релевантен для чувашских данных. Как будет показано далее, малокарачкнская релятивизация демонстрирует крайне мало собственно синтаксических ограничений. Кроме того, в некоторых аспектах малокарачкнские конструкции сближаются с так называемыми обобщенными приименными клаузуальными конструкциями (далее — ОПКК), постулируемыми для многих языков Евразии [Matsumoto et al. 2017]. Вместе с тем малокарачкнская система существенно отличается от «типичных» ОПКК, что, вкупе с данными из других идиомов, еще раз подтверждает — ОПКК является значительно более комплексным феноменом, чем предполагается на сегодняшний день.

Далее в статье рассматривается релятивизация в относительных конструкциях с причастиями на *-agan/-egen* (т. н. «причастие настоящего времени»), *-nə/-nĕ* (т. н. «причастие прошедшего времени») и *-man/-mĕn*³ («отрицательное причастие»). В малокарачкнском говоре в функции причастия не употребляется форма на *-as/-es*, характеризующаяся грамматикой [Павлов и др. 1957: 223] как «причастие будущего времени». Эта глагольная форма встречается преимущественно в составе модальных конструкций *V-as/-es + pul* ‘должен V’, *V-as/-es + te* ‘собирается V’. Не употребляются также «причастие притворного действия» (*кур* ‘видеть’ → *кур-ман-ци* ‘притворившийся невидящим’ [там же: 232]) и «причастие возможности» (*кур-и* ‘могущий видеть’ [там же: 230]). Причастия долженствования (малокарачкнская форма на *-malı/-meli*) и достаточности на *-malək/-melĕk* обладают сложной семантикой и специфическими ограничениями, поэтому данные о релятивизации для этих причастий в настоящей работе последовательно не обсуждаются.

Материалы, представленные в статье, были собраны методом эликации в ходе трех экспедиций (с 2018 по 2021 г.) в с. Малое Карачкино Ядринского района Чувашской республики. Малокарачкнский говор имеет ряд существенных отличий от литературного чувашского, в общем виде описанных еще в [Ашмарин 1898: 344—392].

Настоящая статья состоит из **пяти** разделов, включая введение. **Второй** раздел посвящен исследованию возможностей релятивизации и ограничений на релятивизацию различных мишеней в малокарачкнском диалекте. В **третьем** разделе обсуждается вопрос существования в чувашском обобщенных приименных клаузуальных конструкций. В **четвертом** дается комментарий к существующей типологии ОПКК и месту малокарачкнского диалекта в этой типологии. Работа завершается разделом, суммирующим основные выводы.

2. Основные возможности и ограничения релятивизации

2.1. Большая свобода и контекстная ориентированность

Для релятивизации в малокарачкнском говоре доступны практически все, даже самые глубокие, позиции иерархии Кинэна — Комри [Keenan, Comrie 1979: 66]. Таблица 1 иллюстрирует доступность релятивизации для каждой из причастных форм на основании расширенной иерархии: отдельно рассматриваются актантные и неактантные именные зависимые, кодируемые разными косвенными падежами — локативом (LOC), аблативом (ABL), казуалисом (CSL) и каритивом (CAR).

Таблица 1. Доступность разных синтаксических позиций для релятивизации

Причастие	SU	DO	IO	LOC	ABL	INS	CSL	CAR	GEN	OCOMP
<i>-agan/-egen</i>	+	+	+	+	+	+	+	—	+	—
<i>-nə/-nĕ</i>	+	+	+	+	+	+	+	—	+	—
<i>-m-an/-m-en</i>	+	+	+	+	+	+	+	—	+	—

SU — подлежащее, DO — прямое дополнение, IO — не прямое дополнение, LOC — локативное дополнение, ABL — аблативное дополнение, INS — инструментальное дополнение, CSL — казуальное дополнение, GEN — посессор, OCOMP — основание сравнения.

³ Варианты аффикса обусловлены сингармонизмом по ряду в чувашском языке.

Как видно из таблицы 1, в малокарачкском говоре для релятивизации недоступны только дополнения, кодируемые каритивным падежом, и именные группы с ролью основания сравнения. Ср. следующую пару примеров, иллюстрирующих релятивизацию субъекта и основания сравнения соответственно:

- (5) a. *man-ran lajak-rak vëren-egen xër atea parda*
 я.OBL-ABL хороший-СМРР учиться-РС_PRS девушка ребенок парта
xoş-in-dze lar-at
 промежуток-Р_3-LOC сидеть-NPST[3SG]
 ‘Девочка, которая учится лучше меня, сидит за партой’.
- b. **ep lajak-rak vëren-egen xër atea parda xoş-in-dze lar-at*
 я хороший-СМРР учиться-РС_PRS девушка ребенок парта середина-Р_3-LOC сидеть-NPST[3SG]
 ‘Девочка, лучше которой я учусь, сидит за партой’.

Релятивизация позиций SU—LOC, как правило, не вызывает сложностей. Некоторые ограничения на релятивизацию позиций ниже позиции локативного дополнения (LOC) будут обсуждаться в разделе 2.2. Сейчас же остановимся на таком свойстве чувашских причастий, как контекстная ориентированность [Haspelmath 1994: 153].

Как показывает таблица 1, в малокарачкском чувашском одно и то же причастие используется для релятивизации разных синтаксических позиций. То, что форма причастия не меняется в зависимости от релятивизируемой позиции, значит, что одна и та же конструкция может потенциально иметь несколько интерпретаций, как в (6):

- (6) *ep kaj-agan ein man joldaş*
 я идти-РС_PRS человек я.GEN друг
 1. ‘Человек, к которому я иду (в гости), — мой друг’.
 2. ‘Человек, с которым я иду (на концерт), — мой друг’.

Толкования 1 и 2 соответствуют релятивизации позиции прямого и инструментального дополнения. Выбор между возможными интерпретациями в данном случае целиком определяется контекстом. Так, интерпретация 1 возможна, если высказывание в (6) служит ответом на вопрос ‘Кто тот человек, к которому ты идешь?’, а интерпретация 2 — при ответе на вопрос ‘Кто тот человек, с которым ты идешь (на концерт)?’. Стоит сказать, что вне контекста пример (6) оказывается вообще неприемлем для носителей, так как отношение, связывающее референта ‘человек’ и ситуацию ‘я иду’, неконвенционально. Это ограничение показывает, что приемлемость относительных конструкций в малокарачкском говоре в значительной степени определяется прагматикой.

При том что некоторые относительные конструкции могут иметь несколько толкований, как в (6), одна интерпретация вне контекста может быть более предпочтительной, чем другая. Иными словами, релятивизируемые позиции, по-видимому, демонстрируют некоторую иерархию с точки зрения естественности релятивизации по этой позиции. Вместе с тем доступные свидетельства существования подобной иерархии ограничены контекстами, в которых при предикате есть как минимум два необязательных аргумента с прагматически симметричными статусами. Такими предикатами являются по крайней мере глаголы движения и особая подгруппа глаголов речи. Так, глаголы движения, как правило, могут иметь (но не требуют) аргументы с семантической ролью цели и исходной точки. Эти роли в некотором смысле «равноправны» в ситуации перемещения. Другой похожий пример составляют трехместные глаголы говорения типа *сплетничать* и *жаловаться*. При глаголах типа *сплетничать* и *жаловаться* участники с ролью адресата (*жаловаться маме*) и контрагента (*жаловаться на Петю*) прагматически не симметричны, но любой из двух участников может потенциально занимать любую из двух возможных позиций. Таким образом, относительные клаузы, образованные от приведенных предикатов, в чувашском могут допускать как минимум две интерпретации, как в примерах (7)—(10):

- (7) *Saşə iş-se pır-agan eiran-ə*
 Саша плыть-CV_SIM идти-РС_PRS берег-Р_3
 1. ‘Берег, к которому плывет Саша’. — цель / прямой объект
 2. ‘Берег, от которого плывет Саша’. — исходный пункт / аблативное дополнение
- (8) *Saşə vëc-se pır-agan xol-i*
 Саша лететь-CV_SIM идти-РС_PRS город-Р_3
 1. ‘Город, в который летит Саша’. — цель / прямой объект
 2. ‘Город, из которого летит Саша’. — исходный пункт / аблативное дополнение

- (9) *Saṣa elekle-në ėin-ə*
 Саша сплетничать человек-Р_3
 1. ‘Человек, о котором сплетничает Саша’. — топик / прямой объект
 2. ‘Человек, с которым сплетничает Саша’. — комитатив / непрямой объект
- (10) *Saṣa kala-za par-nə ėin-ə*
 Саша говорить-CV_SIM давать-PC_PST человек-Р_3
 3. ‘Человек, на которого жалуется Саша’. — контрагент / прямой объект
 4. ‘Человек, которому жалуется Саша’. — адресат / непрямой объект

В онлайн-опросе⁴, проведенном для носителей разных говоров чувашского языка, было установлено, что большинство респондентов в каждом случае отдавало предпочтение первой интерпретации ((7): 25/5, (8): 25/5, (9): 22/8, (10): 27/3). Таким образом, опрошенные носители последовательно предпочитали интерпретацию с релятивизацией цели (прямого объекта) интерпретации с релятивизацией исходного пункта (аблативного дополнения), а интерпретацию с релятивизацией контрагента (прямого объекта) — интерпретации с релятивизацией адресата (косвенного объекта):

- (11) DO > ABL
 DO > OBL

Схожие закономерности предпочтительности интерпретации с релятивизацией цели отмечены для корейского [Comrie 1989: 152], а о предпочтительности интерпретации с релятивизацией цели и контрагента — для турецкого [Haig 1998]. Насколько эти факты являются универсальными для языков, использующих стратегию пробела, в настоящий момент сказать трудно, поскольку литература, посвященная этому вопросу, за исключением приведенных ссылок, автору неизвестна. Однако асимметрия цели и исходного пункта множество раз отмечалась в разных лингвистических исследованиях (см. [Корецка, Vuillermet 2021]).

Контекстная ориентированность причастных форм также способствует тому, что одно причастие может релятивизовать разные позиции в двух и более сочиненных относительных клаузах:

- (12) [[*ėamrək tɔok-ni-a Peti-a (jorat-nə)*] *tada* [*vatlək-ra Vaėə jorat-nə*]] *xër₁ arəm₂*
 молодой время-Р_3-ОВJ Петя-ОВJ любить-PC_PST и старость-LOC Вася любить-PC_PST женщина_{1,2}
 ‘Женщина, которая в молодости любила Петю, а в старости была любима Васей’.

В (12) мишенью релятивизации при причастии *jorat-nə* ‘любить-PC_PST’ являются сразу две синтаксические позиции — субъекта и прямого дополнения. При этом, как видно из примера, кроме сочинения зависимых клауз, возможно использование одной причастной формы для релятивизации обеих мишеней.

2.2. Некоторые ограничения на релятивизацию

2.2.1. Ограничения на релятивизацию аблативных, инструментальных и каритивных дополнений

В настоящем разделе отдельно описываются некоторые наблюдаемые ограничения на релятивизацию позиций ниже позиции локативного дополнения в иерархии Кинэна — Комри.

Помимо значения отдаления от некоторого предмета (13)—(14), **аблативный** падеж в чувашском языке также используется для кодирования участника, посредством которого совершается действие [Иванов 1953: 177] (15), материала (16), причины и стандарта сравнения. Релятивизация доступна для дополнений, выражающих все перечисленные аблативные значения, кроме основания сравнения.

⁴ Опрос проводился на платформе Google Forms. Помимо данных об интерпретации предложений на чувашском, в опросе собиралась базовая социологическая информация о респондентах: возраст, диалект (верховой/низовой/не знаю) и самостоятельно оцениваемый уровень владения чувашским языком. Кроме того, для проверки степени владения чувашским языком участникам предлагалось перевести с русского на чувашский тестовое предложение. В результате не рассматривались ответы участников, оценивших свой уровень владения как ограниченный (или ниже) либо не предложивших корректного перевода тестового предложения. Количество респондентов, чьи оценки были учтены, таким образом, составило 30 человек с медианным возрастом 42 года. Носителям сначала демонстрировалась фотография, изображающая ситуацию, описываемую конкретным предложением в (7)—(10), а потом — соответствующее предложение на чувашском языке. Респондентам предлагалось ответить, о каком месте или человеке на фотографии идет речь.

- (13) [*per tok-sa kaj-agan*] *xola per-e kilēs-se*
мы выходить-CV_SIM идти-PC_PRS город мы-OBJ нравиться-CV_SIM
‘Город, из которого мы уезжаем, нам понравился’.
- (14) [*ep ku kēnege il-nē*] *uteitēl on-a kaj-a-la ijd-at*
я этот книга брать-PC_PST учитель он.OBL-OBJ зад-OBJ-ALL просить-NPST[3SG]
‘Учитель, у которого я взял эту книгу, просит ее обратно’.
- (15) [*ep kēnege-zem bar-z=er-nē*] *xēr₁ atca₂ man-a polāz-at*
я книга-PL давать-CV_SIM=пустить-PC_PST девочка_{1,2} я.OBJ-OBJ помогать-NPST[3SG]
‘Девочка, через которую я передал книги, мне помогает’.
- (16) а. *ku sir lajək sēt-ren tər-at*
этот сыр хороший молоко-ABL стоять-NPST[3SG]
‘Этот сыр состоит из хорошего молока’.
б. [*ku sir tər-agan*] *sēt lajək*
этот сыр стоять-PC_PRS молоко хороший
‘Молоко, из которого состоит этот сыр, — хорошее’.

В противоположность примерам выше, релятивизация аблативных дополнений со значением причины не всегда возможна:

- (17) а. *ku ėirla-ran man xirəm irad-at*
этот ягода-ABL я.OBL живот болеть-NPST[3SG]
‘У меня болит живот от этой ягоды’.
б. **man xirəm irad-agan ėirla an ėi*
я.GEN живот болеть-PC_PRS ягода PRON есть[IMP.2SG]
‘Не ешь ягоду, от которой у меня болит живот’.
- (18) а. *ep kəstər-dan ožən-d-əm*
я костер-ABL согреться-PST-1SG
‘Я согрелся от костра’.
б. *ep ožən-nə kəstər-a synder*
я согреться-PC_PST костер-OBJ тушить[IMP.2SG]
‘Потуши костер, от которого я согрелся’.

Разница между (17) и (18), по-видимому, заключается в степени связанности следствия и причины. Если в (17) события «(съесть) ягоду» и «болит живот» связаны косвенно и неодновременны, события «согреться от костра» и «тушить костер» принадлежат к одной ситуации («разводить костер, чтобы согреться») и являются разными стадиями ее развития (о значимости параметра временного соотношения причины и следствия см. [Заика 2019: 21]).

Без исключений не допускает релятивизации позиция основания сравнения:

- (19) а. *ep ku atca-ran vərəm-rak seg-e-p*
я этот ребенок-ABL длинный-CMPR прыгать-NPST-1SG
‘Я прыгаю выше, чем этот ребенок’.
б. **[ep vərəm-rak seg-egen] atca on-da tob-ən-at*
я длинный-CMPR прыгать-PC_PRS ребенок он.OBL-LOC найти-REFL-NPST[3SG]
‘Там найдется ребенок, выше которого я прыгаю’.

К основным функциям **инструменталиса** в чувашском относится выражение комитатива, средства или орудия (20), с помощью которого совершается действие, пролатива (21) и некоторых других неаргументных отношений. Большинство инструментальных дополнений доступны для релятивизации:

- (20) [*ep vodə ėor-nə*] *pordə podval-da vird-at*
я дрова рвать-PC_PST топор подвал-LOC лежать-NPST[3SG]
‘Топор, которым я наколол дрова, лежит в подвале’.
- (21) а. *ep kil-e oj-ba ot-r-əm*
я дом-OBJ поле-INS идти-PST-1SG
‘Я шел домой полем’.

- б. [ep kil-e od-agan] oj sarlaga
я дом-ОБВ идти-РС_PRS поле широкий
'Поле, которым я иду домой, широкое'.

Несколько ограничена, по всей видимости, релятивизация неаргументных инструментальных дополнений с комитативным значением (22)—(23). Опрошенным носителям такие конструкции кажутся не полностью приемлемыми, однако запрет не является категоричным.

- (22) а. ep joldaş-pa pört t-a-p
я друг-INS дом делать-NPST-1SG
'Я строю дом с другом'.
б. ?[ep pört t-agan] joldaş pet ёёteen
я дом делать-РС_PRS друг очень трудолюбивый
'Друг, с которым я строю дом, очень трудолюбивый'.
- (23) а. man joldaş (man eki-be) taşl-at
я.GEN друг я.GEN старшая_сестра-INS танцевать-NPST[3SG]
'Мой друг танцует (с моей старшей сестрой)'.
б. ?[man joldaş taşl-agan] xër — man eki
я.GEN друг танцевать-РС_PRS девушка я.GEN старшая_сестра
'Девушка, с которой танцует мой друг, — моя старшая сестра'.

При добавлении внутрь зависимой клаузы наречия *përle* 'вместе' структуры в (22)—(23) становятся бесспорно грамматичными:

- (24) ep përlе pört t-agan joldaş pet ёёteen
я вместе дом делать-РС_PRS друг очень трудолюбивый
'Друг, вместе с которым я строю дом, очень трудолюбивый'.

Таким образом, для успешной релятивизации комитативного дополнения необходимо наличие семантики совместности совершения действия в предикативной группе. Однако более исчерпывающее определение данному феномену в рамках настоящей статьи дать затруднительно.

Ограничения на релятивизацию инструментальных дополнений в конструкции с пробелом ранее описывались для китайского языка в [Коу 2016]. В китайском стратегия пробела возможна только в конструкциях, где вершина относительной клаузы имеет комитативную семантическую роль, как в случае с существительными типа *однокурсник*, *коллега*, *попутчик*, *партнер по танцам* и др. Для большинства слов, приводимых в статье Х. Коу, не находится непроеизводных чувашских эквивалентов. Однако конструкции с заимствованными существительными комитативной семантики также оказываются неприемлемы:

- (25) *ku ep ёёл-egen kolegə
это я работать-РС_PRS коллега
'Это коллега, с которым я работаю'.

Если инструментальное дополнение с комитативным значением входит в валентностную рамку глагола, релятивизация, как правило, не вызывает проблем, как в (26б). В противоположность примеру (23), (26б) представляется носителям полностью приемлемым:

- (26) а. ep ygeryzë-be tël pol-za
я художник-INS место быть-CV_SIM
'Я встретился с художником'.
б. ep tël pol-nə ёin ygeryzë
я место быть-РС_PST человек художник
'Человек, с которым я встретился, — художник'.

Отсутствуют ограничения на релятивизацию и при других предикатах, имеющих валентность на инструментальное дополнение (*palaş* 'знакомиться (с кем-то)', *nagradəla* 'наградить (чем-то)', *kabərlandar* 'украсить (чем-то)').

По всей видимости, недопустима релятивизация дополнений, кодируемых **каритивом**. В (276) и (286) приводятся примеры, в которых каритивная именная группа может рассматриваться как актантная, однако релятивизация невозможна:

- (27) а. *ep ku ein-zər porən-i-me-p*
я этот человек-CAR жить-POT-NEG.PRS-1SG
‘Я не могу жить без этого человека’.
- б. **ep porən-i-men ein t̄as=t̄as kil-et*
я жить-POT-NEG.PC_RES человек скоро=скоро приходить-NPST[3SG]
‘Человек, без которого я не могу жить, скоро приедет’.
- (28) а. *ep san pirgi teamadan-zər jol-d-əm*
я ты.GEN из-за чемодан-CAR оставаться-PST-1SG
‘Я остался без чемодана по твоей вине’.
- б. **ep jol-nə teamadan pazar-da sod-at̄e*
я остаться-PC_PST чемодан базар-LOC продавать-NPST.3PL
‘Чемодан, которого я лишился, теперь продают на рынке’.

То, что каритивное дополнение является наименее доступным для релятивизации, также объяснимо прагматически. Семантическая роль *абсенса* (участника, кодируемого каритивом) в [Оскольская и др. 2020] определяется как невовлеченность референта в описываемую ситуацию. Для процесса релятивизации, подразумевающего восстановление отношения между ситуацией, описываемой в зависимой клаузе, и вершиной, «отрицательное присутствие» участника, по-видимому, является слишком сложным статусом. Иначе говоря, слушающему сложно предположить, что референт, указанный в вершине, находится в некотором отношении к ситуации, описываемой в придаточном, однако это отношение таково, что этот референт в данной ситуации отсутствовал.

2.2.2. Релятивизация послеложных групп

Возможность релятивизации послеложных групп зависит от того, является ли дополнение, кодируемое послелогом, актантом предиката в зависимой клаузе или нет. Как показывают примеры (29)—(30), актантные послеложные ИГ, кодируемые послелогом *ein* ‘о’ и *omənd̄a* ‘перед’, не демонстрируют ограничений на релятивизацию. То же верно и для некоторых других проверявшихся пар «послелог + предикат», в частности *ein* *manza kaj* ‘забыть о чем-то’, *comne lar* ‘прилипнуть к чему-то’, *xičən kaj* ‘следовать за кем-то’, *eiŋe tarək* ‘злиться на кого-то’:

- (29) а. *vəl ɛak k̄enege ei-n-d̄en ʂotl-at*
она тот книга верх-P_3-ABL думать-NPST[3SG]
‘Она думает об этой книге’.
- б. *ep on-a [vəl ʂotl-agan] k̄enege parnel-e-p*
я она.OBL-OBJ она думать-PC_PRS книга дарить-NPST-1SG
‘Я подарю ей книгу, о которой она думает’.
- (30) а. *vəl ɛa ein om-ən-d̄a jəbəldad-at*
она тот человек перед-P_3-LOC льстить-NPST[3SG]
‘Она льстит этому человеку’.
- б. *[vəl jəbəldad-agan] ein pojan*
она льстить-PC_PRS человек богатый
‘Человек, которому она льстит, богат’.

В противоположность (30), релятивизация в (31) при одном и том же послелогом невозможна, поскольку дополнение с послелогом *omənd̄a* ‘перед’ не является актантным при предикате *tər* ‘стоять’:

- (31) а. *per pørt om-ən-d̄a tər-a-pər*
мы дом перед-P_3-LOC стоять-NPST-1PL
‘Мы стоим перед домом’.
- б. **[per om-ən-d̄a tər-agan] pørt pižək=ta xitre*
мы перед-P_3-LOC стоять-PC_PRS дом большой=ADD красивый
‘Дом, перед которым мы стоим, большой и красивый’.

То же самое верно для неактантной послеложной ИГ в (32):

- (32) а. *ep ku ein vali kokəl̄i il-ze*
я этот человек для пирог брать-CV_SIM
‘Я купил пирог для этого человека’.

- б. *[ep vali kokəli il-nə]   ɛin   konda tər-at
я для пирог брать-PC_PST человек здесь стоять-NPST[3SG]
‘Человек, для которого я купил пирог, стоит здесь’.

Некоторые из послелогов имеют наречные функции, поэтому при релятивизации управляемых ими ИГ возможны конструкции, которые внешне похожи на «зависание послелогов». Однако, учитывая наречные употребления послелогов, с которыми данные конструкции обнаруживаются, представляется более обоснованным считать, что релятивизация в таких примерах не связана с послеложным управлением.

- (33) а. *tərək ot-nə*   *oj man-a*   *teigë-zër*   *tojən-at*
вдоль идти-PC_PST поле я.OBL-OBJ граница-CAR казаться-NPST[3SG]
‘Поле, вдоль которого мы идем, кажется мне бескрайним’.

- б. *ep xəjar-a*   *tərək kas-r-əm*
я огурец-OBJ вдоль разрезать-PST-1SG
‘Я разрезал огурец вдоль’.

Единственный случай, при котором ограничение на релятивизацию неактантной послеложной группы снимается, составляют конструкции, в которых послелог, использующийся при оформлении позиции мишени релятивизации, управляет также и вершиной относительной конструкции в главной клаузе:

- (34) а. *igë stolbə-zam xoş-in-dze*   *kənat karəndar-nə*
два столб-PL пространство-P_3-LOC канат натягивать-PC_PST
‘Между двух столбов натянули канат’.
- б. *(*xoş-in-dze*)   *kənat karəndar-nə*   *stolb-ə-zam cylvë*
пространство-P_3-LOC канат натягивать-PC_PST столб-P_3-PL высокий
‘Столбы, между которыми натянут канат, — высокие’.
- в. *kənat karəndar-nə*   *stolb-ə-zam xoş-in-dze*   *ep tər-a-p*
канат натягивать-PC_PST столб-P_3-PL пространство-P_3-LOC я стоять-NPST-1SG
‘Я стою между столбами, между которыми натянут канат’.

В примере (34б) показана невозможность релятивизации послеложной группы, управляемой послелогом *xoşindze* ‘между’, в обычном случае. Однако при использовании послелогов в главной клаузе (34в) подобное ограничение отсутствует. Этот эффект похож на явление падежного согласования (*case matching*), описанное для свободных относительных конструкций (*free relatives*) [Bresnan, Grimshaw 1978], при котором предпочитается такая структура, где падеж местоимения в относительной конструкции соответствует падежу, которого требует предикат главной клаузы от именного аргумента в позиции, занимаемой относительной клаузой.

2.2.3. Релятивизация посессора

Типологически засвидетельствовано, что на вероятность релятивизации посессора могут влиять такие параметры, как теснота связи между обладателем и обладаемым и синтаксическая позиция обладаемого в зависимой клаузе [Shagal 2019: 43]. Как показывают данные элицитации, релятивизации в малокарачкском говоре доступны посессоры при всех типах обладаемого (отчуждаемое и неотчуждаемое) вне зависимости от синтаксической позиции обладаемого в придаточном. Пример (35) иллюстрирует релятивизацию посессора при разных типах обладаемого в аблативе:

- (35) а. [*përe-mëş xër*   *arəm-a*   *kəgər şəm-in-dzen*   *tu-nə*]   *arzin*   *adam jat-lə*
один-ORD девушка женщина-OBJ грудь кость-P_3-ABL делать-PC_PST мужчина Адам имя-PROP
‘Мужчину, из ребра которого сделали первую женщину, звали Адамом’.
- б. [*ën-in-dzen*   *təutəl tu-nə*]   *ɛin*   *okca il-ze*
корова-P_3-ABL чучело делать-PC_PST человек деньги брать-CV_SIM
‘Человек, из коровы которого сделали чучело, получил деньги’.

Между тем возможность релятивизации посессора зависит от семантического типа посессивного отношения. Так, релятивизация посессора невозможна, если посессивное отношение между обладаемым и обладателем представляет собой отношение части к целому (кроме контекстов с частями тела):

- (36) а. *jyɛ*   *toratə-ə*
дерево ветка-P_3
‘ветка дерева’

- б. *[*torat / toratε-ə εod-a kapl-agan*] *juz-ε̄ ep kaε-sa par-a-p*
 ветка ветка-Р₃ свет-ОВЖ загоразивать-Р_С_Р_С дерево-Р₃ я резать-СВ_СМ давать-НПСТ-1СГ
 ‘Я спилю дерево, ветка которого загоразивает мне свет’.

Обязательное условие релятивизации посессора — маркирование обладаемого посессивным показателем. Это условие не обязательно только в конструкциях с обладаемым в позиции субъекта зависимой клаузы:

- (37) а. *alə / ^{OK}al-i hozəl-nə εin bolnits-a kaj-at*
 рука рука-Р₃ ломать-Р_С_Р_{СТ} человек больница-ОВЖ идти-НПСТ[3СГ]
 ‘Человек, у которого сломана рука, идет в больницу’.
- б. *ep al-in-e / *al-a хоε-nə εin bolnits-a kaj-at*
 я рука-Р₃-ОВЖ рука-ОВЖ ломать-Р_С_Р_{СТ} человек больница-ОВЖ идти-НПСТ[3СГ]
 ‘Человек, которому я сломал руку, идет в больницу’.

То, что во всех позициях, кроме субъектной, обладаемое должно быть маркировано посессивным показателем, с одной стороны, отвечает предсказаниям иерархии Кинэна — Комри, так как стратегия кодирования для субъектов в этом случае отличается от стратегии, используемой для других синтаксических позиций. Наиболее радикальный способ интерпретировать эти данные — считать, что стратегия пробела возможна только при релятивизации субъектов, а во всех остальных случаях используется стратегия, которую Б. Комри и Т. Кутева [Comrie, Kuteva 2005] называют «стратегией сохранения местоимения» (*pronoun-retention strategy*), а Т. Гивон [Givon 1984/2001: 185] — «стратегией анафорического местоимения» (*anaphoric pronoun strategy*). При этой стратегии относительная клауза содержит местоимение, кореферентное вершине относительной конструкции. Строго говоря, посессивный показатель 3-го лица не является лексическим местоимением, однако посессивные маркеры, наряду с местоимениями, рассматриваются в качестве референциального средства в [Kibrik 2011: 16] (кроме того, см. [Schwarz et al. 2020: 574] о местоименных когнатах чувашского показателя посессивности 3-го лица). С другой стороны, то, что для релятивизации посессоров в несубъектной позиции требуется «больше» морфологических средств, ожидаемо с функциональной точки зрения, поскольку, как было сказано выше, роль субъекта, как правило, восстанавливается проще остальных синтаксических позиций.

3. Обобщенные приименные конструкции в чувашском

Из тех данных, которые обсуждались в настоящей статье до сих пор, можно сделать вывод, что релятивизации в малокарачкском говоре доступны практически все синтаксические позиции, а наблюдаемые ограничения имеют скорее прагматические, чем синтаксические основания. Это ставит вопрос о том, существуют ли вообще синтаксические правила, регулирующие образование относительных конструкций в малокарачкском чувашском.

В [Matsumoto 1988] впервые были описаны японские приименные клаузальные модификаторы, функционально соотносимые с относительными клаузами в индоевропейских языках, но практически не имеющие ограничений на релятивизуемую позицию. В свою очередь, Б. Комри в [Comrie 1998] показал, что подобные конструкции представляют собой ареальное явление и свойственны целому ряду языковых семей Азиатского региона — в частности тибетским, кхмерским, дравидийским и тюркским языкам. Конструкции такого типа в более поздней совместной работе Б. Комри и Й. Мацумото [Matsumoto et al. 2017] называются **обобщенными приименными клаузальными конструкциями** (Generalized Noun Modifying Clausal Constructions, GNMCC). В языках с ОПКК одна и та же («обобщенная») конструкция используется в контекстах, свойственных как относительным клаузам, так и сентенциальным актантам с именной вершиной (конструкции *fact-S* в терминологии Б. Комри), а также в некоторых других контекстах, не соотносимых ни с одним из указанных типов подчинения (т. н. фреймвые конструкции).

Б. Комри [Comrie 1998: 57] отмечает, что среди тюркских языков к языкам с ОПКК относится карачаево-балкарский, но, например, не турецкий. Так, в карачаево-балкарском одна и та же конструкция используется и для релятивизации разных синтаксических позиций (38), и с приименными сентенциальными актантами (39). Кроме того, в этом языке возможна релятивизация таких позиций, которые обычно недоступны для релятивизации в языках, следующих стратегии относительного местоимения (40):

Карачаево-балкарский

- (38) а. [*kitab-i al-yan*] *oquwçu*
 книга-АСС купить-Р_С студент
 ‘студент, [который купил книгу]’

б. [oquwčü al-γan] kitap
 студент купить-РС книга
 ‘книга, [которую купил студент]’

(39) [et biš-gän] iyis
 мясо готовиться-РС запах
 ‘запах такой, что мясо готовится’, букв. ‘мясо готовится, запах’

(40) [[tüb-ün-dän qara-sa-η], börk-ün tüš-gän] esgi narat täräk
 низ-Р_3-ABL смотреть-CND-2SG шляпа-2SG падать-PRT старый сосна дерево
 ‘Старая сосна, такая, что когда смотришь снизу вверх, шляпа падает’.

(40) является примером так называемой фреймовой конструкции. В (40) вершина относительной конструкции *esgi narat* ‘старая сосна’ не может быть ни актантом, ни сирконстантом зависимой клаузы, так как предикаты типа «падать» не принимают аргументы с подобной ролью. Поскольку участника типа *сосна* невозможно «вставить» внутрь зависимой клаузы, [Matsumoto et al. 2017] полагают, что в подобных структурах, а также формально идентичных им примерах (38) и (39) нет оснований постулировать нулевые анафорические элементы или пробелы, а связь зависимой и главной клауз осуществляется исключительно на основании прагматики: сосна оказывается частью «фрейма» ситуации, описываемой в зависимой клаузе, поскольку если и говорящий, и слушающий знают об удивительной высоте сосны, они понимают, в каком смысле сосна относится к падению шляпы.

Согласно Б. Комри [Comrie 1998], карачаево-балкарский в отношении устройства приименной клаузальной модификации является типичным примером кыпчакской ветви тюркской семьи, а турецкий — огузской. В [Kornfilt, Vinokurova 2017: 251—293] показано, что якутский в отношении релятивизации входит в одну группу с карачаево-балкарским.

Большая свобода релятивизации и ее прагматическая обусловленность в малокарачкинском чувашском косвенно свидетельствуют о том, что малокарачкинский диалект может иметь ОПКК так же, как карачаево-балкарский и якутский.

Первым доказательством в пользу этой теории служит то, что в малокарачкинском чувашском причастные формы, обсуждавшиеся в предыдущих разделах, используются в том числе и внутри сентенциальных дополнений при именной вершине. Примеры (41)—(42) иллюстрируют конструкции с сентенциальным дополнением при имени содержания (41) и реляционном имени (42):

(41) [[ta-gam alə kilo-lə kokəl' pəzer-ně] istor-in-e] ep il-ze
 INDEF-кто 50 килограмм-PROP пирог готовить-РС_PST история-Р_3-OBJ я брать-CV_SIM
 ‘Я слышал историю, что кто-то приготовил пирог в 50 кг’.

(42) [[aš zariŋ' tu-nə] şarş-i] kil-te-ë
 мясо жарить делать-РС_PST_PST запах-Р_3 прийти-PST-3SG
 ‘Появился запах того, что жарится мясо’.

Примеры (41)—(42) показывают, что по крайней мере по одному из критериев (идентичное оформление приименных сентенциальных актантов и относительных клауз) именные клаузальные модификаторы в малокарачкинском говоре могут быть классифицированы как ОПКК. Однако существование в малокарачкинском чувашском фреймовых конструкций сомнительно.

Б. Комри и Й. Мацумото выделяют несколько типов фреймовых определительных конструкций по признаку семантического отношения вершины к зависимой клаузе. В качестве примера на фрейм «результат» рассматривается гипотетическая конструкция типа (43):

(43) [Matsumoto et al. 2017: 346]
 [I English taught (___)] money [я английский преподавал (___)] деньги
 the money I (earned by) teaching English ‘деньги, (которые я получил,) преподавая английский’

Б. Комри и Й. Мацумото полагают, что в конструкциях типа (43) отношение между вершиной и зависимой клаузой таково, что деньги являются результатом ситуации преподавания английского. В (44) приводится соответствующий японский пример:

(44) [[hon'yakusita] o-kane], zenbu tabe-tyatta no? [Matsumoto 2017: 30]
 переводить.PST HON-деньги все есть.PST-иметь Q
 ‘Вы проели все деньги, (которые заработали,) переводя X?’

Пример (44) сопровождается замечанием, что в японском существительное *okane* ‘деньги’ не может быть актантом или сирконстантом предиката *hon'yakusita* (переводить.PST), поэтому такая конструкция должна рассматриваться как фреймовая, поскольку прибыль является частью фрейма «перевод». Кроме фрейма «результат», в анкете Б. Комри и Й. Мацумото упоминаются такие фреймы, как «условие», «обратное условие», «часть от целого», «цель», «следование/предшествование/одновременность» и «необходимый элемент».

В чувашском аргумент с семантической функцией «результат» может быть оформлен казуалисом в составе той же клаузы, поэтому, хотя относительные конструкции, подобные (44), в малокарачкском возможны (см. (45)), они не являются фреймовыми в том смысле, в котором этот тип конструкций определен в [Matsumoto et al. 2017].

(45) а. *ep teaş tēlg-i okca-zən vërent-se*
я чувашский язык-Р_3 деньги-CSL учить-CV_SIM

‘Я преподавал чувашский из-за денег’.

б. *ep teaş tēlg-i vërent-në okca*
я чувашский язык-Р_3 учить-PC_PST деньги

‘Деньги, ради которых я преподавал чувашский’.

С другой стороны, негативный результат не может быть кодирован казуалисом, однако и соответствующие относительные клаузы с результативной семантикой оцениваются как неприемлемые:

(46) а. *ep nomaj vëgat xoş-i (*ştraf-şən) ëz-e kaj-ma-r-əm*
я много время промежутков-Р_3 штраф-CSL работа-OBJ идти-NEG-PST-1SG

‘Я не ходил на работу много времени (*для штрафа)’.

б. **ep nomaj vëgat xoş-i ëz-e kaj-m-an ştraf*
я много время промежутков-Р_3 работа-OBJ идти-NEG-PC_RES штраф

‘Штраф, {который я получил}, не ходя на работу’.

(47) а. *ep cigaret (*tëer-zën) tort-r-əm*
я сигарета болезнь-CSL курить-PST-1SG

‘Я курил сигареты (для/ради болезни)’.

б. **ep cigaret tort-në tëer*
я сигарета курить-PC_PST болезнь

‘Это болезнь, {которую я получил}, куря сигареты’.

Концессивное значение (соответствует типу фрейма «обратное условие» — *reverse condition* [ibid.: 347]) также не может быть выражено именным актантом или сирконстантом внутри одной клаузы (ср. рус. *Я не толстею, несмотря на конфеты*). Однако и соответствующие примеры с релятивизацией оцениваются как неприемлемые.

(48) а. *ep samaral-m-a-p [ep konfet e-e-p=tëk=te]*
я толстеть-NEG-NPST-1SG я конфета есть-NPST-1SG=COND=ADD

‘Я не толстею, хотя ем конфеты’.

б. **[ep samaral-m-an] konfet*
я толстеть-NEG-PC_RES конфеты

‘Конфеты такие, что я не толстею {хотя и ем их}’.

В [Matsumoto 1996] описываются факторы, которые влияют на приемлемость фреймовой релятивизации в японском. Среди обсуждаемых факторов, помимо контекстной обусловленности и предикатно-аргументных отношений, рассматривается синтаксический контекст. Так, в японском установление фреймовой связи между предикатом зависимой клаузы и вершиной относительной конструкции облегчается в случае, если вершина находится в том же отношении к предикату главной клаузы, что и к предикату зависимой [ibid.: 104]. Однако, как показывает пример (49), даже при условии такой модификации конструкции этого типа в малокарачкском остаются неприемлемыми.

(49) **ep cigaret tort-në tëer-be ep tada nerv-zam-ran sumar-la-r-əm*
я сигарета курить-PC_PST болезнь-INS я и нерв-PL-ABL больной-VBZ-PST-1SG

‘Болезнью, которая {появилась потому, что} я курил сигареты, я заболел еще и от нервов’.

При этом чувашский имеет специализированную стратегию для выражения отношения типа «необходимый элемент» (один из фреймов, выделяемых в анкете Б. Комри и Й. Мацумото), а именно — причастную форму на *-ma-l-i/-me-l-i*, другие причастные формы в этой структуре невозможны:

- (50) *ep amerik-a kaj-ma-l-i / *kaj-agan dokument-sam*
 я Америка-ОБВ идти-INF-ATTR-P_3 идти-PC_PRS документ-PL
 ‘Документы, необходимые, чтобы я поехал в Америку’.

Среди остальных фреймовых значений, выделяемых Б. Комри и Й. Мацумото, некоторые из опрошенных носителей признавали приемлемыми фреймовые конструкции со значением одновременности (51):

- (51) *papi xəna-la-n-nə kokəli*
 бабушка гость-VBZ-REFL-PC_PST пирог
 ‘Пирог {такой, что мы его готовим}, когда гостит бабушка’.

Б. Комри и Й. Мацумото замечают, что элицитация не может быть основным методом изучения ОПКК — предпочтение должно отдаваться корпусным материалам. Ввиду того, что собранный в ходе экспедиции диалектный корпус имеет небольшой объем, ниже приводятся данные о частотности релятивизации разных синтаксических позиций причастиями на *-agan* и *-nə*⁵ в Двухязычном корпусе чувашского языка⁶, содержащем тексты на литературном чувашском.

Таблица 2. Частотность конструкций с релятивизацией и приименным комплиментом в Двухязычном чувашском корпусе

Релятивизируемая позиция	<i>-agan</i>	<i>-nə</i>
S	148	87
DO	20	76
IO	0	1
LOC	4	27
ABL	1	0
INS	0	1
NC	0	7
POST	0	1
Всего	173	200

S — субъект, DO — прямой объект, IO — косвенный объект, LOC — локативное дополнение, ABL — аблативное дополнение, INS — инструментальное дополнение, POST — дополнение, вводимое послелогом, NC — именной комплемент⁷.

Как видно по данным приведенной таблицы, конструкции с релятивизацией синтаксических позиций, помимо позиций субъекта и прямого объекта, сравнительно редки. Кроме того, большинство примеров с причастием на *-agan* представляют собой релятивизацию подлежащего. В выборке было обнаружено 7 конструкций с именным комплементом, образованных причастием на *-nə*. Из 373 разобранных конструкций не выявлено ни одной, которую можно было бы классифицировать как фреймовую. Вместе с тем, как отмечает анонимный рецензент, тексты, представленные в литературном корпусе, могут существенно отличаться по своему синтаксису от устной речи. В частности, ОПКК в таких текстах могут избегаться, поскольку могут рассматриваться как «разговорные».

Другим возможным свидетельством того, что малокарачкинскому говору не свойственны механизмы приименной клаузуальной модификации, подобные ОПКК, является то, что относительные придаточные в малокарачкинском допускают вставку резюмтивных местоимений — личных местоимений, занимающих позицию «пробела» в придаточном. Вставка резюмтивов возможна только при релятивизации позиций, расположенных относительно низко в иерархии Кинэна — Комри. Так, запрещаются конструкции с резюмтивами при релятивизации прямого объекта, локативного, аблативного или инструмен-

⁵ Рассматривались только причастные формы с заднерядным гласным. Исключение причастных форм с переднерядным гласным, насколько известно, не могло существенно воздействовать на выборку, однако позволило сократить объем анализируемых данных. Всего в корпусе было найдено 173 примеров с причастием на *-agan* в вершине относительной клаузы — все они были включены в выборку. Количество форм на *-nə* было выше, поэтому в выборку вошли только первые 200 примеров.

⁶ См. <http://ru.corpus.chv.su>.

⁷ Сокращения, использованные в таблице 2 (за двумя исключениями), соответствуют обозначениям, введенным выше в настоящей статье.

тального дополнения, в то время как в конструкциях с релятивизацией каритивного дополнения или дополнения послелога (если при этом не выполняются условия, описанные в п. 2.2.4) резумптивное местоимение обязательно, ср. (52)—(54). Для некоторых носителей возможны конструкции со вставкой резумптива и при релятивизации каузального дополнения.

- (52) *ep on pirgi vǝǵət-ra kaj-m-an ɛin on-da tǝr-at*
я он.OBL из-за время-LOC идти-NEG-PC_RES человек он-LOC стоять-NPST[3SG]
‘Человек, из-за которого я опоздал, стоит там’.
- (53) *ep on-zǝr porǝn-i-men ɛin teasteas kil-et*
я он.OBL-CAR жить-POТ-NEG.PC_PST человек скоро приходить-NPST[3SG]
‘Человек, без которого я не могу жить, скоро приедет’.
- (54) *ep on-zǝn xomǵan-ǵan xǝr atea xola-ra porǝn-at*
я он.OBL-CSL волноваться-PC_PRS девушка ребенок город-LOC жить-NPST[3SG]
‘Девушка, за которую я волнуюсь, живет в городе’.

Вставка резумптивного местоимения при релятивизации посессора оценивается как не полностью грамматичная, но не запрещается:

- (55) [?](*on-ǝn*) *ul-ǝ sorevnovan-in-dǝe ɛǝnder-nǝ xǝr₁ arǝm₂ telej-lǝ*
он-GEN сын-P_3 соревнование-P_3-LOC победить-PC_PST девушка жена_{1,2} счастье-PROP
‘Женщина, сын которой победил в соревнованиях, счастлива’.

Другим свойством ОПКК является нечувствительность подобных конструкций к островным ограничениям [Lander, Kozhukhar 2015: 5; Matsumoto 2017: 39]. Однако релятивизация с нарушением островных ограничений в малокарачкском чувашском невозможна. В (56) приводится пример неприемлемой конструкции с выносом в фокусную позицию из относительной клаузы (остров сложной именной группы [Ross 1967]):

- (56) **ku ɛa kǝnege ep ɛir-nǝ aftǝr-a tǝl pol-nǝ*
это тот книга я писать-PC_PST автор-OBJ место быть-PC_PST
‘Это та самая книга, такая, что я встретила автора, который (её) написал’.

При этом подобный вынос относительно приемлем в конструкциях с приименным комплементом (такие конструкции оцениваются носителями выше, чем в случае с выносом из относительной клаузы, однако не являются бесспорными):

- (57) [?]*ku ɛa kol’iso=jax ep muzej-ran vǝrla-nǝ sazǝ ilt-se*
это тот кольцо=EMPH я музей-AVL красть-PC_PST слух слышать-CV_SIM
‘Это то самое кольцо, такое, что я слышал слух, что (его) украли из музея’.

Это не единственное синтаксическое различие между относительными клаузами и приименными комплементами. Так, в отличие от относительных клауз (58), приименные сентенциальные актанты (далее — СА) не допускают последовательного вложения зависимых клауз:

- (58) [*at’o xǝn-egen*] [*xǝr atea-ba družiti t-ǵan*] *arzin atea-ja ep pǝl-e-p*
отец бить-PC_PRS девушка ребенок-INS дружить делать-PC_PRS мужчина ребенок-OBJ я знать-NPST-1SG
‘Я знаю мальчика, который дружит с девочкой, которую бьет отец’.
- (59) **ep [prezident per-ǝn xola-ja kil-nǝ] [novǝe tǝrǝs pol-nǝ]*
я президент мы-GEN город-OBJ приходить-PC_PST новость правдивый быть-PC_PST
sazǝ ilt-r-ǝm
слух слышать-PST-1SG
‘Я слышал слух, что новость, что в наш город приезжает президент, была правдой’.

Приименные СА также не могут сочиняться с относительными клаузами, что традиционно рассматривается в качестве теста на идентичный синтаксический статус составляющих. Ср. сочинение двух относительных клауз в (60)—(61):

- (60) [*man pitei yger-nǝ*] *tada [man-ǝn joldaş kino xǝr-ǵan]*
я.GEN старший_брат снять-PC_PST и я.OBL-GEN друг кино бояться-PC_PRS
‘Фильм, который снял мой старший брат и которого боится мой друг’.

- (61) *[vəl kala-za kədart-nə] tada [prezident pər-ən xola-ja kil-nə]
 он говорить-CV_SIM показывать-PC_PST и президент мы-GEN город-OBJ приходить-PC_PST
 novoe man-a tēlēnder-te-ē
 новость я.OBL-OBJ удивлять-PST-3SG
 ‘Новость, которую она мне рассказала и что президент приезжает в наш город, меня удивила’.

На основании приведенных выше примеров можно сделать вывод, что приименные СА представляют собой отдельную конструкцию с особыми свойствами, а не составляют одного типа конструкции с относительными клаузами, хотя поверхностное формальное оформление этих конструкций совпадает.

Ё.-Ю. Ча [Cha 1999] для корейского, а также Н. Чжан [Zhang 2008] и Дж. Цай [Tsai 2008] для китайского показывают, что приименные СА в этих языках фактически делятся на два типа — собственно приименные сентенциальные актаны и относительные без пробела. Граница между двумя типами определяется главным образом семантикой вершинного имени: конструкции с именами содержания (*факт, новость, слух* и т. д.) являются приименными СА, а конструкции с реляционными именами (*звук, запах, скорость, горсть* и т. д.) — конструкциями с релятивизацией без пробела. Большинство диагностик, предлагаемых в этих статьях, либо лингвоспецифичны, либо кажутся нам недостаточно убедительными. Одним из наиболее примечательных отличий оказывается невозможность выноса из клаузы, зависимой от реляционного имени, по сравнению с выносом из стандартного СА. Как было указано выше, конструкции с выносом из СА при именах содержания не являются абсолютно приемлемыми (62). Конструкции с выносом из зависимой клаузы при реляционных именах оцениваются так же неуверенно, как и с выносом из СА, поэтому проводить подобную границу в малокарачкнском говоре необоснованно.

- (62) [?]ku polə [[ane zərɪtʲ tu-nə] sərɟə] ep ilt-r-əm
 этот рыба мама жарить делать-PC_PST запах я слышать-PST-1SG
 ‘Это рыба такая, что я услышал запах, что мама (ее) жарила’.

4. Место малокарачкнского чувашского в типологии ОПКК

В предыдущем разделе было показано, что, несмотря на свободу релятивизации и, на первый взгляд, идентичное оформление относительных клауз и приименных СА, нельзя считать, что в малокарачкнском говоре существуют ОПКК, в том смысле, как они определены в [Matsumoto et al. 2017]. Таким образом, возникает вопрос, какое место относительно типологии ОПКК может занимать малокарачкнский чувашский. Ареально-типологическим исследованием ОПКК можно считать собственно монографию [Matsumoto et al. 2017]. Однако данные разных языков, представленные в этом сборнике, не были, насколько нам известно, детально резюмированы ни в одной публикации (кроме [Холодилова 2020]). В таблице 3 суммированы основные сведения об ОПКК, описанных в [Matsumoto et al. 2017] и других отдельных работах. Для каждого языка в таблице рассматриваются следующие признаки: 1) формальное идентичное оформление относительных клауз (ОК) и приименных СА, 2) грамматичность фреймовых конструкций и 3) наличие сведений о синтаксических различиях между относительными клаузами и приименными СА. Поскольку цитируемые статьи не являются частью одного исследования, ряд параметров в некоторых из них не обсуждается. В таких случаях в соответствующей ячейке делается пометка «не описаны».

Объединяющим признаком для 21 языка из таблицы выше является идентичное оформление относительных клауз и приименных СА. В то же время для 6 из этих языков описаны синтаксические факты, позволяющие противопоставить два типа конструкций, а по отношению к оставшимся 15 языкам проверка, потенциально способная выявить эти факты, пока не проводилась. Кроме того, только для 12 языков признается существование хотя бы одного типа фреймовой конструкции. Таким образом, пока все обозначенные в таблице 3 пропуски остаются незаполненными, определить положение малокарачкнского чувашского в ареально-типологическом пространстве ОПКК сложно (как и обозначить сам ландшафт этого явления). Однако возможно, что малокарачкнская система является не абсолютно периферийной по отношению к ядру ОПКК. Так, наличие синтаксических различий между относительными клаузами и приименными СА представляется для рассматриваемых языков вполне вероятным, поскольку они были обнаружены во всех языках, где эта возможность допускалась. А отсутствие фреймовых конструкций в случае с малокарачкнским диалектом может расцениваться как результат долгого контакта с русским языком или как особенность тюркских идиомов, поскольку единственным тюркским языком, для которого постулируются фреймовые конструкции, остается карачаево-балкарский, сведения о котором приводятся в оригинальной статье [Comrie 1998].

Таблица 3. Обзор работ об ОПКК: к типологии

Семья	Язык	Приименные СА оформ- лены так же, как ОК	Наличие фреймовых конструк- ций	Синтаксические различия между ОК и приимен- ными СА	Источник
Японо- рюкюские	японский	+	+	не описаны	[Matsumoto 2017]
	корейский	+	+	+	[Kim, Sells 2017]
Сино- тибетские	севернокитайский	+	+	не описаны	[LaPolla 2017]
	юэский (кантонский диалект)	+	+	не описаны	[Matthews, Yip 2017]
Нахско- дагестан- ские	бежтинский	+	+	не описаны	[Comrie et al. 2017]
	гинухский	+	+	не описаны	
	аварский	+	не описаны	не описаны	[Nichols 2017]
	годоберинский	+	не описаны	не описаны	
	ингушский	+	+	не описаны	
	мегебский	+	+	+	[Lander, Kozhukhar 2015]
Индоевро- пейские	маратхи	+	+	не описаны	[Hook, Pardeshi 2017]
Уральские	тундровый ненецкий	+	+	+	[Nikolaeva 2017]
	айнский	+	+	+	[Bugueva 2017]
Австроази- атские	кхмерский	+	не описаны	не описаны	[Comrie, Horie 1995]
	карачаево-балкарский	+	+	не описаны	[Comrie 1998]
Тюркские	якутский	+	—	+	[Kornfilt, Vinokurova 2017]
	казахский (китайский)	+	не описаны	не описаны	[Kuribayashi 2011]
	киргизский	+	не описаны	не описаны	
	уйгурский	+	не описаны	не описаны	
	кашкайский	+	не описаны	не описаны	
	малокарачкский	+	—	+	
	чувашский	+	—	+	

5. Обобщения и выводы

В настоящей статье обсуждались особенности релятивизации в малокарачкском говоре чувашского языка. Относительные клаузы в малокарачкском говоре обнаруживают сравнительно мало ограничений на релятивизуемую позицию, а значимым фактором релятивизации оказывается наличие прагматической мотивации и контекст. Так, в малокарачкском говоре релятивизоваться могут практически все позиции в иерархии Кинэна — Комри. Исключение составляют только позиции основания сравнения и каритивного дополнения. Последнее ограничение также имеет прагматическую природу — релятивизация участника, характеризующегося «отрицательным присутствием», ожидаемо затруднена в языке, в котором естественность связи между вершиной относительной конструкции и предикатом зависимой клаузы является одним из наиболее значимых факторов успешности релятивизации. В ряде случаев, таких как релятивизация инструментальных дополнений и дополнений послелогов, фактором, обуславливающим возможность релятивизации, становится наличие у предиката зависимой клаузы валентности на ИГ в вершине конструкции. Кроме того, был обнаружен ряд ограничений на релятивизацию посессоров. В частности, было показано, что релятивизация посессора невозможна в конструкциях, где посессивное отношение представляет собой отношение «часть — целое». Для релятивизации посессоров с несубъектной синтаксической ролью обязательно маркирование обладаемого внутри зависимой клаузы аффиксом посессивности 3-го лица.

Вопрос о том, обоснованно ли для описания релятивизации в малокарачкском чувашском постулировать наличие синтаксических правил, становится еще более значимым при попытке вписать малока-

рачкинскую систему в типологию ОПКК. С одной стороны, как и ожидается в языках с ОПКК, малокарачкский чувашский демонстрирует идентичное кодирование приименных СА и относительных клауз, с другой стороны — т. н. фреймовые конструкции в малокарачкском чувашском неграмматичны, хотя входят в определение ОПКК по [Matsumoto et al. 2017]. Против гипотезы о наличии в малокарачкском чувашском механизмов релятивизации «без пробела» свидетельствуют в том числе и такие факты синтаксиса, как возможность использования резумптивных местоимений и существование некоторых синтаксических островов. Более того, в статье были представлены свидетельства, что приименные СА в малокарачкском чувашском в действительности могут быть синтаксически организованы иначе, чем относительные клаузы.

Хотя малокарачкский чувашский не подходит под определение типичных ОПКК, как они описаны в работе Й. Мацумото, имеющаяся на сегодняшний день типология ОПКК, по всей видимости, не исключает существования идиомов типа малокарачкского. Системы типа обсуждаемой в настоящей статье показывают, что феномен ОПКК — значительно более сложное морфосинтаксическое явление.

Сокращения

ABL — аблатив	LOC — локатив
ACC — аккузатив	NEG — отрицание
ADD — аддитивная частица	NPST — непрошедшее время
ALL — аллатив	OBJ — объектный падеж
ATTR — атрибутивизатор	OBL — косвенный падеж
CAR — каритив	OCOMP — основание сравнения
CAUS — каузатив	ORD — показатель порядковости
CMPR — компаратив	P — посессивный показатель
COND — кондиционал	PC — причастие
COP — связка	PL — множественное число
CSL — каузалис	POT — потенциалис
CV — деепричастие	PROH — прохибитив
DO — прямой объект	PROP — проприетив
EX — экзистенциальная частица	PRS — настоящее время
GEN — генитив	PST — прошедшее время
IMP — императив	REFL — рефлексив
INDEF — неопределенность	RES — результатив
INF — инфинитив	SG — единственное число
INS — инструменталис	SIM — одновременность
IO — непрямой объект	VBZ — вербализатор

Литература

- Ашмарин 1898 — *Н. И. Ашмарин*. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898.
- Заика 2019 — *Н. М. Заика*. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: Пространство типологических возможностей // Вопросы языкознания. 2019, 4. С. 7—32.
- Иванов 1953 — *А. И. Иванов*. К вопросу о падежах в чувашском языке // Записки Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской ССР. 1953, 8. С. 167—192.
- Оскольская и др. 2020 — *С. А. Оскольская, Н. М. Заика, С. Б. Клименко, М. Л. Федотов*. Определение каритива как сравнительного понятия // Вопросы языкознания. 2020, 3. С. 7—25.
- Павлов и др. 1957 — *И. П. Павлов, Н. А. Андреев, И. С. Павлов*. Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, 1957.
- Холодилова 2020 — *М. А. Холодилова*. [Рец. на:] Y. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries. Amsterdam: John Benjamins, 2017 // Вопросы языкознания. 2020, 3. С. 135—144.
- Bresnan, Grimshaw 1978 — *J. Bresnan, J. Grimshaw*. The syntax of free relatives in English // Linguistic inquiry. 1978, 9. P. 331—391.

- Bugaeva 2017 — *A. Bugaeva*. Noun-modifying clause constructions in Ainu // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 203—250.
- Cha 1999 — *J.-U. Cha*. Semantics of Korean gapless relative clause constructions // *Studies in the Linguistic Sciences*. 1999, 29. P. 25—41.
- Comrie 1989 — *B. Comrie*. *Language universals and linguistic typology*. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.
- Comrie 1998 — *B. Comrie*. Attributive clauses in Asian languages: Towards areal typology // *W. Boeder, Ch. Schroeder, K. Heinz Wagner, W. Wildgen* (eds.). *Sprache in Raum und Zeit. In memoriam J. Bechert. Bd. 2. Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft*. Tübingen, 1998. P. 51—60.
- Comrie et al. 2017 — *B. Comrie, D. Forker, Z. Khalilova*. General noun-modifying clause constructions in Hinuq and Bezhta, with a note on other Daghestanian languages // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 121—146.
- Comrie, Horie 1995 — *B. Comrie, K. Horie*. Complement clauses versus relative clauses: some Khmer evidence // *W. Abraham, T. Givón, S. Thomson* (eds.). *Discourse, grammar and typology: papers in honor of John W. M. Verhaar*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. P. 65—75.
- Comrie, Kuteva 2005 — *B. Comrie, T. Kuteva*. Relativization Strategies // *M. Haspelmath, M. R. Dryer, D. Gil, B. Comrie* (eds.). *The World Atlas of Linguistic Structures*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 494—497.
- de Vries 2002 — *M. de Vries*. *The syntax of relativization*. Utrecht, 2002.
- Givón 1984/2001 — *T. Givón*. *Syntax. An introduction*. Vol. II. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. First published in 1984.
- Haig 1998 — *G. Haig*. On some strategies of case recovery in Turkish relativization // *L. Johanson* (ed.). *The Mainz meeting: proceedings of the Seventh international conference on Turkish linguistics*. Weisbaden: Harrassowitz Verlag, 1998. P. 299—320.
- Haspelmath 1994 — *M. Haspelmath*. Passive Participles across languages // *B. Fox, P. J. Hopper* (eds.). *Voice. Form and Function*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1994. P. 151—177.
- Hook, Pardeshi 2017 — *P. Hook, P. Pardeshi*. Noun-modifying constructions in Marathi // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 293—330.
- Kayne 1994 — *R. Kayne*. *The Antisymmetry of Syntax*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1994.
- Keenan, Comrie 1979 — *B. Comrie, E. Keenan*. Noun phrase accessibility revisited // *Language*. 1979, 55. P. 649—664.
- Kibrik 2011 — *A. A. Kibrik*. *Reference in discourse*. New York: Oxford University Press, 2011.
- Kim, Sells 2017 — *S.-S. Kim, P. Sells*. Noun-modifying constructions in Korean // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 59—90.
- Kopecka, Vuillermet 2021 — *A. Kopecka, M. Vuillermet*. Source-Goal (a)symmetries across languages // *Studies in Language*. 2021, 1. P. 2—35.
- Kornfilt, Vinokurova 2017 — *J. Kornfilt, N. Vinokurova*. Turkish and Turkic complex noun phrase constructions // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 251—292.
- Kou 2016 — *X. Kou*. Comitative relational nouns and relativization of comitative case in Mandarin // *M. Dong, J. Lin, X. Tang Cham* (eds.). *Chinese lexical semantics. 17th Workshop, CLSW 2016, Singapore, May 20—22, 2016. Revised Selected Papers, 2016*. P. 233—240.
- Kuribayashi 2011 — *Y. Kuribayashi*. Grammaticalized topics in Kashkay: The implication for the relativization of Turkic languages // *Studia Uralo-Altaica*. 2011, 49. P. 311—318.
- Lander, Kozhukhar 2015 — *Y. Lander, A. Kozhukhar*. Successfully looking for syntax in Mehweb Dargwa relative clause constructions // *Higher School of Economics Research Papers*. 2015, 34. P. 2—21.
- LaPolla 2017 — *R. LaPolla*. Noun-modifying clause constructions in Sino-Tibetan languages // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 91—104.
- Lehman 1986 — *C. Lehman*. On the typology of relative clauses // *Linguistics*. 1986, 24. P. 663—680.
- Matsumoto 1988 — *Yo. Matsumoto*. Semantics and pragmatics of noun-modifying constructions in Japanese // *Berkeley Linguistic Society*. 1988, 54. P. 166—175.
- Matsumoto 1996 — *Yo. Matsumoto*. Interaction of factors in construal: Japanese Relative Clauses // *M. Shibatani, S. A. Tomphson* (eds.). *Grammatical constructions. Their form and meaning*. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 103—124.

Matsumoto 2017 — *Yo. Matsumoto*. General noun-modifying clause constructions in Japanese // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 23—44.

Matsumoto et al. 2017 — *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells*. *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017.

Matthews, Yip 2017 — *S. Matthews, V. Yip*. Noun-modifying clauses in Cantonese // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 105—121.

Nichols 2017 — *J. Nichols*. Noun-modifying constructions and relativization in the central and western Caucasus // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 179—203.

Nikolaeva 2017 — *I. Nikolaeva*. The general noun-modifying clause construction in Tundra Nenets and its possible origin // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 147—178.

Ross 1967 — *J. Ross*. Constraints on Variables in Syntax. PhD dissertation. MIT, 1967.

Schwarz et al. 2020 — *M. Schwarz, O. Srba, V. Blažek*. A comparative approach to the pronominal system in Transeurasian // *M. Robbeets, A. Saveljev* (eds.). *The Oxford guide to Transeurasian languages*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 554—584.

Shagal 2019 — *K. Shagal*. Participles: A Typological Study. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2019.

Tsai 2008 — *H.-C. J. Tsai*. On gapless relative clauses in Chinese // *Nanzan Linguistics*. 2008, 5. P. 109—124.

Zhang 2008 — *N. Zhang*. Gapless Relative Clauses as Clausal Licensors of Relational Nouns // *Language and Linguistics*. 2008, 9.4. P. 1005—1028.

References

Ashmarin 1898 — N. I. Ashmarin. *Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka*. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1898. {N. I. Ashmarin Materials for the study of the Chuvash language. Kazan: Typolithography of the Imperial University, 1898.}

Bresnan, Grimshaw 1978 — J. Bresnan, J. Grimshaw. The syntax of free relatives in English. In: *Linguistic inquiry*. 1978, 9. P. 331—391.

Bugaeva 2017 — A. Bugaeva. Noun-modifying clause constructions in Ainu. In: *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 203—250.

Cha 1999 — J.-U. Cha. Semantics of Korean gapless relative clause constructions. In: *Studies in the Linguistic Sciences*. 1999, 29. P. 25—41.

Comrie 1989 — B. Comrie. *Language universals and linguistic typology*. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.

Comrie 1998 — B. Comrie. Attributive clauses in Asian languages: Towards areal typology. In: W. Boeder, Ch. Schroeder, K. Heinz Wagner, W. Wildgen (eds.). *Sprache in Raum und Zeit. In memoriam J. Bechert. Bd. 2. Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft*. Tübingen, 1998. P. 51—60.

Comrie et al. 2017 — B. Comrie, D. Forker, Z. Khalilova. General noun-modifying clause constructions in Hinuq and Bezhta, with a note on other Daghestanian languages. In: *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 121—146.

Comrie, Horie 1995 — B. Comrie, K. Horie. Complement clauses versus relative clauses: some Khmer evidence. In: W. Abraham, T. Givón, S. Thomson. *Discourse, grammar and typology: papers in honor of John W. M. Verhaar*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. P. 65—75.

Comrie, Kuteva 2005 — B. Comrie, T. Kuteva. Relativization Strategies. In: M. Haspelmath, M. R. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *The World Atlas of Linguistic Structures*. Oxford: Oxford University Press 2005. P. 494—497.

de Vries 2002 — M. de Vries. *The syntax of relativization*. Utrecht, 2002.

Givon 1984/2001 — T. Givon. *Syntax. An introduction*. Vol. II. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. First published in 1984.

Haig 1998 — G. Haig. On some strategies of case recovery in Turkish relativization. In: L. Johanson (ed.). *The Mainz meeting: proceedings of the Seventh international conference on Turkish linguistics*. Weisbaden: Harrassowitz Verlag, 1998. P. 299—320.

- Haspelmath 1994 — M. Haspelmath. Passive Participles across languages. In: B. Fox, P. J. Hopper (eds.). *Voice. Form and Function*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1994. P. 151—177.
- Hook, Pardeshi 2017 — P. Hook, P. Pardeshi. Noun-modifying constructions in Marathi. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 293—330.
- Ivanov 1953 — A. I. Ivanov K voprosu o padezhakh v chuvashskom yazyke. In: *Zapiski Nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii pri Sovete Ministrov Chuvashskoi SSSR*. 1953, 8. S. 167—192. {A. I. Ivanov On the issue of cases in the Chuvash language. In: *Articles of the Research Institute of Language, Literature and History under the Council of Ministers of the Chuvash USSR*. 1953, 8. P. 167—192.}
- Kayne 1994 — R. Kayne. *The Antisymmetry of Syntax*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1994.
- Keenan, Comrie 1979 — B. Comrie, E. Keenan. Noun phrase accessibility revisited. In: *Language*. 1979, 55. P. 649—664.
- Kholodilova 2020 — M. A. Kholodilova. [Rec. na:] Y. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam: John Benjamins, 2017. In: *Voprosy yazykoznaniiya*. 2020, 3. S. 135—144. {M. A. Kholodilova. [Review of:] Y. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam: John Benjamins, 2017. In: *Topics in the study of language*. 2020, 3. P. 135—144.}
- Kibrik 2011 — A. A. Kibrik. *Reference in discourse*. New York: Oxford University Press, 2011.
- Kim, Sells 2017 — S.-S. Kim, P. Sells. Noun-modifying constructions in Korean. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 59—90.
- Kopecka, Vuillermet 2021 — A. Kopecka, M. Vuillermet. Source-Goal (a)symmetries across languages. In: *Studies in Language*. 2021, 1. P. 2—35.
- Kornfilt, Vinokurova 2017 — J. Kornfilt, N. Vinokurova. Turkish and Turkic complex noun phrase constructions. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 251—292.
- Kou 2016 — X. Kou. Comitative relational nouns and relativization of comitative case in Mandarin. In: M. Dong, J. Lin, X. Tang Cham (eds.). *Chinese lexical semantics. 17th Workshop, CLSW 2016, Singapore, May 20—22, 2016. Revised Selected Papers, 2016*. P. 233—240.
- Kuribayashi 2011 — Y. Kuribayashi. Grammaticalized topics in Kashkay: The implication for the relativization of Turkic languages. In: *Studia Uralo-Altaica*. 2011, 49. P. 311—318.
- Lander, Kozhukhar 2015 — Y. Lander, A. Kozhukhar. Successfully looking for syntax in Mehweb Dargwa relative clause constructions. In: *Higher School of Economics Research Papers*. 2015, 34. P. 2—21.
- LaPolla 2017 — R. LaPolla. Noun-modifying clause constructions in Sino-Tibetan languages. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 91—104.
- Lehman 1986 — C. Lehman. On the typology of relative clauses. In: *Linguistics*. 1986, 24. P. 663—680.
- Matsumoto 1988 — Yo. Matsumoto. Semantics and pragmatics of noun-modifying constructions in Japanese. In: *Berkeley Linguistic Society*. 1988, 54. P. 166—175.
- Matsumoto 1996 — Yo. Matsumoto. Interaction of factors in construal: Japanese Relative Clauses. In: M. Shibatani, S. A. Tompkinson (eds.). *Grammatical constructions. Their form and meaning*. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 103—124.
- Matsumoto 2017 — Yo. Matsumoto. General noun-modifying clause constructions in Japanese. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 23—44.
- Matsumoto et al. 2017 — Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells. *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017.
- Matthews, Yip 2017 — S. Matthews, V. Yip. Noun-modifying clauses in Cantonese. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 105—121.
- Nichols 2017 — J. Nichols. Noun-modifying constructions and relativization in the central and western Caucasus. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 179—203.
- Nikolaeva 2017 — I. Nikolaeva. The general noun-modifying clause construction in Tundra Nenets and its possible origin. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 147—178.

Oskol'skaya i dr. 2020 — S. A. Oskol'skaya, N. M. Zaika, S. B. Klimenko, M. L. Fedotov. Opredelenie karitiva kak sravnitel'nogo ponyatiya. In: *Voprosy yazykoznanija*. 2020, 3. S. 7—25. {S. A. Oskol'skaya, N. M. Zaika, S. B. Klimenko, M. L. Fedotov. Defining caritive as a comparative concept. In: *Topics in the study of language*. 2020, 3. P. 7—25.}

Pavlov i dr. 1957 — I. P. Pavlov, N. A. Andreev, I. S. Pavlov. Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo yazyka. Cheboksary: Chuvashskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii pri Sovete Ministrov Chuvashskoi ASSR, 1957. {I. P. Pavlov, N. A. Andreev, I. S. Pavlov. Materials on the grammar of the modern Chuvash language. Cheboksary: Chuvashskii Articles of the Chuvash Research Institute of Language, Literature and History under the Council of Ministers of the Chuvash USSR, 1957.}

Ross 1967 — J. Ross. Constraints on Variables in Syntax. PhD dissertation. MIT, 1967.

Schwarz et al. 2020 — M. Schwarz, O. Srba, V. Blažek. A comparative approach to the pronominal system in Transeurasian. In: M. Robbeets, A. Savelyev (eds.). *The Oxford guide to Transeurasian languages*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 554—584.

Shagal 2019 — K. Shagal. *Participles: A Typological Study*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2019.

Tsai 2008 — H.-C. J. Tsai. On gapless relative clauses in Chinese. In: *Nanzan Linguistics*. 2008, 5. P. 109—124.

Zaika 2019 — N. M. Zaika. Polipredikativnye prichinnye konstruktsii v yazykakh mira: Prostranstvo tipologicheskikh vozmozhnostei. In: *Voprosy yazykoznanija*. 2019, 4. S. 7—32. {N. M. Zaika. Polypredicative reason constructions in the world's languages: Typological parameters. In: *Topics in the study of language*. 2019, 4. P. 7—32.}

Zhang 2008 — N. Zhang. Gapless Relative Clauses as Clausal Licensors of Relational Nouns. In: *Language and Linguistics*. 2008, 9.4. P. 1005—1028.

**А. А. Бурыкин, С. И. Шарина. Эвенский язык. Фонетика.
Графика и орфография. Морфология.
Новосибирск: Наука, 2021. 402 с.**

Данилова Надежда Ивановна, Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск); nadiv2008@mail.ru

Введение. Издание научной грамматики эвенского языка — важное событие не только в изучении миноритарных языков, но и в лингвистике в целом. Теоретическая и практическая значимость данного труда обусловлена рядом очевидных причин. Во-первых, в настоящее время совершенно определенно можно констатировать, что давно назрела необходимость создания работы, представляющей собой полное описание фонологической системы и морфологического строя эвенского языка с учетом современных достижений и теоретических подходов в данной области. Ничуть не умаляя важность морфологической характеристики эвенского языка, приведенной в этом издании, представляется необходимым подчеркнуть особую актуальность системного описания графики и орфографии эвенского языка и установления главных принципов правописания, основанных на современной теории письма. Во-вторых, идеи и рассуждения авторов монографии, являющиеся результатом многолетних непосредственных научных наблюдений, в том числе полевых, по своей сути имеют программный характер. Они показывают перспективы исследования языков народов Севера в рамках современных научных направлений и парадигм с ориентацией на идею о системности и функциональности языкового строя. В-третьих, изданная книга, безусловно, может послужить фундаментальной методологической базой для разработки эффективных методик обучения как письменному, так и разговорному эвенскому языку на всех уровнях и в различных формах его преподавания. Все это в конечном счете связано с вопросом полноценного функционирования и сохранения эвенского и языков других малочисленных этносов Сибири и Дальнего Востока.

Краткая характеристика глав. Книгу предваряет небольшое **Предисловие**, в котором обоснована актуальность описания строя эвенского языка, основанного на современных научных подходах и теориях. В работе отмечается, что со дня издания грамматики, принадлежащей перу известного лингвиста и этнографа В. И. Цинциус, прошло более 70 лет, поэтому «главная задача, которую ставят перед собой авторы, — привести описание и характеристику алфавита, графики и орфографии эвенского языка к тому уровню, который отвечал бы современной теории письма, создаваемой на материале русского и европейских языков» [Бурыкин, Шарина 2021: 10].

Обсуждаемая научная грамматика эвенского языка состоит из трех логично расположенных глав: первая глава посвящена фонетике, вторая — графике и орфографии, третья — морфологии. Глава первая, «Фонетика», в которой дается описание фонологической системы эвенского языка, представляется особо важной не только для эвенского, но и для других миноритарных языков России. Она открывается разделом об истории изучения вопроса, в котором подвергнуты анализу соответствующие работы по теме. Вокалический и консонантный строй эвенского языка представлены в виде системы противопоставленных друг другу по определенным объективным признакам фонем. При этом в основу систематизации эвенских гласных положены пять различительных признаков: ряд, подъем, лабиализация, долгота — краткость, фарингализованность — нефарингализованность [там же: 25]. Автор раздела, А. А. Бурыкин, подчеркивает, что «признак долготы — краткости, характерный для всех тунгусо-маньчжурских языков, играет важную роль в фонологической системе эвенского языка, как и признак лабиализации» [там же: 26]. Здесь же внимание уделено сингармонизму гласных, который в эвенском языке имеет палатальный характер, а существующие ограничения на употребление лабиализованных гласных «регулируют распределение эвенских гласных внутри словоформы» [там же: 38]. Описание системы эвенского консонантизма исходит из оппозиций согласных по признакам шумности-сонорности, места и способа образования и глухости-звонкости или напряженности-ненапряженности. Как известно, в эвенском языке действуют ограничения на сочетаемость не только гласных, но и согласных, поэтому глава содержит специальный раздел «Сочетаемость согласных фонем». В нем дано описание трех возможных типов такой со-

четаемости: как внутри, так и на стыке морфем; только на стыке морфем; только внутри морфемы [там же: 46]. В этой части грамматики также ставятся важные вопросы членения речевого потока на слоги, соотношения слоговой и морфемной структуры слова.

В главе своевременно обсуждается проблема орфоэпии, предлагаются критерии нормативной оценки особенностей произношения в устной речи. Здесь также рассмотрена актуальная и принципиально важная для младописьменных языков проблема соотношения транскрипции и письма.

Вторая глава, «Графика и орфография», основана на положении о системных связях фонологии, графики и, далее, орфографии. В разделе о письменной форме языка и ее специфике авторы подчеркивают, что для языков малочисленных народов Севера, в частности для эвенского, письменность была создана сравнительно недавно. В монографии разработаны и предложены также важные для младописьменных языков лингвистические основы совершенствования методики обучения нормативному письму.

Третья глава научной грамматики посвящена описанию морфологической системы, которая представлена в виде взаимосвязанных парадигматических и функциональных отношений частей речи и их форм. Описание знаменательных и служебных частей речи дано на материалах ольского и других говоров восточного наречия эвенского языка, а для сравнения приводятся материалы среднего и западного наречий. Дана характеристика имен существительных в формах числа, падежа, принадлежности, системы числительных. Раздел «Глагол» написан более подробно — здесь рассмотрены наклонения, залоги, виды глагола. Времена глагола представлены с точки зрения традиционного подхода — в рамках системы из семи наклонений, имеющих временные формы. В разделе «Причастие в эвенском языке» зафиксированы его предикативное и атрибутивное употребление, а также причастные формы, представленные в говорах. Отдельно приведены деепричастия эвенского языка с примерами употребления, отмечаются их функциональные особенности. Неизменяемым частям речи — наречию, служебным словам, послелогам, союзам, частицам — также отведен специальный раздел.

Общее обсуждение. Рецензируемая монография вносит значительный вклад в изучение эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков потому, что в ней затрагиваются проблемы, которые если и ставились, то до сих пор не решены. Это прежде всего проблема графики и орфографии. К первым известным и наиболее полным исследованиям эвенского языка, несомненно, относятся очерки В. И. Цинциус и К. А. Новиковой. Так, «Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Часть 1» В. И. Цинциус был издан в 1947 г. и преследовал сразу две цели: «восполнить пробел в области теоретической, и (...) восполнить такой же пробел в области практической» [Цинциус 1947: 3]. Во вводной части этой работы приведены сведения об эвенах, обзор литературы по их языку и его общая характеристика. Первый раздел очерка содержит описание фонетического строя, приводятся сведения о графике и орфографии. При этом «уделяется значительное внимание главнейшим фонетическим закономерностям эвенского языка» [там же]. Второй раздел посвящен описанию частей речи, словоизменению и словообразованию с приложением перечня суффиксов и частиц. Очерк был задуман как первая часть полного грамматического описания, но вторая часть, посвященная синтаксису, так и не увидела свет. Вторым научным описанием эвенского языка явилась работа К. А. Новиковой «Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Часть 1», изданная в 1960 г. Она содержит сведения о фонетике и морфологии имени. В 1980 г. была издана вторая часть, содержащая описание глагола, служебных частей речи, образцы текстов на ольском говоре и глоссарий. Основным источником для обеих частей работы послужили текстовые, словарные и грамматические материалы, собранные автором во время неоднократных экспедиционных поездок, а также другие труды и источники. К. А. Новикова отмечает, что «в области морфологии глагола ольский говор не имеет существенных отличий от других диалектных групп эвенского языка. Состав грамматических категорий является общим для всех говоров» [Новикова 1980: 5]. В целом обе работы позволяют получить общее представление о фонетическом и морфологическом строе эвенского языка на примере ольского говора. Несмотря на то, что исследование языка эвенов Якутии было начато сбором сведений о нем в XVIII в., «начало (...) систематическому изучению и анализу говоров и диалектов (...) положено в 30-е годы XX в.» [Сулейманов 2021: 86]. Было издано известное описание языка эвенов В. Г. Богораза, продолженное работами В. И. Цинциус, К. А. Новиковой, Л. Д. Ришес. Но в целом уровень и возможности исследований того времени не позволили решить вопросы графики и орфографии с опорой на теорию письма. Кроме того, в тот период на первом плане стояли задачи ликвидации безграмотности и создания письменности, т. е. практические задачи, требующие быстрого решения.

Учитывая это, значительным достижением авторитетного и опытного исследователя А. А. Бурыкина следует считать предложенное им систематическое научное обоснование фонематического принципа ныне действующей эвенской графики и орфографии эвенского языка, который соответствует существующим на сегодняшний день условиям его функционирования. Это позволило выработать правила

обозначения фонем на письме и чтения эвенских букв, а также научно обоснованные, наиболее приемлемые нормы эвенской орфографии — правила правописания слов и грамматических форм. При этом кажется не лишенной справедливости критика сложившейся практики обучения письму на этих языках, которая ориентирована прежде всего «на писание под диктовку и чтение вслух» [Бурыкин, Шарина 2021: 101]. Кроме того, автор правомерно предлагает фонематический принцип графики считать основанием для кодификации орфоэпических норм эвенского литературного языка.

Одним из достоинств работы является описание изменений в графике эвенского языка, наблюдаемых на всем протяжении его письменного функционирования. Эти трансформации, которые важны для разработки принципов и поиска путей усовершенствования графики младописьменных языков, не были отражены в предыдущих трудах по эвенскому языку и истории письменности народов Севера. Между тем опыт распространения письменности на языках малочисленных народов Севера показывает, что ныне используемый ими фонематический принцип графики и орфографии, основанный на традициях русской графики, не в полной мере учитывает ситуацию двуязычия и многоязычия и, самое главное, — активное интерференционное воздействие письменной формы русского и других языков межэтнического общения на графику и орфографию языков этнических меньшинств. Авторы грамматики отмечают, что для эвенского языка одной из проблем графики и орфографии, кроме недостаточной изученности его звукового строя, является «применение ⟨...⟩ букв для йотированных гласных и их использование для обозначения определенных типов согласных подобно тому, как в русском языке при помощи этих букв изображаются на письме палатализованные (мягкие) согласные» [там же: 167]. В целом отступления от принятого фонематического принципа эвенской графики представлены четырьмя группами случаев, которые подробно рассмотрены авторами [там же: 169—173].

Тот факт, что на основе данной графики в настоящее время ведется активная издательская деятельность в Магаданской области, на Чукотке, в Хабаровском крае, в Республике Саха (Якутия) — издаются учебные пособия, словари различного типа и объема, художественная литература, — является достойным ответом на требования некоторых сторонников внедрения новой графики во все сферы использования эвенского языка. Эти требования часто сопровождаются утверждениями о якобы «несовершенстве» и недостатках действующей эвенской графики. Практика показывает, что разнообразные реформаторские инициативы в области эвенской письменности, наблюдаемые до сих пор в разных пользовательских средах, далеки от реальности и несостоятельны в научном отношении.

Это позволяет считать, что авторы представленной грамматики имели веское обоснование для значительного внимания к прикладным вопросам эвенского языка. Так, глава «Графика и орфография» занимает почти треть объема книги. Глава «Фонетика», меньшего объема (84 страницы), дает описание звукового строя эвенского языка, основанное только на полевых материалах авторов. Это объясняется тем, что эвенский язык, согласно принятой в настоящее время классификации, состоит из более чем 20 заметно различающихся между собой говоров и диалектов. Но, к сожалению, современное состояние языка и отсутствие возможности тщательного экспериментально-фонетического изучения с применением современных методов исследования и аппаратуры вынудило авторов ограничиться «описанием фонетики эвенского языка, основанным на данных слухового анализа» [там же: 9]. Объем главы «Морфология», безусловно, мог быть больше, но, по признанию авторов, инвентарь морфологических форм письменного языка оказывается несколько более узким, нежели инвентарь морфологических форм ольского и других говоров восточного наречия.

В обсуждаемой грамматике эвенского языка представляет большой интерес собственный подход авторов к расположению разделов, обусловленный особенностями его морфологического строя. Так, кажется правомерным, что авторы монографии сочли «более целесообразным поместить разделы о фонологической структуре корневых и аффиксальных морфем после характеристики типов слогов и соотношения слоговых и морфемных границ» [там же: 74] в разделе «Фонетика», учитывая наличие в эвенском языке неодносложных корневых и аффиксальных морфем. В традиционных грамматических описаниях, как известно, структура морфем помещается в разделе «Морфология». Далее, в монографии «как единственная и наиболее эффективная возможность обучения нормативному эвенскому произношению» предлагается обучение с учетом закономерностей звукового строя орфоэпических норм [там же: 88].

Раздел «Морфология» также обладает рядом несомненных достоинств. В грамматических описаниях эвенского языка традиционно различались морфологические классы имен и глаголов по ауслатной характеристике основы. Это следующие типы основ: с конечным гласным, с конечным согласным (кроме *-н*), с конечным *-н* и основы с аффиксом множественного числа на *-л* и *-р* [Цинциус 1947: 84, 87; Новикова 1960: 123]. В монографии приведен максимально возможный полный перечень имен и глаголов «с основой на *-н*, которые изменяются по типу основ с конечным согласным» [Бурыкин, Шарина 2021: 376]. Это сделано потому, что «основы данных слов, в отличие от исконных основ на *-н*, в эвенском языке утратили

конечный гласный» [там же: 226]. Данный перечень основ, в который вошли существительные и прилагательные, а также глаголы, помещен в приложении к монографии. Кроме того, части речи представлены в аспекте их живого функционирования в речи носителей. Так, приведены их некоторые функциональные особенности. Примечательно, что падежные формы подразделены на падежи постоянного употребления и редко используемые; к периферии системы отнесены падежи вторичной пространственной ориентации [там же: 231]. Значимым вкладом авторов в изучение эвенской морфологии можно считать приведенные подробные иллюстрации согласования прилагательных с существительными в каждой из 8 падежных форм: именительном, винительном, дательном, направительном, местном, продольном, отложительном, творительном падежах. Авторы объясняют это тем, что «в предшествующих описаниях количество примеров на согласование прилагательных с существительными, почерпнутых из аутентичных источников, было явно недостаточным» [там же: 233]. К примеру, в работе В. И. Цинциус отмечалось, что «в литературном эвенском языке принято прилагательное в роли определения согласовывать с существительным-определяемым в лице и падеже» и в качестве иллюстративного примера приводился текст одного стихотворения и таблица склонения прилагательного с существительным по 11 падежным формам [Цинциус 1947: 116—117]. К. А. Новикова также указала, что «определение, выраженное именем качественным, количественным, причастием и указательным местоимением, согласуется с определяемым, как правило, во всех падежах» [Новикова 1960: 224], и привела три иллюстративных примера. Такие иллюстрации важны и по той причине, что «даже в самых ранних материалах по эвенскому языку нет последовательности в согласовании прилагательных и причастий с именами существительными в падеже и числе» [Бурыкин, Шарина 2021: 236].

Авторы грамматики подтверждают положение о том, что «так называемое настоящее время в эвенском языке не является такой формой времени, которая обозначает совершение действия в момент речи» [там же: 282]. Этот тезис ранее был изложен в работах известного исследователя В. А. Роббека, который рассматривал глагольные грамматические категории в эвенском языке с функционально-семантической точки зрения, что позволило ему представить «в изъявительном наклонении 12 видовременных форм, 6 из которых имеют по два подтипа. Это прошедшее, настоящее и будущее морфологически и лексически предельных глаголов, а также процессуальных морфологически и лексически непредельных глаголов. Это дает основание выделить всего 18 аспектуально-временных форм, расположенных в трех временных рядах» [Роббек 1992: 44]. В целом он считал, что данные формы «представляют собой семантические категории, в которых тесно взаимосвязаны элементы временные, аспектуальные и семантика основы глагола» — предшествование, одновременность, следование, локализованность, перфектность. В обсуждаемой работе, поскольку она задумана как традиционная, в главе «Морфология» дается описание формального строя эвенского языка — система морфологических категорий и их формального представления по частям речи. К примеру, дано описание времен в пределах изъявительного наклонения, а также семи наклонений, каждое из которых имеет особую парадигму спряжения. По этой причине система времен эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте, в частности в соотношении с семантическими признаками предшествования, одновременности, следования, локализованности/не локализованности, перфектности, не рассмотрена. Авторы грамматики подошли к интерпретации залоговых форм с точки зрения характеристики актантной структуры глагольного предиката высказывания [Бурыкин, Шарина 2021: 303]. Так, подчеркивается, что «единственным условием преобразования активной конструкции в пассивную является наличие субъекта и объекта», выраженных именем с активной функцией. Указано также, что существуют другие подходы к интерпретации залоговых форм эвенского глагола. Действительно, известны специальные исследования В. А. Роббека, в которых он подчеркивал «взаимосвязь грамматических, словообразовательных, лексико-синтаксических и лексических средств выражения залоговых значений», рассматривая их исходя из категории переходности/непереходности [Роббек 1992: 3]. Вид глагола представлен в контексте аспектуальных отношений с учетом его лексико-грамматических особенностей, т. е. определен как категория, квалифицирующая типы и способы действия «по слово-/формообразовательному характеру грамматического показателя, который проявляется прежде всего в ограниченной или неограниченной сочетаемости с глагольными лексемами» [Бурыкин, Шарина 2021: 308]. Применяя такой подход, авторы включили в перечень, кроме 23 форм видов и способов действия, 8 ранее не отмеченных форм выражения характера протекания действия эвенского глагола [там же: 326]. Это видовые и глагольные формы, выражающие характер протекания действия, которые не попали в список аспектуально-временных форм изъявительного наклонения, приведенный В. А. Роббеком [Роббек 2007: 44—70]. Они представлены как видовые, исходя из формообразующего характера грамматического показателя, а также ввиду того, что «описание (...) системы способов глагольного действия еще далеко от полноты» [Бурыкин, Шарина 2021: 325]. Примечательно, что отдельным списком приведены 10 значений, в основу которых положены семантические признаки

кратности, длительности, интенсивности и т. д. [там же: 327]. Судя по описанию, некоторые формы, в зависимости от лексического значения глагольной основы и семантических свойств актантов ситуации, могут выступать в качестве морфологических средств выражения таксиса, результативности действия и т. д.

Интересным представляется заключение главы «Морфология», где отмечается, что инвентарь морфологических форм письменного языка оказывается более узким, чем в ольском говоре и в других говорах восточного наречия. Например, морфологический строй письменного эвенского языка характеризуется наличием 13 падежных форм, в говорах отмечается до 15 форм; категория времени глагола в письменном языке имеет формы настоящего, прошедшего и будущего времени, в говорах — две формы будущего времени; при описании категории наклонения в эвенских говорах обнаруживаются до четырех форм повелительного наклонения, две формы так называемого «предостерегательного». Данные выводы достаточно полно иллюстрированы полевыми материалами авторов по разным наречиям эвенского языка. Это дает авторам повод утверждать, что «письменный эвенский язык на уровне грамматики отличается от устной формы восточного наречия и существует как самостоятельная языковая форма, имеющая собственный инвентарь форм и собственную стилистическую систему» [там же: 370].

В целом глава, посвященная морфологии, показывает, что материал эвенского языка представляет большой интерес и перспективы для функционально-семантических и типологических исследований.

Обсуждаемая научная грамматика эвенского языка, кроме указанной выше безусловной актуальности, отличается тем, что в ней выявлены и введены в научный оборот многие ранее не зафиксированные явления эвенского языка. Авторы на реальном материале доказали статус формы назначительного падежа, употребляемого исключительно в притяжательном склонении. В перечень разрядов местоимений включены притяжательные местоимения, характерные для диалектов восточного наречия эвенского языка. Авторы отмечают, что «существование отдельного разряда притяжательных местоимений является характерной чертой диалектов восточного наречия эвенского языка, отличающей эти говоры от западных диалектов, где эти местоимения отсутствуют и в их функции выступают личные местоимения» [там же: 244]. Придание этим формам статуса отдельного разряда местоимений аргументируется тем, что они «выступают как самостоятельный разряд со своими специфическими чертами (формы множественности, парадигма склонения)» [там же: 247].

Зафиксированы также пять причастных форм, присутствующих в известных текстах на эвенском языке, но не отмеченных в грамматиках: впервые выделяются причастие очевидности действия с суффиксом *-тна/-тнэ*, причастие обычно совершаемого действия с суффиксом *-вки*, причастие возможного действия на *-ука/-укэ* и т. д. [там же: 336—339]. Также впервые выявлены: форма многократного действия с суффиксом *-ру*, форма неопределенной многоактности действия и т. д., которые в предыдущих описаниях грамматики эвенского языка не отмечались [там же: 322—323]. В грамматическую систему эвенского языка впервые включена форма с суффиксом *-уа/-уэ*, названная деепричастием невозможности/нежелания совершать действие, которая ранее исследователями не классифицировалась как деепричастие [там же: 353—356].

Книга снабжена необходимыми для грамматических описаний тщательно составленными таблицами, которые демонстрируют структуру и закономерности языковых явлений и представляют ценность как для исследователей, так и для изучающих эвенский язык. К примеру, представлены матрица и подробное описание закономерностей сочетаемости согласных в эвенских словах, содержащие исчисление всех допустимых сочетаний. В конце раздела «Морфология» продемонстрировано суммарное линейное распределение показателей семантических категорий эвенского глагола. Самым ценным демонстрационным материалом книги является приложение под названием «Грамматико-орфографический справочник по эвенскому языку (Таблицы)». Оно содержит таблицы образования притяжательных форм имен существительных, склонения имен существительных, местоимений, числительных, спряжения глаголов, образования деепричастных форм и т. д., которые дают наглядное представление о нормативных написаниях грамматических форм на стыке морфем. Составление таблиц, конечно, потребовало от авторов большого объема предварительного анализа.

Научная грамматика эвенского языка написана на обширном материале эвенского фольклора (в основном его малых жанров), письменных текстов разного диалектного происхождения, художественных произведений. Значительное место занимают полевые материалы авторов по эвенским диалектам восточного и западного наречий.

Хотя авторы отмечают, что в настоящее время очень трудно обнаружить информанта, владеющего аутентичной речью, результаты собственных полевых исследований и ранее выполненных экспериментов позволили им в первой части грамматики представить подробную научно обоснованную характеристику фонологической системы эвенского языка. Необходимо отметить, что в сложных условиях, когда

многие носители эвенского языка не владеют аутентичной речью, авторы продемонстрировали особый дар восприятия речи и ее фонологической интерпретации.

Текст монографии отвечает требованиям к структуре и форме изложения результатов научного исследования. Обязательные элементы справочно-сопроводительного аппарата — прикижная аннотация с читательским адресом, библиографический список, список условных сокращений, приложения — оформлены методически верно и согласно принятым нормативам.

Замечания. Подчеркивая актуальность издания и в целом высокий теоретический уровень исследования, мы в то же время считаем важным отметить следующее:

— хотя описание морфологической системы эвенского языка дано с привлечением современных теорий, в большей части семантических, все примеры на эвенском языке представлены в текстовом виде. Использование методов поморфемного глоссирования или транскрипции облегчило бы их понимание для компаративистов и типологов;

— разделы главы «Морфология» кажутся неравномерными с точки зрения ее структуры. Бесспорно, глагол и его категории представляют собой семантически объемный и потому интересный материал, но описание именных частей речи тоже можно было бы расширить — в частности, описанием семантики падежей.

Заключение. Монография «Эвенский язык. Фонетика. Графика и орфография. Морфология» представляет собой фундаментальное грамматическое описание и выполнена качественно как с научной, так и с редакторской точки зрения. Многие ее положения, в особенности те, которые касаются принципов графики и орфографии, имеют программный характер и могут послужить теоретическим обоснованием для разработки и усовершенствования письменностей языков народов Севера. Право на такое утверждение дает высокий теоретический уровень и научный авторитет ее авторов — это ведущий специалист по языкам, культуре, истории народов Сибири и Дальнего Востока А. А. Бурыкин и известный эвеновед С. И. Шарина. Издание вызовет интерес прежде всего лингвистов — специалистов как по миноритарным, так и по другим языкам. Оно будет востребовано педагогами и учащимися средней и высшей школы, а также всеми, кто неравнодушен к судьбе эвенского языка.

Литература

Бурыкин, Шарина 2021 — А. А. Бурыкин, С. И. Шарина. Эвенский язык. Фонетика. Графика и орфография. Морфология. Новосибирск: Наука, 2021.

Новикова 1960 — К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Ч. 1. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960.

Новикова 1980 — Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор: глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. Ленинград: Наука, 1980.

Роббек 1992 — В. А. Роббек. Грамматические категории эвенского глагола. СПб.: Наука, 1992.

Роббек 2007 — В. А. Роббек. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007.

Сулейманов 2021 — А. А. Сулейманов. Академия наук и исследование арктических районов Якутии в конце 1940-х — 1991 гг. Новосибирск: Наука, 2021.

Цинциус 1947 — В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947.

References

Burykin, Sharina 2021 — A. A. Burykin, S. I. Sharina. Ehvenskii yazyk. Fonetika. Grafika i orfografiya. Morfologiya. Novosibirsk: Nauka, 2021. {A. A. Burykin, S. I. Sharina. Even language. Phonetics. Graphics and Orthography Morphology. Novosibirsk: Nauka, 2021.}

Novikova 1960 — K. A. Novikova. Ocherki dialektov ehvenskogo yazyka: Ol'skii govor. Ch. 1. Moskva; Leningrad: Izd. AN SSSR, 1960. {K. A. Novikova. Essays on the dialects of the Even language: Olsky dialect. Part 1. Moscow; Leningrad: Edition of the Academy of Sciences of the USSR, 1960.}

Novikova 1980 — K. A. Novikova. Ocherki dialektov evenskogo yazyka. Ol'skij govor: glagol, sluzhebnye slova, teksty, glossarij. Leningrad: Nauka, 1980. {K. A. Novikova. Essays on the dialects of the Even language. Olsky dialect: verb, service words, texts, glossary. Leningrad: Nauka, 1980.}

Robbek 1992 — V. A. Robbek. Grammaticheskie kategorii ehvenskogo glagola. Sankt-Peterburg: Nauka, 1992. {V. A. Robbek. Grammatical categories of the Even verb. Saint Petersburg: Nauka, 1992.}

Robbek 2007 — V. A. Robbek. Grammaticheskie kategorii ehvenskogo glagola v funktsional'no-semanticheskom aspekte. Novosibirsk: Nauka, 2007. {V. A. Robbek. Grammatical categories of the Even verb in the functional-semantic aspect. Novosibirsk: Nauka, 2007.}

Suleimanov 2021 — A. A. Suleimanov. Akademiya nauk i issledovanie arkticheskikh raionov Yakutii v kontse 1940-kh — 1991 gg. Novosibirsk: Nauka, 2021. {A. A. Suleymanov. Academy of Sciences and Research of the Arctic Regions of Yakutia in the Late 1940—1991 years. Novosibirsk: Nauka, 2021.}

Tsintsius 1947 — V. I. Tsintsius. Ocherk grammatiki ehvenskogo (lamutskogo) yazyka. Leningrad: Uchpedgiz, 1947. {V. I. Tsintsius. Essay on the grammar of the Even (Lamut) language. Leningrad: Uchpedgiz, 1947.}

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Э. А. Грунина. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. F. Lessing. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Г. Дёрфер. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — F. Kiefer, B. Gyuris. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. F. Kiefer. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — I. Nikolaeva. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. J. Fernandez-Vest. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — L. V. Clark. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — G. Doerfer. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — E. Helimski. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Учредители
А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская

Редактор
М. Л. Максимова

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков
jurnaluraltai@mail.ru

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Дата выхода номера
01.04.2023

Founded by
Anna V. Dybo, Yu. V. Normanskaya

Editor
Maria Maksimova

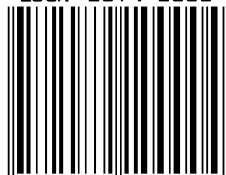
Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages
jurnaluraltai@mail.ru

Phone
+7 (495) 691-63-06

Publication date
01.04.2023

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >